

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Штанькова Анастасия Петровна

**ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ, ВИДЫ,
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ И НАКАЗАНИЯ**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор
Лопашенко Наталья Александровна

Саратов – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	18
§ 1. Понятие и признаки привилегированных составов преступлений.....	18
§ 2. Основания криминализации привилегированных составов преступлений.....	31
ГЛАВА 2. ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМИ СОСТАВАМИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ КВАЛИФИКАЦИИ.....	47
§ 1. Привилегированные составы преступлений, закрепленные в УК РФ ..	47
1. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).....	47
2. Убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 107, ст. 113 УК РФ).....	74
3. Убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ).....	95
4. Убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 114 УК РФ).....	104
§ 2. Потенциально возможные привилегированные составы преступлений.....	118
1. Хищение, совершенное в результате крайней личной и (или) семейной нужды.....	118
2. Убийство по просьбе потерпевшего лица, совершенное по мотиву сострадания.....	144
3. Псевдопривилегированные составы преступлений	164
ГЛАВА 3. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПЕНАЛИЗАЦИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМИ СОСТАВАМИ.....	187
§ 1. Дифференциация уголовной ответственности в отношении преступлений с привилегированными составами	187
§ 2. Пенализация в отношении преступлений с привилегированными составами	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	238
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	243
ПРИЛОЖЕНИЕ. РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ.....	286

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Уголовная политика РФ демонстрирует путь к гуманизации уголовного законодательства. Ориентированность на послабление репрессивных мер видна почти в каждом заявлении главы государства В.В. Путина по вопросам, касающимся прав и свобод человека и гражданина, объективности и справедливости правосудия. О непрерывной работе над гуманизацией уголовного законодательства сообщил 10 декабря 2020 г. и Верховный Суд РФ, отметив в качестве положительной тенденции декриминализацию некоторых деяний, увеличение числа оправдательных приговоров, сокращение числа лиц, находящихся в местах лишения свободы, подчеркнув уменьшение в российском правосудии «инквизиционной» составляющей¹. Поэтому институт смягчения наказания становится все более актуальным и требует своего дальнейшего анализа и развития.

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК) закреплены специальные составы преступлений, которые предназначены для смягчения наказания лицам, в чьих действиях присутствуют обстоятельства, влияющие на понижение уголовной ответственности. Речь идет о привилегированных составах преступлений или, по-другому, о составах со смягчающими обстоятельствами.

Смягчающие обстоятельства, предусмотренные в нормах Особенной части УК, фактически представляют собой признаки - привилегии, которые делают привилегированные составы преступлений отличными от основных и квалифицированных. В сравнении с основным составом наличие этих признаков - привилегий как дополнительных обстоятельств, включенных в состав преступления, изменяет квалификацию содеянного, модифицирует санкцию статьи, понижает наказание, в целом служит мерилем опасности совершенного деяния. Являясь признаками состава преступления, такие

¹ Предложения Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: последние новости России и мира. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4606248> (дата обращения: 15.01.2021).

обстоятельства свидетельствуют о пониженной степени общественной опасности преступления, выступают необходимой частью основания уголовной ответственности, дифференцируют уголовную ответственность, тем самым разграничивая менее опасные преступления и более опасные.

Российская статистика фиксирует весомое количество преступлений, совершаемых при смягчающих обстоятельствах, закрепленных в диспозициях статей Особенной части УК. Так, за период 2015 - 2020 гг. число осужденных по ст. 106 УК составило 205 человек, по ст. 107 УК – 356, по ст. 108 УК – 1 347, по ст. 113 и ст. 114 УК – 105 и 2 843 человека соответственно¹.

Доктрина уголовного права располагает множеством взглядов и мнений ученых относительно понятия, классификации привилегированных составов преступлений и законодательного определения их признаков. При этом как в теории, так и на практике остаются нерешёнными вопросы, касающиеся обоснованности отнесения некоторых признаков к разряду привилегирующих, возможности введения в УК новых привилегированных составов преступлений, сопоставимости общественно опасных последствий исследуемых преступлений с тяжестью уголовных наказаний за их совершение.

Раскрытие уголовно-правовых аспектов отдельно взятых преступлений со смягчающими обстоятельствами без глубокого и обстоятельного изучения всего комплекса привилегированных составов преступлений не позволит выявить и отразить столь необходимую для законодательной и правоприменительной деятельности особенность указанных норм, влияющую на их эффективную реализацию.

Нельзя не отметить негативное влияние на многие социальные процессы, в том числе преступную деятельность, экономического кризиса, вызванного пандемией коронавирусной инфекции COVID-19.

¹ Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 06.11.2020).

Неблагоприятная социальная и экономическая обстановка (закрытие бизнеса, дистанционное обучение и удаленная работа, сокращение рабочих мест, нехватка жизненно необходимых лекарственных средств), образовавшаяся в результате эпидемии, является мощным двигательным механизмом, который толкает некоторых людей на совершение преступления. В подобных случаях, учитывая принцип справедливости, должен ставиться вопрос о влиянии таких обстоятельств на дифференциацию уголовной ответственности, в частности на развитие привилегированных составов преступлений.

Перечисленные обстоятельства высвечивают потребность в глубоком и всестороннем исследовании преступлений, образующих привилегированные составы, их понятия, основания криминализации, видов, особенностей квалификации, дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

Степень теоретической разработанности проблемы. Комплексные исследования преступлений против жизни и здоровья, в том числе привилегированных их видов, проводились многими советскими и современными учеными: Ю.М. Антоняном, А.Г. Бабичевым, Г.Н. Борзенковым, С.В. Бородиным, Л.Д. Гаухманом, Д.Ж. Гостьковой, Н.И. Загородниковым, А.И. Коробеевым, А.Н. Красиковым, Н.А. Лопашенко, Э.Ф. Побегайло, А.Н. Поповым, Б.В. Сидоровым, Н.С. Таганцевым, С.В. Тасаковым, С.И. Тишкевичем, И.Я. Фойницким, А.И. Чучаевым и др.

Проблемы отдельных привилегированных видов убийств и причинения вреда здоровью исследовались в работах Н.Е. Алёнкина, С.В. Анощенковой, Н.Г. Вольдимаровой, Е.И. Грубовой, Э.В. Кабурнеева, О.С. Капинус, А.Л. Карасовой, В.Ю. Касторновой, Е.Б. Кургузкиной, О.В. Лукичева, А.В. Луневой, Л.И. Мурзиной, А.Г. Мустафазаде, С.В. Пархоменко, Ш.Р. Раджабова, С.В. Расторопова, И.Р. Сичиनावы, М.А. Трясоумова, Р.Р. Тухбатуллина, А.А. Чугунова и др.

Привилегированным составам преступлений как средству дифференциации уголовной ответственности посвящены работы Е.А. Вакариной, А.В. Васильевского, А.В. Иванчина, Э.В. Кабурнеева, М.Н. Каплина, Л.Л. Кругликова, Т.А. Лесниевски-Костаревой, С.А. Маркарян, Е.А. Мачульской, Н.В. Огородниковой, Е.В. Пахомовой, Е.В. Роговой, Э.Л. Сидоренко, Р.Ю. Смирнова, О.Н. Чупровой и др.

Оценивая по достоинству научные разработки перечисленных авторов, следует констатировать, что на сегодняшний день имеются значительные пробелы в формировании общей теории привилегированных составов преступлений (теории привилегии). Безусловно, доктрина уголовного права освещает вопросы, касающиеся привилегированных видов преступлений, однако в большей степени учёные сосредотачиваются на анализе конкретных составов преступлений со смягчающими обстоятельствами либо хотя и совокупности привилегированных составов преступлений, но объединенных одним видовым объектом – жизнью или здоровьем.

Таким образом, глубокое монографическое исследование, в котором бы с единых системных позиций осмысливались все имеющиеся в уголовном законе привилегированные составы преступлений, включая их уголовно-правовые и уголовно-политические аспекты, на сегодняшний день отсутствует. Его проведение позволит установить все привилегирующие признаки, используемые в действующем УК, выявить потенциально возможные привилегирующие признаки, раскрыть их сущность и значение, обнаружить пробельность и (или) избыточность этих признаков и, как итоговый результат, предложить адекватную уголовную ответственность за деяния, совершаемые при наличии указанных обстоятельств.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с совершением преступлений, образующих привилегированные составы, их криминализацией, квалификацией и наказуемостью.

В качестве **предмета исследования** выступают применимые к объекту исследования нормы действующего уголовного законодательства РФ, материалы судебной практики, результаты социологических исследований.

Цель диссертационного исследования состоит в формировании теоретической модели привилегированных составов преступлений с учетом базовых положений криминализации (понятия, видов, оснований), дифференциации уголовной ответственности (обоснованности включения смягчающего обстоятельства в конкретный привилегированный состав преступления) и влияния привилегирующих признаков на квалификацию содеянного и справедливость назначенного наказания.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- определить основания криминализации деяний, образующих привилегированные составы преступлений;
- выделить признаки, присущие привилегированному составу преступления, и с их учетом сформулировать его дефиницию;
- раскрыть содержание привилегированных составов преступлений, закрепленных в УК, и потенциально возможных привилегированных составов преступлений с учетом особенностей их квалификации;
- выявить специфику дифференциации уголовной ответственности за преступления привилегированными составами;
- определить особенности пенализации преступлений, образующих привилегированные составы;
- разработать предложения по внесению изменений в действующий уголовный закон и практику его применения в части совершенствования уголовно-правового предупреждения преступлений со смягчающими обстоятельствами.

Теоретическая база исследования представлена трудами специалистов *в области уголовного права*: Ю.М. Антоняна, А.Г. Блинова, А.И. Бойко, Г.Н. Борзенкова, С.В. Бородина, Я.М. Брайнина, Е.А. Вакариной,

А.В. Васильевского, Н.Г. Вольдимаровой, Л.Д. Гаухмана, И.Я. Гонтаря, И.В. Горностаевой, Д.Ж. Гостьковой, Е.И. Грубовой, М.Г. Дибирова, С.П. Донца, А.Э. Жалинского, Н.И. Загородникова, А.В. Иванчина, Э.В. Кабурнеева, О.С. Капинус, М.Н. Каплина, В.Ю. Касторновой, В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, А.В. Косарева, А.Н. Красикова, Л.Л. Кругликова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Д.А. Кузьмина, Е.Б. Кургузкиной, В.И. Курляндского, Т.А. Лесниевски-Костаревой, Н.А. Лопашенко, О.В. Лукичева, А.В. Луневова, В.В. Лунеева, Ю.И. Ляпунова, В.Л. Малькова, М.А. Махмудовой, Г.Н. Мацокиной, Е.А. Мачульской, Н.И. Медведевой, Л.И. Мурзиной, А.Г. Мустафазаде, А.В. Наумова, Т.В. Непомнящей, Б.С. Никифорова, Н.В. Огородниковой, С.В. Пархоменко, Е.В. Пахомовой, Т.А. Плаксиной, А.А. Пионтковского, Э.Ф. Побегайло, А.Н. Попова, М.М. Прониной, В.С. Прохорова, Ю.Е. Пудовочкина, Ш.Р. Раджабова, А.И. Рарога, С.В. Расторопова, Е.В. Роговой, Э.Л. Сидоренко, Л.Н. Смирновой, А.Н. Трайнина, И.Я. Фойницкого, А.Г. Хлебушкина, Г.И. Чечеля, А.И. Чучаева и др.;

в области психологии и психиатрии: М.М. Аль-Одайни Магда, В.К. Вилюнаса, П.А. Иванова, А.Н. Леонтьева, Н.И. Лыскиной, С.Л. Рубенштейна, Е.А. Ряпловой, О.Д. Ситковской, А.М. Смирнова, Т.Т. Сорокиной, Б.А. Спасенникова, С.Б. Спасенникова, А.Н. Тихомирова;

в области медицины: Э.К. Айламазяна, Т.В. Бабичевой, С.В. Балашовой, Е.И. Барановской, В.И. Бодяжиной, С.Н. Гайдукова, Т.Ю. Иванца, Н.А. Коротковой, Ю.Г. Пронской, Н.С. Самедовой, Н.Д. Фанченко, Е.А. Чернухи, Н.А. Чечериной.

Правовой базой исследования являются нормы Конституции РФ, российского уголовного законодательства, иных отечественных правовых актов, уголовного законодательства некоторых зарубежных стран, касающиеся объекта исследования.

Методологической основой диссертации послужили диалектический метод как всеобщий метод познания явлений и процессов правовой

действительности и базирующиеся на нём общенаучные (анализ, синтез, сравнение, описание, индукция, дедукция, аналогия, логический, системный, структурно-функциональный и др.) и частнонаучные (формально-логический, сравнительно-правовой, правового моделирования, лингвистический, статистический и др.) исследовательские методы.

Эмпирическую базу исследования составляют:

- данные официальной судебной статистики об общем количестве осуждённых по статьям УК об ответственности за привилегированные виды преступлений против жизни и здоровья за период 2015-2020 гг.;

- 160 опубликованных материалов уголовных дел об убийстве матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов за период 2015-2020 гг.;

- 223 опубликованных материала уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 108 и 114 УК, за период 2015-2019 гг.;

- результаты интервьюирования 20 практикующих врачей ГБУЗ АО «Центр охраны здоровья семьи и репродукции», проведённого в г. Астрахани в 2019 г.;

- результаты анкетирования 135 ученых и 75 практических работников (судей, прокуроров, следователей, адвокатов), проведенного в 2015-2020 гг. в Астрахани, Москве, Саранске, Саратове.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней разработана теоретическая модель привилегированных составов преступлений, которая выражена в системе положений от общего к частному и в рамках которой:

- выделены место и роль привилегированных составов преступлений в общей структуре составов преступлений;

- на основе анализа признаков - привилегий сформулированы базовые понятия, раскрывающие сущность привилегированных составов преступлений, их классификацию, особенности и основания криминализации преступлений с привилегированными составами;

- сформулированы условия обоснованности и (или) необходимости включения смягчающего обстоятельства в привилегированный состав преступления и оправданного влияния этого признака на снижение наказания;

- с учетом названных условий определены позиции по корректной квалификации преступления и особенностям дифференциации уголовной ответственности за его совершение с помощью привилегирующих признаков;

- выстроена математическая модель назначения справедливого наказания при наличии в действиях лица обстоятельств, влияющих на изменение уголовной ответственности.

Научная новизна исследования определяется основными положениями, выносимыми на защиту:

1. Привилегированный состав преступления – это состав, характеризующийся наличием признаков - привилегий, регламентированных в диспозиции статьи Особенной части УК, раскрывающих обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (психоэмоциональное состояние, провоцирующие действия со стороны потерпевшего лица, состояние аффекта и т.д.), вынуждающие лицо перейти к противоправным деяниям, что обоснованно и законно влияет на дифференциацию уголовной ответственности в сторону ее снижения и, как следствие, функционально влечет за собой появление новой (более мягкой) санкции с учетом привилегирующих признаков.

2. Основанием криминализации преступлений со смягчающими обстоятельствами, как и преступлений, образующих основные и квалифицированные составы, выступает *общественно опасное* поведение, причиняющее или способное причинить вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Характер общественной опасности, который является ее качественным показателем, у преступлений с основным, квалифицированным и привилегированным составом *идентичен*, изменяется (понижается) только

степень общественной опасности, которая имеет значение для уголовно-правовой оценки привилегированных видов преступлений. При этом утверждение об идентичности общественной опасности преступлений основного и квалифицированного составов относится исключительно к убийствам и причинению вреда здоровью.

3. Пониженная общественная опасность представляет собой вид общественной опасности как признака преступления, характеризующего причинение ущерба (вреда) тем или иным общественным отношениям, отличающийся от общественной опасности в целом изменением количественного показателя, т.е. ее степени, по причине наличия в конструкции состава преступления привилегирующего признака, что позволяет произвести измерение общественной опасности, установив ее снижение, и таким образом дифференцировать ее вид.

4. Структура дифференциации уголовной ответственности с помощью привилегирующих признаков представлена следующими составляющими:

- субъект дифференциации – законодатель, который и осуществляет разделение ответственности;
- основание дифференциации – типовая степень общественной опасности содеянного;
- средство дифференциации – непосредственно сами привилегированные составы преступлений;
- обстоятельства дифференциации – признаки - привилегии;
- принципы дифференциации уголовной ответственности – исходные начала, на основании которых наказание должно соответствовать деянию, в данном случае деянию, которое содержит признак - привилегию, что дает понижение уголовной ответственности и отражает изменение типовой степени общественной опасности содеянного.

5. Все составы преступлений со смягчающими обстоятельствами содержат признаки - привилегии. Привилегирующие признаки, являющиеся

обстоятельствами, изменяющими уголовную ответственность и понижающими наказание, для признания их таковыми, должны отвечать трем условиям, при отсутствии которых признак не должен входить в привилегированный состав преступления в качестве смягчающего обстоятельства.

Первое условие – возникновение признака всегда связано с тем, на кого или на что посягает преступление (ст. 106 УК – особая психофизиологическая реакция матери, вызванная процессом родоразрешения, в результате которого на свет появляется *новорожденный*; ст. 107 УК – виктимное поведение *жертвы*; ч. 1 ст. 108 УК – факт посягательства со стороны *потерпевшего лица*, ч. 2 ст. 108 УК – факт совершения преступления *лицом, уклоняющимся от задержания*).

Второе условие – признак - привилегия должен быть связан с психическими и / или эмоциональными (эмоции, стресс, аффекты) процессами субъекта преступления (ст. 106 УК – психотравмирующая ситуация, связанная с беременностью и родами; ст. 107 УК – аффектированное состояние; ч. 1 ст. 108 УК – отрицательное, стрессовое состояние при наличии факта посягательства, ч. 2 ст. 108 УК – негативное эмоциональное состояние, связанное с фактом совершения преступления *лицом, уклоняющимся от задержания*).

Третье условие – признак - привилегия должен отражать вынужденность совершения *лицом* преступления (ст. 106 УК – психотравмирующая ситуация, связанная с беременностью и родами; ст. 107 УК – виктимное поведение *жертвы*, выраженное в альтернативных провоцирующих субъекта преступления действиях (бездействии) в совокупности с аффектированным состоянием; ч. 1 ст. 108 УК – вынужденность мер при защите обороняющегося лица от противоправного посягательства, ч. 2 ст. 108 УК – вынужденность действий, которые выражаются в одном случае в обязанности соответствующих категорий должностных лиц осуществлять задержание, в другом случае – в праве

на задержание, принадлежащем любому лицу независимо от должностного положения).

6. Сложные ситуативные факторы, провоцирующие появление и психофизиологического состояния, и состояния психотравмы, влияющие на преступное поведение женщины (матери), выступают объективным основанием отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к привилегированным составам преступлений. Статью 106 УК необходимо изложить в следующей редакции:

«Статья 106. Убийство матерью новорожденного ребенка

Непредумышленное убийство матерью новорожденного ребенка во время или в период после родов, а равно убийство новорожденного ребенка, вызванное особым психофизиологическим состоянием роженицы, или убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с наступившей беременностью и родами, –

наказывается ...

Примечания. 1. Периодом после родов является ранний (в течение пяти-семи дней) период после физиологических родов и (или) после абдоминального процесса родоразрешения.

2. Под психофизиологическим состоянием понимается системный ответ организма на воздействие совокупности психических и физических (физиологических) условий и факторов, в целом характеризующий угнетенное состояние женщины, вызванное процессом родоразрешения и (или) ранним послеродовым периодом.»

7. Исследование данных Федеральной службы государственной статистики, сложной эпидемиологической обстановки, вызванной пандемией COVID-19, зарубежного опыта квалификации преступлений против собственности в подобных условиях, социально-экономической ситуации в России, включая величину прожиточного минимума, стоимость потребительской корзины в период 2002-2020 гг., численность населения

с доходами ниже величины прожиточного минимума, привело к пониманию объективной необходимости дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества.

Сформулированы признаки, необходимые для дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества: неблагоприятная обстановка, сложившаяся в результате тяжелой жизненной материальной ситуации не по воле или вине лица, совершающего хищение; корыстный мотив, вызванный особым обстоятельством его формирования – крайней личной или семейной нуждой, характеризующейся непреодолимой и острой личной жизненно важной потребностью и (или) жизненно важной потребностью семьи и близких лиц; совершение хищения без применения насилия; цель преступления – удовлетворение жизненно важных потребностей; субъект преступления – лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, находящееся в практически безвыходной ситуации.

Предложен новый привилегированный состав преступления против собственности:

«Статья 158². Хищение, совершенное в результате крайней личной и (или) семейной нужды

Хищение чужого имущества в состоянии крайней личной и (или) семейной нужды с целью удовлетворения необходимых жизненно важных потребностей, не связанное с применением насилия либо угрозой его применения, –

наказывается ...

Примечание. Под крайней личной и (или) семейной нуждой следует понимать непреодолимую личную жизненно важную потребность и (или) жизненно важную потребность семьи или близких лиц, возникшую при стечении тяжелых материальных обстоятельств не по воле или вине лица, совершившего хищение.»

8. Специфика убийства по просьбе потерпевшего выражается в волеизъявлении лица о причинении ему смерти и мотиве сострадания.

Однако смягчение уголовной ответственности посредством конструирования нового привилегированного состава нецелесообразно по следующим основаниям: неготовность общества и государства в целом к выделению отдельного привилегированного вида убийства по просьбе потерпевшего лица, высокая вероятность симуляции и подлогов.

9. Псевдопривилегированные составы преступлений – это составы преступлений, имеющие, по мнению законодателя, пониженную общественную опасность в связи с включением в их конструкцию признаков, влияющих на дифференциацию уголовной ответственности, но в своей сущности не содержащих смягчающие обстоятельства и не являющихся привилегирующими (ст. 204², 291², 158¹, 159¹-159⁶, 121-122 УК).

10. Квалификация преступлений с привилегированным составом должна отражать полноту действий лица, совершающего преступление в связи с обстоятельствами, способствовавшими его совершению, минуя квалификацию по норме, предусматривающей как необоснованно заниженную, так и необоснованно завышенную юридическую оценку, учитывая все обстоятельства, имеющиеся в действительности, а именно: общественно опасное деяние можно квалифицировать как привилегированный состав преступления только при наличии в действии лица одного из альтернативных привилегирующих признаков (ст. 106 УК), совокупности двух взаимообусловленных и объективно влияющих на поведение субъекта факторов (ст. 107, 113 УК) либо единственно возможного смягчающего обстоятельства (ст. 108, 114 УК). В противном случае следует давать иную, более строгую оценку действиям виновного лица.

11. Анализ материалов судебной практики показал, что суды проявляют к лицам, совершившим преступления с привилегированными составами, излишнюю гуманность. Усилению наказания в законе соответствует снижение наказания на практике, что демонстрирует несовпадение законодательной и практической пенализации.

12. Математический метод исследования позволил вычислить коэффициенты (k) смягчающих обстоятельств в привилегированных составах преступлений против жизни и применить их для расчета наказания в рамках формулы $Y=y*k$, при помощи которой суды смогут назначать наказание, не просто усматривая и учитывая смягчающие и (или) отягчающие обстоятельства в совокупности, а принимать во внимание каждое обстоятельство в отдельности, что позволит свести к минимуму рассогласованность теоретической (законодательной) и практической пенализации и минимизировать случаи назначения наказания, не отвечающего стоящим перед ним целям.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в нем научные положения образуют теоретическую модель привилегированных составов преступлений, в рамках которой раскрывается содержание понятия привилегированного состава преступления, а равно определяются виды, основания криминализации, особенности квалификации и наказуемость деяний, образующих привилегированные составы, что в целом развивает доктрину уголовного права. Содержащиеся в диссертации выводы и рекомендации могут быть положены в основу дальнейших исследований проблем, связанных с привилегированными составами преступлений.

Практическая значимость исследования состоит в том, что теоретическая модель привилегированных составов преступлений, имея важное значение для понимания сущности смягчающих обстоятельств и влияния этих признаков на состав преступления, может способствовать реализации справедливой уголовной ответственности за совершение преступных деяний с пониженной общественной опасностью, совершенствованию норм уголовного законодательства, предусматривающих привилегированные составы преступлений. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в процессе преподавания уголовно-

правовых дисциплин в учреждениях, реализующих высшее юридическое образование.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием материалов всероссийских и международных конференций, посвященных актуальным проблемам преступлений против жизни и здоровья, а также уголовной политики в рассматриваемой сфере. Полученные результаты исследования базируются на положениях и выводах, сформулированных в уголовно-правовой доктрине, законодательстве и правоприменительной практике.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии.

Положения и выводы диссертационного исследования получили отражение в 18 научных трудах общим объемом 4,13 а.л., 6 из которых – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Апробация результатов исследования также осуществлялась путем очного и заочного участия в научно-практических мероприятиях международного, российского и регионального уровней (г. Москва, МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2015, 2016 гг.; г. Саратов, СГЮА, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг.; г. Астрахань, АГУ, 2018 г.), а равно их использования в процессе преподавания курса уголовного права на юридическом факультете Астраханского государственного университета.

Структура исследования обусловлена его объектом, целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка используемых источников и приложения.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Понятие и признаки привилегированных составов преступлений

Уголовная политика РФ в настоящий момент ярко и выражено демонстрирует путь к гуманизации российского уголовного законодательства, что подтверждается не только многими изменениями, которые все чаще вносятся в уголовное законодательство, но и словами Президента Российской Федерации в послании парламенту Российской Федерации, где было отмечено, что: «Нам крайне важна гуманизация уголовного законодательства и системы наказаний...»¹.

На основании этого институт смягчения уголовной ответственности и наказания становится все более актуальным и требует, как нам представляется, более глубокого анализа. Как отмечают М.В. Бавсун, К.Д. Николаев и В.Б. Мишкин, формальные критерии смягчения наказания заложены в ряде санкций статей Особенной части УК². В данном случае следует говорить о так называемых привилегированных составах преступлений.

Для того чтобы выяснить, в чем же выражается особенность привилегированных составов преступлений, какова их природа, уголовно-правовые последствия и каковы возможные пути совершенствования ответственности за преступления со смягчающими обстоятельствами, нам необходимо начать с классической формы определения понятия и признаков анализируемых составов преступлений.

Термин «привилегированный» означает пользующийся какими-нибудь привилегиями³. Так, исходное заимствованное из латинского языка существительное «привилегия» (лат. *privilegium* – от *privus* – особый и *lex* -

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию «России надо быть сильной и конкурентоспособной» // Рос. газета. 2002. 19 апр.

² Бавсун М.В., Николаев К.Д., Мишкин В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 12.

³ Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/181006> (дата обращения: 01.10.2015).

закон) понимается как исключительное право, преимущество, предоставленное кому-либо¹. А.С. Емельянов отмечает, что привилегия может рассматриваться в двух аспектах:

1) повторимся, как право исключительное, позволяющее получать определенные преимущества в процессе осуществления какого-либо вида деятельности (общеупотребительный аспект);

2) как правовой институт, где привилегии представляют совокупность норм, регламентирующих процесс установления - изменения прав - преимуществ для эффективного регулирования общественных отношений².

В.И. Афанасьева описывает привилегию как определенного рода правовое преимущество, которое находит свое выражение в праве, и как особую правовую категорию, действующую в рамках юридических норм³.

С.Ю. Суменков, давая понятие и признаки правовых привилегий, начинает с того, что говорит о привилегии как о негативном факторе, о противоправном явлении. Подобный подход автор обосновывает тем, что привилегия отдельных субъектов ущемляет возможности большинства граждан⁴. Представляется, что это два разных понятия привилегии. Есть привилегия как правовое преимущество, закрепленное в нормах права и априори оно должно быть правомерным, отвечающим всем основным принципам и правилам, а есть привилегия или привилегии, на законе не основанные (к примеру, использование преимуществ своего должностного положения не для дела, а для собственной выгоды). Такая привилегия – явно негативное явление, и здесь автор прав. Следует оговориться, что в дальнейшем речь пойдет о понятии привилегии и ее формах исключительно

¹ Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // GUFU.ME. URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%92%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%93%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 01.10.2015).

² Емельянов А.С. Становление и развитие института привилегий в российском законодательстве в XVI-XVIII вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 13.

³ Афанасьева В.И. Привилегия как источник исключительного права в процессе становления и развития патентного права России X-XIX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 33.

⁴ Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 25.

как о правомерном явлении, то есть указанной и закрепленной в уголовно-правовой норме.

М.Н. Козюк пишет, что «привилегия – это разновидность льготного способа регулирования общественных отношений, когда преимущество устанавливается, как правило, исключительной нормой и когда законодатель вольно или невольно допускает чрезмерное улучшение положения субъектов»¹.

Анализируя и раскрывая понятие привилегии в уголовном праве, М.Г. Дибиров пишет о том, что привилегия – это средство уголовно-правовой дифференциации, которая меняет объем, форму уголовной ответственности в сторону облегчения правового статуса лица, совершившего преступление, но при этом подчеркивает, что привилегии не входят в число признаков состава преступления.

Таким образом, описывая понятие и значение привилегии, авторы сходны в одном – это определенные преимущества, льготы, преференции, которые лично ориентированы и персонифицированы.

Описывая и рассматривая различные подходы к определению понятия привилегии, нам важно понимать, как привилегия соотносится с понятием привилегированного состава, а конкретнее – с привилегирующими признаками.

Так, уточняя эту мысль, М.Г. Дибиров выделяет характерную черту уголовно-правовой привилегии и проводит разграничение привилегии как не включающей в свое содержание дифференциацию оснований уголовной ответственности с привилегирующими признаками состава преступления, которые выступают частью основания ответственности и лежат в основе градации преступлений по степени общественной опасности. Подобного рода привилегии, отмечает автор, необходимо отграничивать от такого уголовно-правового феномена, как привилегирующие признаки состава преступления²,

¹ Козюк М.Н. Правовое равенство и привилегия депутатской неприкосновенности // Личность и власть. Межвузовский сборник научных работ. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ВШ МВД РФ, 1995. С. 166.

² Дибиров М.Г. Привилегии в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 15.

так как, будучи признаком состава преступления, такие обстоятельства, свидетельствующие о пониженной степени общественной опасности преступления и (или) личности виновного, выступают необходимой частью основания уголовной ответственности, дифференцируют само это основание, лежат в основе различия преступлений более и менее опасных¹.

Считаем высказанную позицию верной и аргументированной, но, несмотря на то, что уголовно-правовые привилегии явно отличаются от привилегирующих признаков, которые раскрывают более само преступление, его обстоятельства и содержание, и менее – саму личность преступника, полагаем, что смягчающие обстоятельства, лежащие в основе привилегированных составов преступлений, по сути своей, также являются привилегией, исключительным правом, преимуществом, но по отношению к основным и квалифицированным составам преступлений. Кроме того, отстаивая позицию присутствия так называемой привилегии в описываемых составах, аргументировать данную позицию можно тем, что привилегия может быть частью состава, но как признак, обстоятельство, способствующее совершению преступления, раскрывающее роль субъекта при совершении преступления и дающее право говорить о смягчении ответственности и наказания как логического следствия присутствия в составах признака - привилегии. Подобная точка зрения, полагаем, может быть основана также на возможности представления некой системы привилегий, где, с одной стороны, не исключается представление норм-привилегий, о которых мы говорили ранее, а с другой стороны – признаков - привилегий, которые законодателем включены непосредственно в состав преступления.

Учитывая это, нам необходимо определить, в чем выражается само понятие привилегированных составов преступлений.

В науке уголовного права под привилегированным составом понимается состав преступления, который, помимо признаков основного

¹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 176; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998. С. 62; Иванчин А.В. Состав преступления: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2011. С. 94-95.

состава, содержит еще и признаки, позволяющие осуществлять дифференциацию ответственности в сторону ее снижения¹. С.В. Расторопов похожим образом формулирует понятие привилегированных видов состава преступления: как составов, каждому из которых присущ помимо признаков основного состава еще и привилегирующий признак².

А.В. Иванчин привилегированный состав определяет как состав преступления с пониженной общественной опасностью³, не указывая на важность и значение привилегирующих признаков состава.

М.В. Бавсун относит привилегированные составы преступлений к нормам Особенной части УК РФ, которые содержат формализованные критерии смягчения наказания. Под формализованными критериями смягчения наказания он понимает критерии, закрепленные в нормах УК РФ, содержащие четкие фиксированные основания, исключающие возможность их неоднозначного понимания, при наличии которых в обязательном порядке происходит смягчение наказания. И, как подчеркивает автор, наличие подобных критериев в диспозиции статьи напрямую влияет на содержание санкции соответствующей статьи в сторону смягчения видов и уменьшения размеров наказания⁴.

Е.А. Вакарина, анализируя привилегированные составы, выделяет в них, прежде всего, привилегирующие признаки как основополагающие и наделяет их двуединой функцией – влиять на квалификацию содеянного и дифференцировать наказание, указывая, что закрепление в уголовном законодательстве привилегирующих признаков ведет к вполне определенным юридическим последствиям, что выражается в установлении новых границ

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. М.: Изд. группа ИНФРА – М - НОРМА. 1997. С. 121 (автор главы – М.И. Ковалев).

² Расторопов С.В. Привилегированные виды составов преступлений против здоровья // Закон и право. 2004. № 1. С. 26.

³ Иванчин А.В. Основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений: понятие, значение, проблемы построения // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): сб. науч. ст. Ярославль: ЯрГУ, 2012. Вып. 1. С. 41.

⁴ Бавсун М.В., Николаев К.Д., Мишкин В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 113.

типового наказания, новых рамок санкций, отличных от санкций за преступления с основным составом¹.

С.П. Донец, рассматривая обстоятельства, используемые законодателем для конструирования менее опасной разновидности деяний, делает вывод, что привилегированный состав – это состав, содержащий привилегирующие признаки, которые свидетельствуют о резко пониженной – по сравнению с отраженной при помощи признаков основного состава – общественной опасности деяния².

Как отмечала Н.Ф. Кузнецова, с помощью квалифицирующих и привилегирующих признаков законодатель определяет «типизированную» степень общественной опасности. В зависимости от типизированной степени общественной опасности преступления подразделяются законодателем на простые, квалифицированные и привилегированные³.

Таким образом, важным фактором, отличающим и одновременно характеризующим привилегированные составы преступлений, является наличие в составах конструктивных признаков (признаков - привилегий), влияющих на построение привилегированных норм путем создания определенных льготных условий, исключительных обстоятельств, преференций, ориентированных, а точнее, лично ориентированных исключительно на субъект преступления в момент совершения общественно опасного деяния, раскрывающих, таким образом, сущность этих составов, приводящих, как следствие, к дифференциации уголовной ответственности и определяющих в итоге их значение и роль в системе уголовно-правового воздействия.

Сложность и многогранность проблемы учета смягчающих обстоятельств, закрепленных в составе преступления, совершенствования законодательной техники и качества построения привилегированных

¹ Вакарина Е.А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 83.

² Донец С.П. Квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 19.

³ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 72-73.

составов преступлений приводит нас к вопросу о правильности понимания терминологической лексики.

Э.В. Кабурнеев отмечает тот факт, что не все ученые поддерживают идею названия таких составов привилегированными. Авторы полагают, что, несмотря на техническое удобство этого термина, его нельзя признать удачным, а понятие «привилегированность» и «преступление» несовместимы¹. Также авторы высказывают недоумение термину «привилегированное убийство», говоря, что этот термин звучит кощунственно, так как никто не имеет привилегий на убийство, и предлагают подобные составы именовать составами со смягчающими обстоятельствами или с уменьшающими ответственность обстоятельствами². Э.В. Кабурнеев, комментируя эти высказывания, считает, что авторы смешивают вполне удобное и понятное законодательное определение с негативным отношением к преступности в целом и, основываясь на эмоциях, не учитывают прагматический анализ теоретических и законодательных аспектов³.

А.В. Иванчин, также заостряя внимание на терминологической стороне вопроса, пишет о частом использовании иной лексики для обозначения привилегированных составов преступлений (составы со смягчающими обстоятельствами). По его мнению, более точным является термин «привилегированный состав» (состав с привилегирующими признаками) и использование термина «привилегированный состав» в качестве синонима термина «состав со смягчающими обстоятельствами» представляется неприемлемым. Объясняет он это тем, что, несмотря на внешнее сходство, природа смягчающих обстоятельств и привилегирующих признаков различна. Обстоятельства, смягчающие наказание, как средства индивидуализации учитываются судом при назначении наказания и названы в Общей части УК, тогда как привилегирующие признаки являются средством дифференциации уголовной ответственности и наказания и

¹ Уголовное право России. В 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. Т. 1: Общая часть. М.: Норма, 2005. С. 106 (автор главы – А.Н. Игнатов).

² Там же. С. 106.

³ Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 96.

учитываются законодателем при конструировании составов преступлений и закрепляются в статьях Особенной части УК¹.

Похожую точку зрения высказывает и О.А. Мясников, говоря о том, что сравнение обстоятельств, названных в ст. 61 УК, с указанными в Особенной части УК показывает, что наименование некоторых из них текстуально совпадает (например, совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление). Использование законодателем единой терминологии для обозначения обстоятельств, закрепленных в Общей и Особенной частях УК, обусловило многочисленные научные споры о правовой природе этих видов обстоятельств. Безусловно, отмечает автор, они имеют много общих признаков (относятся к характеристике преступного деяния, личности виновного, имеют одинаковую направленность в сторону снижения уголовной ответственности), но при этом правовая природа этих обстоятельств различна и их отождествление недопустимо².

В своей работе Н.Е. Аленкин также упоминает о терминологических коллизиях, возникающих в научной среде. К примеру, он пишет, что «ряд исследователей считают использование термина «привилегированное убийство» неприемлемым с нравственно-этических позиций³. Но предлагаемое взамен словосочетание «убийство со смягчающими обстоятельствами»⁴ является еще менее удачным, поскольку под таким убийством может пониматься и квалифицированное убийство, совершенное при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК, т.е. при наличии собственно смягчающих обстоятельств, и соглашается

¹ Иванчин А.В. Основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений: понятие, значение, проблемы построения // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): сб. науч. ст. Ярославль: ЯрГУ, 2012. Вып. 1. С. 40.

² Мясников О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 43.

³ Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 17.

⁴ Грубова Е.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы ответственности в российском и зарубежном уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 53.

с предложением во избежание терминологической путаницы именовать отягчающие и смягчающие обстоятельства, названные в конкретных статьях Особенной части УК, квалифицирующими и привилегирующими признаками (или обстоятельствами)¹.

Неоднозначность ответов при анкетировании, которое проводилось в рамках данного диссертационного исследования, наблюдалась в результате анализа выбранных вариантов на вопрос: «Приемлемо ли, на Ваш взгляд, понятие «привилегированные составы» для описания ст. 106, 107, 108, 113, 114 УК? Из числа всех опрошенных 50% участников ответили, что правильнее будет именовать эти составы как составы со смягчающими обстоятельствами и 25% ответили, что понятие «привилегированные составы» нельзя применять к составам преступлений против жизни и здоровья. То есть единства мнений относительно этого аспекта среди всех, принявших участие в анкетировании, не было.

Не вполне удачное название дается привилегированным составам преступлений, по мнению С.П. Донец. Автор разделяет мнение ученых, считающих, что квалифицирующие и привилегирующие признаки, введённые в состав преступления, изменяют его квалификацию и поэтому оба вида можно определить как квалифицирующие, то есть влекущие за собой изменение квалификации преступления, появление новой санкции, дифференциацию наказания². Тогда, как считает С.П. Донец, виды в общем родовом понятии квалифицирующих обстоятельств могли бы иметь определение, с одной стороны – отягчающих квалифицирующих, а с другой стороны – смягчающих квалифицирующих признаков³. Уточняя, он называет признаки ч. 2 ст. 107 УК не привилегирующими, а квалифицирующими признаками, смягчающими типовое наказание.

¹ Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 19.

² Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Ярославль, 1993. С. 40-60.

³ Донец С.П. Квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 15.

Указанное суждение нам видится в корне не верным. Если привилегированные составы преступлений будут переименованы на составы со смягчающими квалифицирующими признаками, то произойдет, во-первых, терминологическая путаница, которая не позволит, или, по крайней мере, усложнит определение визуальной разницы между двумя полярными признаками, с одной стороны увеличивающими ответственность, а с другой стороны смягчающими ее. Во-вторых, введение в состав со смягчающими обстоятельствами дополнительного термина «квалифицирующий» только потому, что сам привилегирующий признак влияет на квалификацию, видится нам не логичным, так как любой криминообразующий признак имеет функцию влияния на квалификацию преступления, что, таким образом, должно повлечь изменение в названии не только привилегирующих признаков. И, наконец, в-третьих, термин «привилегированный состав преступления» наглядно показывает наличие в нем признака, являющимся «привилегией» по сравнению с признаками основного и квалифицированного составов преступлений, который позволяет обоснованно снижать ответственность субъекту указанного состава преступления, а в случае его исключения из названия состава может потеряться сущность и значение, которое прослеживается уже из названия.

Вышеуказанные мнения ученых подтверждают нашу позицию о том, что, несмотря на одинаковую направленность в сторону снижения меры уголовной ответственности и наказания, обстоятельства, закрепленные в ст. 61 УК, и привилегирующие признаки имеют различную правовую природу, которая выражается в том, что закрепленные в Общей части УК обстоятельства, смягчающие наказание, не являются признаками состава преступления и влияют на вид и размер наказания только в рамках санкции, в то время как привилегирующие признаки, указанные в Особенной части УК, таковыми являются и приводят к разновидности состава преступления¹, то есть к определению иной санкции и, как следствие, имеют иное значение. Хотя функция таких признаков, обусловленная их правовой природой, -

¹ Ушакова М. Г. Смягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 25.

дифференциация, градация ответственности¹. Таким образом, несмотря на все противоречия, мы выступаем сторонниками предложенных в доктрине названий и считаем, что при выборе терминологии необходимо придерживаться понятия «привилегированный состав преступления» как наиболее точно раскрывающего значение, функцию и наименование признаков.

Правовую же природу привилегирующих признаков состава преступления можно определить, исходя из правовых последствий таковых. Как мы уже отмечали, данные признаки влияют на квалификацию преступления и влекут смягчение наказания в сравнении с типовым наказанием, предусмотренным за совершение «простого» преступления. Привилегирующие признаки обязательно должны быть включены в юридическую конструкцию привилегированного состава преступления, при этом они не должны входить в совокупность признаков общественно – опасного деяния (основного состава), которые характеризуют деяние как конкретное преступление (преступное и уголовно-наказуемое). В этом заключается еще одно отличие привилегирующих признаков состава преступления от обстоятельств, смягчающих наказание². Главным образом, хотелось бы подчеркнуть, что типичность правовой природы привилегированных составов преступлений влечет дифференциацию уголовной ответственности в сторону уменьшения размера и срока наказания по сравнению с типовым наказанием.

И поскольку привилегирующие обстоятельства относятся к признакам состава преступления, их закрепление составляет прерогативу законодателя, а, следовательно, виды и границы каждого из признаков (признаков - привилегий – А.П.) должны быть определены четко и однозначно самим законодателем в уголовно-правовой норме³.

¹ Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 259.

² Байков В.А. Квалифицированные виды убийств (уголовно-правовые и криминологические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 41.

³ Ушакова М. Г. Смягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 40.

Итак, признаки - привилегии, носящие характер исключительных условий, закреплены и выражены в четырех видах привилегированного убийства (ст. 106 – 108 УК), трех видах умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 113 – 114 УК) и в двух видах привилегированного вреда здоровью средней тяжести (ст. 113, ч. 2 ст. 114 УК)¹. Следует отметить, что привилегированные составы преступлений в современной теории уголовного права представлены исключительно преступлениями против личности.

Привилегированные составы преступлений описаны в отдельной статье, следующей за статьей основного состава преступления (ст. 106, 107, 113 УК), либо в одной статье изложены два привилегированных состава, близких по своей правовой природе (ст. 108, 114 УК).

По мнению Т.А. Костаревой, нормы, содержащиеся в ч. 1 и ч. 2 ст. 108 и ст. 114 УК, представляют собой самостоятельные привилегированные составы преступлений². С.П. Донец отмечает, что в ст. 108 УК собраны под одной «крышей» два разных основных привилегированных состава³. Считаем это верным.

Добавляя к общим признакам состава преступления дополнительные, справедливо выделить признаки - привилегии, которые уже присутствуют в уголовном законодательстве:

1) особое психофизиологическое состояние женщины – роженицы, выраженное в убийстве новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации, в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости (ст. 106 УК);

2) состояние аффекта, вызванное виктимным поведением жертвы (насилием, издевательствами или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей

¹ Курс уголовного права. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. В 5 т. Т. 3. М., 2002. С. 133 (автор главы – В.С. Комиссаров).

² Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 298.

³ Донец С.П. Квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 19.

ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего) (ст. 107, 113 УК);

3) провоцирующие действия, выраженные в противоправном поведении потерпевшего в результате необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление (ст. 108, 114 УК).

И те признаки - привилегии, которые уголовным кодексом не представлены, но могут являться потенциально возможными в привилегированных составах преступлений:

4) крайняя личная и (или) семейная нужда;

5) просьба потерпевшего лица на причинение ему смерти при наличии мотива сострадания.

Рассматривать более подробно указанные признаки, как представляется, не имеет смысла, так как далее каждому привилегированному составу преступления, а, следовательно, и признакам, будет посвящен отдельный параграф.

Однако обобщая изложенное, следует отметить, что любой смягчающий признак, входящий в конструкцию состава преступления, должен дифференцировать уголовную ответственность в сторону ее снижения (смягчения), степень общественной опасности состава с подобным признаком всегда существенно должна становиться меньше, признак должен изменять санкцию состава преступления, также раскрывать особое положение субъекта при совершении преступления, характеризовать содеянное и, наконец, привилегирующий признак не должен презюмироваться законодателем, а точно и полно быть описан в диспозиции статьи.

Подводя итог, можно дать следующее определение привилегированному составу преступления: это состав, характеризующийся наличием признаков - привилегий, регламентированных в диспозиции статьи, раскрывающих обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (психоэмоциональное состояние, провоцирующие действия со стороны потерпевшего лица, состояние аффекта и т.д.), вынуждающее лицо перейти к противоправным деяниям, что должно обоснованно и законно

влиять на дифференциацию уголовной ответственности в сторону ее правомерного снижения, и как следствие, функционально влечь за собой появление новой (более мягкой) санкции с учетом привилегирующих признаков.

§ 2. Основания криминализации привилегированных составов преступлений

Одними из первых понятие уголовной политики предложили Н.И. Загородников и Н.А. Стручков. Они определяли, что «уголовная политика представляет собой такое направление советской политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию, а когда нужно декриминализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения»¹. Указанное понятие видится нам достаточно объемным, но при этом весьма содержательным. Несмотря на то, что это понятие формулировалось в годы Советской власти, сейчас оно, на наш взгляд, не потеряло своей актуальности. Основное, на что делается акцент, это борьба с преступностью. Безусловно, уголовная политика направлена на одну общую цель – это противодействие преступности. Другой вопрос, какими средствами эта цель будет достигнута. Здесь авторы указывают на меры по созданию определенных норм права, которые осуществляют **криминализацию, пенализацию, дифференциацию**, а в некоторых случаях и **декриминализацию** деяний. Таким образом, уголовная политика реализуется своими специфическими методами (направлениями).

Тем направлением уголовной политики, которое устанавливает уголовную ответственность за деяние, ранее не относившееся к числу

¹ Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 48.

преступлений, является криминализация. А.В. Наумов раскрывает понятие криминализации как законодательное признание определенных деяний преступными и наказуемыми¹. В.Н. Кудрявцев понимал под криминализацией «как процесс, так и результат признания определенных видов деяний преступными и уголовно-наказуемыми»². По словам Н.А. Лопашенко, «криминализация является совершенно самостоятельным методом уголовно-правовой политики, где происходит только констатация уголовной наказуемости преступного деяния»³.

Полагаем, что об этом же говорит и А.Г. Хлебушкин, но, расширяя границы понятия, он пишет, что «путем криминализации государство определяет, за что человек может быть наказан в уголовно-правовом порядке и одновременно обозначает, до каких границ поведение ненаказуемо, создавая тем самым гарантию от неоправданного принудительного воздействия»⁴.

Таким образом, считаем, что важным в понимании криминализации является процесс определения порога, с которого правомерное поведение переходит в разряд противоправного, когда появляется социальная потребность в уголовно-правовой защите благ, ставших по каким – либо причинам особо ценными⁵. Криминализация имеет двойственную направленность, поскольку, с одной стороны, с ее помощью обеспечивается охрана интересов личности, общества и государства, а с другой стороны, эта охрана осуществляется путем ограничения поведения граждан⁶.

При исследовании криминализации важным является рассмотрение вопроса, затрагивающего ее основание и принципы.

¹ Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. С. 176.

² Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 17 (автор главы – В.Н. Кудрявцев).

³ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 92.

⁴ Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. С. 113.

⁵ Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 186.

⁶ Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. С. 114.

Чезаре Бекария в своей знаменитой работе в области криминализации выдвигал ряд основных положений, касающихся уголовно-правового запрета, в частности, он говорил о принципе общественной опасности криминализируемого деяния¹. Такие ученые, как В.Н. Кудрявцев и В.В. Лунеев, выделяют основания криминализации в виде социальных причин, которые, по их мнению, могут быть весьма разнообразны. К таким причинам они относят, например, возникновение или существенное развитие новой группы общественных отношений, появление и распространение деяний определенного вида, которые ранее встречались крайне редко, а также изменение социально-политической обстановки в стране².

В доктрине нет единого подхода к раскрытию оснований криминализации, но эта дискуссионная проблема не является целью нашей работы. Потому просто присоединимся к тому понятию основания криминализации, которое нам представляется более точным. Так, Н.А. Лопашенко считает, что есть только одно основание для криминализации – существование общественно опасного поведения, требующего уголовно-правового запрета³. На наш взгляд, эта позиция верна, потому что только при наличии общественной опасности в поведении лица возникает необходимость в уголовно-правовой защите от такого поведения, то есть в уголовно-правовом запрете.

Так что же такое общественная опасность? Мнения о ней также расходятся, хотя в главном едины. Так, Н.Ф. Кузнецова полагала, что общественная опасность деяния – это объективное свойство преступления, не зависящее от правовой его оценки законом⁴. П.С. Яни придерживается похожего мнения о признании общественной опасности объективным

¹ Бекария Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. С. 86.

² Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 2001. С. 22 (автор главы – А.В. Наумов).

³ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 285.

⁴ Кузнецова Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации деяний // Государство и право. 2010. № 6. С. 68.

свойством преступления, но с оговорками, что в силу достаточной неопределенности этого понятия для правоприменителя при принятии решений о наличии данного признака преступления возможен определенный простор для усмотрения правоприменителя¹.

Р.Р. Галиакбаров характеризует общественную опасность как внутреннее (материальное) свойство преступления². С.В. Чернокозинская, рассмотрев понятие «общественная опасность», также указывает, что это «материальное свойство каждого преступления, которое заключается во вредном влиянии преступления на жизнь общества, в противодействии его развитию»³.

Наиболее полное и развернутое, по нашему мнению, определение общественной опасности было сформулировано Ю.И. Ляпуновым: «Уголовно-правовая общественная опасность – это определенное объективное антисоциальное состояние преступления, обусловленное всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков и заключающее в себе реальную возможность причинения вреда (ущерба) общественным отношениям, поставленным под охрану закона»⁴.

Считаем верной эту позицию в том, что общественная опасность должна, безусловно, включать в себя реальную угрозу причинения вреда именно правоохраняемому объекту.

Таким образом, не перегружая текст и максимально упрощая до самого главного, указываем, что основанием криминализации является наличная общественная опасность совершаемого деяния, то есть ее реальное

¹ Мурадов Э.С., Яни П.С. Вина, виновность, общественная опасность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1 (1). С. 14.

² Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: учебник. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. аграр. ун-та, 2005. С. 79.

³ Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению (Понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 23.

⁴ Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. С. 39; Иванчин А.В. Еще раз об основании уголовной ответственности в свете современной уголовной политики // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 3 (57). С. 374.

присутствие (очевидность) в самом деянии, где с высокой степенью достоверности будет установлена устойчивая тенденция или к сохранению высокой степени общественной опасности криминализируемого деяния, или к возрастанию такой опасности¹. Наличная общественная опасность необходима, прежде всего, для того чтобы показать угрозу возникновения вреда или причинение вреда существующим общественным отношениям.

Чтобы перейти к вопросу криминализации привилегированных составов преступлений, полагаем, необходимо оттолкнуться от понимания общей опасности основного состава убийства и причинения вреда здоровью, а уже потом, на основании изложенного, выявить основания криминализации преступлений со смягчающими обстоятельствами.

Сущность любого вреда обусловлена в основном значимостью объекта посягательства. Поэтому важность личности определяется ее основными и высшими ценностями, жизнью и здоровьем.

Объект убийства - это жизнь человека. **Жизнь** человека представляет собой благо, которое является важнейшим и от природы ему данным².

А.Б. Фалько объясняет исключительную ценность жизни невозполнимостью ее утраты, говоря, что другие блага личности полностью или хотя бы частично восстановить представляется возможным, но вернуть жизнь нельзя³. А.В. Наумов пишет, что жизнь как объект убийства представляет собой высшую ценность, не сравнимую по своей значимости с иными ценностями и благами⁴. Н.А. Лопашенко, соглашаясь с вышеуказанными позициями, наиболее точно подчеркивает сущность и опасность причинения смерти: «жизнь человека самоценна и охраняется сама

¹ Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 186.

² Огородникова Н.В. Право на жизнь и его реализация в уголовном законе (российский и зарубежный опыт) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 3. С. 13.

³ Фалько А.Б. Уголовная ответственность за преднамеренное убийство: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 11.

⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т. 2. Особенная часть (главы I–X). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 48.

по себе как самое главное благо человека. Общественным отношениям, правам, интересам вред в результате убийства, несомненно, тоже причиняется. Но не он определяет *основную общественную опасность убийства*, а то, что преступник противоправно распоряжается тем основным благом другого человека, которое ему не принадлежит, – жизнью»¹.

Поэтому сама направленность деяния (убийства) на наиболее значимый объект уголовно-правовой охраны (жизнь) дает право говорить о, безусловно присутствующей общественной опасности, в результате которого наступают самые тяжкие **последствия (смерть)**, которые уже не поддаются ни восстановлению, ни возмещению. Поэтому по последствиям убийство характеризуется как тягчайшее преступление.

Еще одним признаком убийства, определяющим общественную опасность, является причинение смерти другому человеку путем действия или бездействия. Чаще всего убийство совершается путем действия, которое направлено на нарушение анатомической целостности жизненно важных органов другого человека. Оно может быть совершено путем физических действий, а также психического воздействия². Полагаем, что во многом насильственный характер смерти, выражающийся в том, что смерть потерпевшему *причиняется* путем принудительного воздействия на него, демонстрирует общественную опасность³.

Общая опасность любого убийства характеризуется также умышленным характером этого деяния. Еще М.Д. Шаргородский писал: «под убийством следует понимать лишь умышленное причинение смерти»⁴ и не относил к нему неосторожное лишение жизни. Опасность заключается в том, что лицо осознает опасный характер своих действий, предвидит, что в

¹ Лопашенко Н.А. Убийства: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 83.

² Риккас Е.В. Убийство при отягчающих обстоятельствах по уголовному законодательству Эстонской Республики (Сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 45.

³ Страмилова Т.П. Уголовная ответственность за простое убийство: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 57.

⁴ Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 194.

результате будет причинена смерть потерпевшему, желает совершить данное преступление и желает, чтобы последствия наступили, либо не желает, но допускает, что последствия наступить могут, либо относится к этим последствиям безразлично. В науке предложено подразделять умысел в убийстве на простой и предумышленный (заранее обдуманый прямой), который является более общественно опасным¹.

Таким образом, если преступление – убийство, то его объектом является жизнь человека. При этом стоит оговориться, что жизнь будет признаваться объектом убийства и человека, находящегося в самом расцвете жизненных сил, и человека тяжело (безнадежно) больного. Поэтому в любых случаях данный объект (жизнь) является критерием, указывающим на повышенную общественную опасность деяния.

Объектом преступлений против здоровья выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье. Основной Закон РФ гласит, что здоровье человека охраняется государством, и каждый имеет право на охрану своего здоровья².

Здоровье человека как определенное физиологическое состояние организма, при котором вся его система, части и органы функционируют нормально, является одним из важнейших социальных благ³.

Так, А.С. Никифоров здоровье понимал как общее нормальное состояние человеческого организма в целом, выражающееся в правильном его функционировании⁴. Примером медико-биологического подхода к определению содержания здоровья может служить понятие, данное Г.И. Царегородцевым: «здоровье – гармоничное отправление всевозможных

¹ Векленко С.В., Фалько А.Б. Предумышленное убийство в уголовном праве России. Омск, 2007. С. 35.

² Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г., № 1-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.

³ Тихонов Е.Н. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 50.

⁴ Никифоров А.С. Охрана здоровья граждан от тяжких насильственных посягательств. Саратов, 1974. С. 29.

обменных процессов между организмом и окружающей его средой, проявляющееся в оптимальной жизнедеятельности его органов и систем»¹.

Понятие здоровья также закрепляет Устав Всемирной организации здравоохранения, где оно определяется не только как физическое, душевное, но и как социальное благополучие, при исключении различного рода болезней и дефектов². Но при этом справедливо замечает Е.В. Безручко, что полностью здорового человека, без каких-либо болезненных нарушений в организме представить сложно, из чего следует, что уголовный закон охраняет то наличное состояние здоровья у человека, которым он обладает³.

УК закрепляет как составную часть преступлений против личности преступления против жизни и здоровья, тем самым показывая высокую значимость сущности здоровья в уголовно-правовом аспекте.

Причинение вреда здоровью, как и причинение смерти, является общественно опасным деянием, в первую очередь исходя из того, что относится к насильственным преступлениям. Общественную опасность причинения вреда здоровью демонстрирует еще и то, что характеризуются эти преступления виной в форме умысла или неосторожности. Привилегированные же составы преступлений, причиняющие вред здоровью, по форме вины относятся к умышленным преступлениям, что свидетельствует об их повышенной общественной опасности.

Но важно понимать, что для общей оценки опасности причинения смерти, а также причинения вреда здоровью и их криминализации должны исключаться и смягчающие, и отягчающие обстоятельства, так как они дифференцируют уголовную ответственность.

Таким образом, подведем итог рассмотрению общественной опасности как жизни, так и здоровья в целом. Любое убийство общественно опасно. Во-

¹ Царегородцев Г.И. Здоровье – общественное богатство. М.: Знание, 1967. С. 4.

² Часто задаваемые вопросы [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://www.who.int/suggestions/faq/ru/> (дата обращения: 24.07.2018).

³ Безручко Е.В. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 38.

первых, потому что объект преступления – один из главных элементов состава преступления, который влияет на характер общественной опасности. По анализу заключаем, что основной акцент опасности справедливо определяется причинением вреда самому важному и главному благу – жизни. Во-вторых, последствие преступления выражается в данном случае, ни много ни мало, в виде причинения смерти. В-третьих, безусловно, имеет значение форма вины, а убийство – это всегда умышленное преступление, которое определённо опаснее преступления неосторожного. Поэтому все вышеперечисленные признаки в совокупности говорят о явно присутствующей общей общественной опасности во всех видах убийства.

Немаловажно, что жизнь и здоровье – парные понятия. Нет здоровья вне жизни, как нет жизни без здоровья. Здоровье полностью исчезает и покидает организм с утратой жизни¹.

Ю.А. Денисов писал, что «содержание понятия общественной опасности раскрывается через структуру деяния, в которой содержатся элементы: личность, действие, субъективный аспект и последствие»². Представляется, перечисленные критерии отражают также общественную опасность и преступлений, где объектом посягательства является здоровье человека. Действие носит насильственный характер, субъективная сторона раскрывается в форме вины (умысла или неосторожности), а последствие выражено в причинении вреда здоровью личности (где еще раз стоит оговориться, что физический вред опаснее вреда, например, материального)³, и это дает нам право говорить, что любое причинение вреда здоровью человека, если оно охватывается этими признаками, общественно опасно.

¹ Залетов А.Б. О понятии «здоровье» и количественных отношениях в психологии и охране здоровья // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 4-1. С. 46.

² Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. Социологический и юридический аспекты. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 69-128.

³ Непомнящая Т.В. Учет судами характера и степени общественной опасности преступления при назначении наказания // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. №1 (54). С. 179.

Логически переходим к тому, что общественная опасность имеет характер и степень. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» отмечает, что характер общественной опасности раскрывается признаками конкретного состава преступления. В первую очередь при определении критерия общественной опасности, необходимо обращать внимание на деяние, которое направлено на охраняемые уголовным законом социальные ценности, и на последствие, то есть на причиненный вред.

Раскрываются в постановлении Пленума ВС РФ признаки и степени общественной опасности. Указывается, что основными признаками должны выступать характер и размер наступивших последствий, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, которое совершается в соучастии, также вид умысла, разделяющийся на прямой и косвенный, либо неосторожность, выражающаяся в виде легкомыслия или небрежности. Те обстоятельства, которые смягчают или отягчают наказание и относятся к совершаемому преступлению, также учитываются при определении степени общественной опасности преступления¹.

Н.Ф. Кузнецова отмечала, что «характер общественной опасности составляет ее качество, степень же включает в себе количество опасности преступления для общества»². И.И. Карпец считал, что «характер общественной опасности обуславливается вредоносностью определенных групп или видов преступлений, а степень – опасностью индивидуального преступления»³. И, как пишет В.Н. Сотсков, «характер общественной опасности деяния содержит особенность, свойства преступления, которые позволяют отличить его от смежных с ним, выделить из числа тех, которые

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (с изм. и доп. от 18.12.2018, № 43) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2; 2019. № 2.

² Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 69.

³ Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. С. 103.

составляют определённую группу преступлений, имеющих общие признаки»¹.

Из этого следует, что характер общественной опасности включает в себя такие основные элементы, как 1) направленность самого деяния (объект); 2) причиненный вред (последствие); 3) форму вины², что, по нашему мнению, свидетельствует о **едином характере** общественной опасности во всех (основных) видах **убийства**, в том числе и в их разновидностях – привилегированных составах преступлений против жизни (ст. 106-108 УК). Полагаем, что обосновать представленную позицию можно, проанализировав составы убийства по основным критериям характера общественной опасности.

Таблица 1

**Отражение идентичности характера общественной опасности
любого вида убийства по УК**

Виды убийств	Критерии характера общественной опасности		
	Объект	Последствие	Форма вины
ч. 1 ст. 105 УК	общественные отношения, направленные на охрану жизни	причинение смерти	умысел
ч. 2 ст. 105 УК	общественные отношения, направленные на охрану жизни	причинение смерти	умысел
ст. 106 - 108 УК	общественные отношения, направленные на охрану жизни	причинение смерти	умысел

Содержание таблицы показывает нам, что все три критерия, относящиеся к характеру общественной опасности во всех видах убийства, совпадают. Объектами являются общественные отношения, направленные на охрану жизни, последствия выражаются в виде причинения смерти и форма вины отражается в виде умысла.

Таким образом, это дает нам право говорить об одинаковой *по характеру* опасности любого убийства, включая так называемые привилегированные.

¹ Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 60.

² Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 153-154 (автор главы – Н.Ф. Кузнецова).

Аналогично можно рассуждать и о **едином характере** общественной опасности (основных) видов **причинения вреда здоровью**, где одинаковый характер будет сохраняться также и в привилегированных составах причинения вреда здоровью (ст. 113-114 УК). Поэтому, как пишет Н.Е. Алёнкин, «признаки «убийства вообще» сохраняются и в привилегированных составах»¹; то же можно сказать относительно причинения вреда здоровью.

В данном случае был принят во внимание только *характер* общественной опасности убийств и причинения вреда здоровью, *степень* же общественной опасности и основных, и привилегированных составов, а также самого убийства и причинения вреда здоровью сравнить невозможно, поскольку она определенно очень разная².

Позиция, согласно которой степень общественной опасности признается количественной характеристикой, довольно широко распространена в уголовно-правовой науке, однако многие ученые по-разному трактуют содержание количественной категории, в связи с чем возникают разногласия относительно правильного понимания и использования степени общественной опасности и на законодательном, и на правоприменительном уровнях³.

Нам близка позиция Б.Т. Разгильдиева, который представляет степень общественной опасности как «основанную на характере общественной опасности деяния, обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание, других обстоятельствах, характеризующих личность зловердного лица»,

¹ Алёнкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис.... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 34.

² См.: Штанькова А.П. Особенности характера и степени общественной опасности преступлений со смягчающими обстоятельствами // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября - 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; ред. А.В. Голикова. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «СГЮА», 2019. С. 403.

³ Уголовное право России: курс лекций / под ред. Б.Т. Разгильдиева. В 6 т. Т. 2. Саратов, 2008. С. 71-72 (автор главы – Б.Т. Разгильдиев); Коротких Н.Н., Костюнина В.В. Индивидуализация наказания как внутриотраслевой принцип назначения наказания // Modern science. 2021. № 6-2. С. 178-183.

выражающую уровень его угрозы совершения новых посягательств на личность, общество, государство¹. Таким образом, на степень общественной опасности, помимо прочего, влияют смягчающие обстоятельства.

Под привилегированными составами преступлений понимают составы, в основу которых положено смягчение уголовной ответственности, связанное с наличием смягчающих вину обстоятельств (признаков - привилегий). Поэтому важными признаками, которые влияют на понижение степени общественной опасности в привилегированных составах убийства и причинения вреда здоровью, являются обстоятельства, в которых преступление было совершено, а также характеристика личности виновного. Эти признаки относятся практически ко всем элементам состава преступления (объекту, объективной стороне, субъективной стороне, субъекту), но, несмотря на свое различие между собой, имеют, как правильно выразился, на наш взгляд, Н.Е. Алёнкин, общее системное свойство – значительно меньшую **степень** общественной опасности².

Каким образом она изменяется (уменьшается)? Характер и степень общественной опасности соотносятся друг с другом как количественная и качественная характеристики. О.А. Михаль пишет, в уголовном законодательстве превращение количественных изменений в качественные осуществляется путем перехода при определенных условиях (привилегирующих признаках в данном случае) преступления определенного вида из одной категории в другую³, а так как в зависимости от характера и степени общественной опасности зависит и категория преступления, то соответственно с ней меняется проявление степени общественной опасности.

К примеру, убийство (ч.1 ст. 105 УК) как преступление особо тяжкое при его совершении, предположим, в условиях превышения пределов

¹ Уголовное право России: курс лекций / под ред. Б.Т. Разгильдиева. В 6 т. Т. 2. Саратов, 2008. С. 81 (автор главы – Б.Т. Разгильдиев).

² Алёнкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 30.

³ Михаль О.А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4(35). С. 22.

необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК) начинает трансформироваться в такой ситуации в преступление менее тяжкое, а точнее, в преступление небольшой тяжести. Происходит это потому, что признак - привилегия (в данном случае – необходимая оборона), которая характеризует объективную сторону состава преступления, изменяет условие совершения преступления, являясь обстоятельством, смягчающим ответственность, понижающим категорию преступления, и, как следствие, меняющим (понижающим) степень общественной вредности. Таким образом, в привилегированных составах преступлений присутствует законодательно установленный признак, который позволяет выявить отклонение степени общественной опасности конкретного деяния от степени общественной опасности преступлений соответствующего вида; привилегирующий признак, изменяя степень общественной опасности, помогает сравнить преступления одного вида, одного и того же характера¹.

Из анализа характера и степени общественной опасности преступлений со смягчающими обстоятельствами можем определить, что характер общественной опасности, который является качественным показателем, у простых, квалифицированных и привилегированных составов преступлений идентичен, так как все их критерии, отражающие характер общественной опасности, совпадают. Одинаковые по характеру общественной опасности преступления могут отличаться по степени их общественной вредности, что и демонстрируют привилегированные составы преступлений, так как в своей структуре имеют признак - привилегию. Для уголовно-правовой оценки привилегированных составов преступлений необходимо учитывать именно **степень** общественной опасности.

Так, общественная опасность позволяет выделить преступление в зависимости от объективных и субъективных признаков, показать важность общественных отношений, отразить внешнюю форму деяния.

¹ Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 41.

Рассмотрим особенности типовой степени общественной опасности привилегированных составов преступлений. Каждый привилегированный состав в своей конструкции имеет условия (например, время родов или обстановка сразу после них, или убийство двух или более лиц в состоянии аффекта), которые изменяют типовую степень общественной опасности. Так как о типовой степени общественной опасности мы, в частности, можем говорить тогда, когда в составах присутствуют привилегирующие обстоятельства, в целом можно заключить, что рассматриваемая степень различна и в пределах тех же привилегированных составов. Типовую, но пониженную степень демонстрируют ст. 106, ч. 1 ст. 107, ст. 108, ст. 113-114 УК, исходя из того, что эти составы включают в себя обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность. Напротив, типовую, но повышенную общественную опасность, мы можем наблюдать в ч.2 ст. 107 УК, где ч.2 имеет квалифицирующий признак (убийство двух или более лиц), что повышает типовую степень в рамках одного привилегированного состава. И так как наибольший уровень типовая степень общественной опасности имеет в квалифицированных составах (ч. 2 ст. 107 УК), то стоит обратить внимание на то, что это единственное преступление из всех привилегированных, которое относится к преступлениям средней тяжести, поэтому вполне уместно использовать категории для иллюстрации изменений типовой степени общественной опасности¹.

Безусловно, все условия, находясь в самих нормах, выполняют свои определенные функции. Но, важно отметить, что в одном случае эти условия совершенно самостоятельны, то есть достаточно одного условия, чтобы признать, что состав преступления есть (например, психотравмирующая ситуация в убийстве матерью новорожденного ребенка). А в другом случае они работают только вместе, то есть взаимосвязаны друг с другом (например,

¹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 321.

если нет аффекта, то, как следствие, нет состава, и наоборот, если нет оснований для возникновения аффекта, то, как следствие, также нет состава).

Заключаем, что типовая степень общественной опасности изменяется в составах в зависимости от присутствия привилегирующих или квалифицирующих в них признаков.

Резюмируя сказанное, следует констатировать, что криминализируемое деяние должно быть общественно опасным. Это является основанием криминализации. Из анализа характера и степени общественной опасности, можем определить, что общественная опасность есть у любого убийства и любого причинения вреда здоровью, вне зависимости от того, простое оно, привилегированное или квалифицированное. Характер общественной опасности, который является качественным показателем, у всех этих составов (посягающих на один объект) идентичен, степень же общественной опасности, характеризующая количественный показатель, очень разная. При этом сама общественная опасность, то есть еще раз подчеркнем, основание криминализации, присутствует и у простых, и у привилегированных, и у квалифицированных составов, поэтому в статьях с привилегией (ст. 106-108 УК, ст. 113-114 УК) своего специфического, отличного от простых или квалифицированных составов, основания криминализации нет, оно будет полностью совпадать. Таким образом, основанием *криминализации, в том числе и для привилегированных составов преступлений, выступает общественно опасное поведение, причиняющее или способное причинить существенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.*

ГЛАВА 2. ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМИ СОСТАВАМИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ КВАЛИФИКАЦИИ

§ 1. Привилегированные составы преступлений, закрепленные в УК РФ

1. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ)

Привилегированные составы преступлений – это, в первую очередь, составы, характеризующиеся наличием привилегирующих признаков, условий и обстоятельств совершения преступления, объективно влияющих на поведение человека и определяющих такую их основную особенность как снижение уголовной ответственности и наказания. Убийство матерью новорожденного ребенка является первым в списке всех составов со смягчающими обстоятельствами, сконструированном из трех видов убийств, каждый из которых признается привилегированным.

М.Н. Гернет замечал, что в своем предисловии к книге Mellusi *La madre delinquent* Ч. Ломброзо обращает внимание на особенности женщины, убивающей своего новорожденного ребенка, которые выражаются в том, что все чаще ими оказываются «случайные» преступницы, в большинстве случаев жертвы совращения и дети нищеты, преждевременно созревшие в половом отношении¹. Сейчас, как и тогда, в начале XIX в., характеристика женщин имеет важное значение для определения причин, способствовавших совершению анализируемого преступления. На это обращают внимание и современные ученые, описывая, что явно выраженной спецификой всех убийств является, помимо потерпевшего, субъект преступления, которым в данном случае является мать новорожденного ребенка². Однако исключительность только лишь этого признака состава преступления не может свидетельствовать об оправданном смягчении ответственности за подобное деяние.

И поскольку состав ст. 106 УК, как уже отмечалось, содержит несколько вариаций этого убийства, то полагаем, пошаговый анализ каждой

¹ Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование: с приложением 12 диаграмм. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. С. 95.

² Лопашенко Н.А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 535.

из них поможет прийти к выводу о соответствии или несоответствии обстоятельств совершения преступления наказанию, установленному законом.

Первым условием преступной деятельности или формой объективной стороны состава преступления в ее внешнем проявлении является убийство матерью новорожденного ребенка *во время или сразу же после родов*.

Время совершения преступления как признак состава – это не просто время суток или время года, как пишет Ю.Е. Пудовочкин¹, это конкретное время совершения преступления, конкретный временной промежуток². Для убийства новорожденного таким временем совершения преступления считается время родов или время сразу же после них. Более ясное понимание указанных отрезков времени будет возможно после обращения непосредственно к анализу этапов репродуктивного процесса родоразрешения.

Роды – это сложный многоступенчатый физиологический процесс, завершающий беременность и сопровождающийся рождением (прохождением из матки через родовые пути женщины плода со всеми добавочными эмбриональными образованиями – плацентой, оболочками, околоплодными водами)³. Физиологические роды происходят в среднем в сроке 280 дней (40 недель) гестации. Выделяют три этапа физиологических родов: период раскрытия – от начала родов до полного раскрытия наружного маточного зева; период изгнания – от момента полного раскрытия маточного зева до рождения ребенка; последовый период – от момента рождения плода до изгнания последа⁴.

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 117.

² Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 419.

³ Пронская Ю. Г. Физиологическое акушерство: современные аспекты: учебное пособие. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2019. С. 3.

⁴ Барановская Е.И. Акушерство: учебник. Мн.: Высшая школа, 2014. С. 152.

В первом периоде родов различают латентную и активную фазы. Латентная фаза – это промежуток времени от начала родовой деятельности до открытия маточного зева на 3-4 см. Указанная фаза длится до 5-6 часов. Далее совершается переход в активную фазу. Во втором периоде родов происходит изгнание плода через родовые пути матери. Под влиянием родовых изгоняющих сил плод совершает поступательные движения по оси родового канала. После рождения плода начинается третий последовый период родов. В этом периоде совершается отделение плаценты и оболочек от стенок матки и выделение последа из половых путей¹. Таким образом, если роды – это совокупность нескольких этапов, то для определения признака убийства «во время родов» следует установить, на какой именно стадии подобные действия уже возможно совершить.

Доктрина уголовного права активно и без особых разногласий представляет свои позиции. А.Л. Карасова считает, что момент «во время родов» соответствует периоду изгнания (второму этапу процесса родоразрешения), так как эта стадия характеризуется объективной возможностью физического воздействия на рождающегося человека². А.И. Коробеев аналогично, только без конкретного обозначения стадии родов, начальным этапом возможности совершения убийства обуславливает момент прорезания головки младенца, который выходит из чрева матери³. Полагаем, это тот же период изгнания. Появление какой-либо части

¹ Барановская Е.И. Акушерство: учебник. Мн.: Высшая школа, 2014. С.152-155.

² Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 76.

³ Коробеев А.И. Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2005. С. 415.

рождающегося ребенка М.А. Махмудова признает моментом убийства «во время родов»¹.

Несмотря на то, что есть мнения о переносе возможности убийства новорожденного на более раннюю стадию, когда плод находится еще в утробе матери², эти позиции мы не можем считать верными, так как ребенок еще не появляется на свет и процесс родоразрешения не начат. Обобщая выше сказанное, приходим к выводу, что показателем совершения убийства матерью новорожденного ребенка «во время родов» следует признать время второго этапа физиологических родов – период изгнания, промежуток времени от полного раскрытия шейки матки до рождения плода, когда предлежащая часть плода приближается к тазовому дну и оказывает на него все возрастающее давление, в результате чего сначала рождается предлежащая часть, а затем все туловище плода³, что в целом уже может создавать допустимость и вероятность физического общественно опасного воздействия на рождающегося ребенка.

Если процесс естественного физиологического родоразрешения заменяется процессом абдоминального родоразрешения, то есть оперативным вмешательством путем кесарева сечения, во время которого из матки женщины через разрез извлекается младенец, то периодом «во время родов» в таком случае является этап извлечения новорожденного после рассечения шейки матки, когда врач выводит руками ребенка через разрез⁴.

Еще одним возможным временем совершения преступления исходя из нормы закона значится убийство новорожденного ребенка «сразу же после

¹ Махмудова М.А. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: по материалам Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 35.

² К примеру, А.Н. Попов предлагает квалифицировать по ст. 106 УК РФ случаи убийства развивающегося ребенка, находящегося в утробе матери, при беременности сроком свыше 22 недель. См.: Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 31, Огородникова Н.В. Право на жизнь и его реализация в уголовном законе (российский и зарубежный опыт) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 3. С. 17.

³ Айламазян Э.К. Акушерство: учебник. 7-е изд. СПб.: СпецЛит, 2010. С. 150.

⁴ Главный хирургический портал [Электронный ресурс]. URL: OPERABELNO.ru/ (дата обращения: 16.06.2020).

родов». Определение этого отрезка времени также является неоднозначным. Авторы высказывают мнения, что «сразу же после родов» - это медицинский термин и должен выражаться во времени после выделения плаценты¹. Другие видят в нем судебно-медицинский критерий и приравнивают это время к одним суткам со времени рождения ребенка². И.Р. Шикла полагает, что законодатель, закрепляя в диспозиции статьи признак «сразу же после родов», не имел ввиду приравнивание его к одним суткам. Автор, исходя из грамматического толкования, понимает это время буквально – немедленно после родов, хотя и не обозначает этот промежуток четкими цифровыми показателями³. Л.А. Кудаева включила момент «сразу же после родов» в третий период родов (в послеродовой период), а именно от рождения плода до рождения последа (15-30 минут)⁴.

Многообразие представленных мнений свидетельствует о сложном и не совсем единообразном понимании данного периода времени. Как указывает Е.Б. Кургузкина, криминообразующие временные признаки убийства матерью новорожденного ребенка представляют собой оценочные понятия⁵, в связи с чем и возникает его неопределенность.

По нашему мнению, если законодатель указал период «сразу же **после родов**», то этот отрезок времени не должен быть связан с процессом родоразрешения или совпадать с ним, то есть должен выходить за рамки третьего периода физиологических родов. Если быть точнее и исходить из медицинских показателей, то время **после родов** должно наступать после

¹ Бодяжина В.И., Жмакина К.Н., Кирющенко А.П. Акушерство. М., 1986. С. 167.

² Хатуев В.Б. Уголовно-правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 28.

³ Шикла И.Р. Проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 1-10. С. 131-134.

⁴ Кудаева Л.А. «Во время или сразу же после родов» как криминообразующий признак в случае убийства матерью новорожденного ребенка // Научные Известия. 2016. № 4. С. 107.

⁵ Кургузкина Е.Б. Предупреждение убийства матерью новорожденного ребенка: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 17.

рождения из родовых путей последа, отделившегося от стенок матки¹. Однако формулировка в законе, выраженная словами «сразу же ...» при анализе этого признака также неоднозначна и вводит в заблуждение, так как физиологический послеродовой (пуэрперальный) период делится на ранний и поздний послеродовой период². Поэтому определить срок окончания обстоятельства сразу же после родов достаточно сложно, тем более, что синонимами слова «сразу же» выступают такие слова, как «в ту же секунду», «в тот же миг», «мгновенно», значение которых сужает время признака до очень короткого промежутка времени. Таким образом, считаем уместным исключить уточняющий элемент «сразу же» из указания временного промежутка, оставив только время после родов, включив сюда, как мы уже ранее писали, время, начиная с рождения последа и до окончания раннего послеродового периода.

Этот период в медицинской теории и практике имеет двухчасовой отрезок времени, но соглашаются с этим не все. По мнению Е.А. Чернухи, ранним послеродовым периодом следует считать не два часа, а первые пять - семь дней после родов³. Пролонгированный промежуток времени объясняется многими факторами, одним из которых является воспаление в связи с отделением плаценты и выделением последа внутренней поверхности матки, когда наносится значительная механическая травма, сопровождающаяся кровотечением и появлением большого количества нежизнеспособных тканей, и поэтому лабораторные показатели отражают картину первой фазы раневого процесса – фазы воспаления. Эти реакции характеризуются повышением проницаемости капилляров, а также скоплением лейкоцитов. Даже при неосложненном течении послеродового периода на 1–2 сутки в крови количество лейкоцитов у женщин достоверно

¹ Айламазян Э.К. Акушерство: учебник. 7-е изд. СПб.: СпецЛит, 2010. С. 165.

² Гайдуков С.Н. Физиологическое акушерство: учебное пособие. СПб.: СпецЛит, 2010. С. 204.

³ Чернуха Е.А. Нормальный и патологический послеродовой период. М.: ГЭОТАР – Медиа, 2006. С. 69.

повышается, а у 66,7 % пациенток этот показатель только на 7 сутки достоверно снижается¹.

На необходимость увеличения срока раннего послеродового периода указали также врачи – акушеры – гинекологи и др., которые в процессе интервью ответили на вопросы в рамках данного диссертационного исследования в ГБУЗ АО «Центр охраны здоровья семьи и репродукции»². В данной разновидности беседы участвовали 15 практикующих врачей по специальностям - гинекологи, гинекологи – эндокринологи, акушеры – гинекологи, а также 5 врачей ультразвуковой диагностики в гинекологии. На вопрос: «считаете ли Вы возможным и необходимым увеличение срока раннего послеродового периода с двух часов до более позднего срока (к примеру, 5-7 дней) в связи с длительностью сроков стабилизации психофизиологических показателей пациентки после родов?», более двух третей врачей (13 человек – 65 %) ответили утвердительно, так как в ходе своей профессиональной деятельности они отмечали, что именно в первую неделю после родов у женщин имеются не только исключительно физиологические проблемы с восстановлением организма, но и психологические – трудности с засыпанием, ночные кошмары, гипермнительность, чувство страха за свою жизнь и жизнь ребенка, отсутствие желания иметь еще детей.

Также ученые - медики, исследовав состояние женщин в послеродовой период, выявили возможность возникновения дисфории (форма болезненно-пониженного настроения, характеризующаяся мрачной раздражительностью,

¹ Чернуха Е.А., Фанченко Н.Д., Бабичева Т.В., Иванец Т.Ю. Основные лабораторные показатели в пуэрперии в зависимости от метода родоразрешения // ЖРОАГ. 2006. № 4. С. 21.

² Официальный сайт Министерства здравоохранения Астраханской области [Электронный ресурс]. URL: <https://minzdravao.ru/site-page/gbuz-ao-centr-planirovaniya-semi-i-reprodukcii-0> (дата обращения: 12.06.2020).

чувством неприязни к окружающим)¹ у женщин в первую неделю после родов, превышающую уровень у нерожавших женщин в 4 раза².

Однако необходимо сказать и о другом способе родоразрешения, абдоминальном (кесарево сечение). В сравнении с физиологическим процессом родоразрешения, время и ведение послеоперационного периода после абдоминального родоразрешения меняется. Так, ранним послеродовым периодом при операции кесарево сечения считается 6-8 часов после операции, выполненной в условиях нейроаксиальной анестезии, и 8-12 часов после операции, выполненной в условиях общей анестезии³. На основании клинических рекомендаций Министерства здравоохранения Российской Федерации при отсутствии гипертермии и неосложненном течении послеоперационного периода, женщину, как правило, выписывают на 4-5 сутки⁴. Исследования ученых в этой области говорят о 68% случаях выписки пациентки из родильного дома на 7 сутки⁵, что свидетельствует о снижении риска каких-либо осложнений после указанного времени.

Таким образом, учитывая все особенности манипуляций, считаем возможным для определения криминообразующего признака привилегированного состава убийства «после родов» обозначить одинаковый ранний послеродовой период после физиологических родов и после абдоминального процесса родоразрешения в виде 5-7 дневного срока.

Кроме того, правильность увеличения временных показателей убийства новорожденного после родов до 5-7 суток, на наш взгляд, подтверждается не только с медицинской точки зрения, но и с юридической, так как именно в

¹ Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 16.06.2020).

² Короткова Н.А. Влияние беременности и родов на возникновение послеродового стресса и психовегетативных нарушений у родильниц: дис. ... д-ра мед. наук М., 2011. С. 53.

³ Клинические рекомендации (протокол лечения) «Кесарево сечение» [Электронный ресурс]. URL: http://zdrav.spb.ru/media/komzdrav/documents/document/file/kesarevo_sechenie.pdf (дата обращения: 16.06.2020).

⁴ Там же.

⁵ Самедова Н.С. Репродуктивная функция женщин после операции кесарево сечение: дис. ... канд. мед. наук. Смоленск, 2006. С. 53.

это время женщина в определенных случаях может испытывать особое психофизиологическое состояние, которое и будет способствовать объяснению смягчения ответственности за данный вид убийства (далее это анализируется подробнее).

Так, обосновывая привилегированный характер детоубийства, многие авторы указывают на особое психофизическое состояние, которое наблюдается у женщин в этот период¹. По мнению А.Н. Красикова, женщина в период физиологических родов испытывает особо болезненные психофизические страдания, поэтому такое убийство признается привилегированным². Г.Н. Борзенков определял, что «в этот период женщина не всегда в состоянии воспринимать рождающегося человека как самостоятельное живое существо, продолжая видеть в нем свой плод, ощущать его как источник боли и страданий»³.

Конечно, в период родов и после них роженица, как мы отмечали выше, может испытывать определенные психофизические страдания, однако это не может свидетельствовать о наличии подобных состояний во всех случаях родоразрешения. Подобное необходимо проверять в каждом конкретном случае. Это опровергается даже тем, что роды могут быть не физиологическими, а с помощью операции кесарева сечения, когда женщина находится именно в момент родов под анестезией (не берем в расчёт состояние после родов, так как полагаем, что и при кесарево сечении состояние женщины может характеризоваться психофизиологическими нарушениями).

И, как подчеркивает Н.А. Лопашенко, в диспозиции ст. 106 УК ничего не сказано об особом психологическом или психофизиологическом состоянии женщины. Законодателем закреплено только несколько признаков:

¹ Кругликов Л.Л. Преступления против жизни и здоровья // Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. С. 22.

² Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 102.

³ Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М.: Зерцало-М., 2008. С. 129.

потерпевший, специальный субъект, время и обстановка совершения преступления¹. Поэтому снижение ответственности при убийстве матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов не связано именно со временем (хотя, как указано выше, фактически конструкция статьи говорит об обратном), а по замыслу законодателя оно связано с тем, что женщина, убивая в этот период ребенка, находится в состоянии психофизиологической перегрузки, вызванной родовым процессом. И для того, чтобы норма стала справедливой, Л.И. Мурзина считает необходимым установить и доказать не только то, что мать убила ребенка во время родов или сразу же после них, но и то, что совершила она это деяние в силу особых психофизических страданий, мучений. Вследствие чего происходит сужение ее сознания, при котором женщина уверена: чтобы избавиться от страданий, необходимо удалить его источник, то есть новорожденного, так как он виноват во всем происходящем. Если же действия матери не связаны с воздействием на нее родоразрешительного процесса, и причинение смерти ребенку заранее спланировано, то такие действия следует квалифицировать по ст. 105 УК².

Криминологический анализ Е.Б. Кургузкиной показывает, что кажущаяся, лежащая на поверхности импульсивность действий преступницы на самом деле таковой не является, и в подавляющем большинстве своем женщины готовили и планировали убийство новорожденных заранее, совершали действия предумышленно³. Действительно, современная практика знает достаточно ситуаций, когда такое убийство совершается расчетливо и планируется заранее.

Так, Островским районным судом Костромской области Ш. была признана виновной в совершении убийства матерью новорожденного ребенка во время или сразу

¹ Лопашенко Н.А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 453.

² Мурзина Л.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 88.

³ Кургузкина Р.Б. Причины убийства матерью новорождённого // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 77; Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 86.

же после родов. Как выяснилось из обстоятельств дела, Ш., достоверно зная, что беременна, на учет у врача-гинеколога не встала, в женские консультации и иные медицинские учреждения по поводу беременности не обращалась, о своей беременности никому не сообщала. Находясь в уличном туалете, Ш. присела над отверстием и без участия медицинских работников родила жизнеспособного младенца мужского пола, ножницами отрезала пуповину, не оказала помощь ребенку, который упал в фекальные массы, не стала его вытаскивать из выгребной ямы и ушла домой. В результате действий Ш. новорожденный ребенок скончался на указанном месте в результате аспирации в дыхательные пути фекальных масс¹.

Таким образом, мать новорожденного ребенка, узнав о своей беременности, умышленно игнорировала посещение медицинского учреждения, скрывала от всех свою беременность, что позволяет говорить о возникновении желания избавиться от ребенка задолго до наступления родов при отсутствии каких-либо психофизических изменений в организме женщины ни до родов, ни во время них, ни сразу после них.

Подобное же уголовное дело было рассмотрено и Воротынским районным судом Нижегородской области.

Г. достоверно знала о своей беременности, но на учет у врача акушера-гинеколога в медицинском учреждении на протяжении всего срока беременности не вставала, в период беременности медицинское обследование не проходила, под наблюдением специалистов не состояла. Ввиду нежелания воспитывать ребенка и осуществлять за ним уход, действуя умышленно, находясь в сарае, она родила живорожденного младенца мужского пола, руками сдавила ему шею и закрыла наружные дыхательные пути ребенка, тем самым ограничив к нему доступ воздуха. В результате преступных действий Г. наступила смерть новорожденного ребенка².

Изучение опубликованной судебной практики за 2015 - 2020 гг. показало, что из рассмотренных 160 уголовных дел в разных регионах Российской Федерации в 113 случаях женщины привлекались к

¹ Приговор Островского районного суда Костромской области от 04.09.2018 по делу № 1-59/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3aJr1ov13NUv/> (дата обращения: 17.06.2020).

² Приговор Воротынского районного суда Нижегородской области от 13.07.2018 по делу № 1-34/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YhJ5yCU1dNNg/> (дата обращения: 17.06.2020).

ответственности за убийство новорожденного ребенка во время или сразу же после родов. Ни в одном материале судебной практике не было отмечено, что женщина вставала на учет в женскую консультацию, вела свою беременность под контролем специализированного врача (акушера-гинеколога), рожала в условиях стационара или нуждалась в помощи посторонних лиц для благополучного исхода родоразрешения. Что же касается особого психофизиологического состояния, в котором должна была находиться женщина при совершении убийства своего новорожденного ребенка, то только в одном случае суд указал на сильную боль, которую испытывала женщина в процессе родоразрешения, что спровоцировало стрессовое состояние, в результате которого женщина убила новорождённого ребенка; и в другом случае суд установил, что женщина находилась в состоянии аффекта¹.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что решение избавиться от ребенка в большинстве случаев формируется в сознании женщины заранее, сразу после того, как она узнает о незапланированной беременности. Об этом свидетельствуют действия самой женщины, которые направлены на сокрытие своего физиологического положения от окружающих, близких родственников, медицинского персонала, исключение возможности распространения информации о беременности, отсутствие заботы о благополучном исходе беременности. Правильно пишут А.М. Багмет и А.В. Трощанович, отмечая, что подавляющее большинство женщин, убивших своих новорождённых детей, узнав о своей беременности, в специализированные медицинские учреждения не обращались, на учет по беременности не вставали, скрывали беременность до самых родов, после

¹ Приговор Новооскольского районного суда Белгородской области от 29.06.2017 по делу № 1-44/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2eY7LzgzB7dP/> (дата обращения: 17.06.2020).

убийства ребенка предпринимали действия, направленные на сокрытие трупа¹.

Многие авторы, тем самым, высказывают сомнения в правильности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов по ст. 106 УК без учета смягчающего признака – психофизиологического состояния женщины, предлагая скорректировать диспозицию статьи, дополнив ее тем обстоятельством, который внешне в конструкции состава скрыт, но презюмируется законодателем. К примеру, М.Г. Князькова рекомендует в ст. 106 УК РФ добавить ссылки на особое психическое состояние женщины, совершающей убийство во время или сразу после родов². На это обращают внимание и специалисты уголовно-процессуального права – «досудебное производство по уголовным делам об убийстве матерью новорожденного ребенка должно характеризоваться спецификой, определяемой психофизиологическим состоянием матери новорожденного ребенка, вызванным беременностью, родами...»³. На особое психофизиологическое состояние женщины указывали и лица, участвующие в анкетировании в рамках настоящего исследования⁴. И, безусловно, это верное решение, так как будут минимизированы случаи привлечения к уголовной ответственности по ст. 106 УК женщин, которые совершили убийство во время или сразу же после родов, но без влияния на организм матери сильнейшего стресса (психофизиологического состояния) во время или после родового процесса.

¹ Багмет А.М., Трощанович А.В. К вопросу об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ // Российский следователь. 2014. № 11. С. 18-20.

² Князькова М.Г. Влияние квалифицирующих признаков на дифференциацию уголовной ответственности на примере ст. 106 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. IV науч.-практ. конф. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2007. С. 320.

³ Лукомская А.С. Процессуальный порядок досудебного производства по уголовным делам об убийстве матерью новорожденного ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2011. С. 11.

⁴ 62 % опрошенных считают, что в составе убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), совершенного во время или сразу же после родов, привилегирующий признак усматривается только в случае указания на особое психофизиологическое состояние женщины.

Но в таком случае необходимо разобраться с тем, что входит в понятие особого психофизического или психофизиологического состояния матери.

Анализируя состояния человека как совокупность происходящих в его организме процессов, физиологи говорят о функциональных или физиологических процессах, психологи – о психических. Но, рассматривая функционирование человеческого организма, следует понимать, что в физиологическом состоянии присутствует психическое и, наоборот, в психическом – физиологическое. Так, функционирование человеческого организма в целом или какой-то его отдельной системы, например моторной, – состояние физиологическое, а реакция человека в определенной ситуации в виде, например, страха — состояние психическое¹. Как указывает Е.П. Ильин, в действительности психические состояния неразрывно связаны с физиологическими структурами, поэтому он предлагает считать «психические состояния психофизиологическими»².

Соглашаясь с автором, полагаем, что такое «синтезированное» состояние психики и физиологии может происходить с женщиной *в период родов или после них*. Медики объясняют это тем, что беременность, роды и состояние после родоразрешения сопровождаются повышенной эмоциональной напряженностью, что обеспечивается мощным стрессом различных функциональных систем организма³. Г.И. Брехман определяет беременность как состояние напряжения, при котором обнаруживаются адаптационные реакции со стороны органов и систем, переводящие организм на другой уровень функционирования⁴. Т.Т. Сорокина, Е.А. Ряплова, Н.И. Лыскина показали, что биологические и нейроэндокринные изменения во время беременности могут оказывать глубокое психологическое влияние

¹ Мухачева И.М. Понятие и виды психофизиологического состояния лица, совершившего преступление // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80). С. 116.

² Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2012. С. 342.

³ Короткова Н.А. Влияние беременности и родов на возникновение послеродового стресса и психовегетативных нарушений у родильниц: дис. ... д-ра мед. наук. М., 2011. С. 18.

⁴ Брехман Г.И. Перинатальная психология // Вестник Российской ассоциации акушеров и гинекологов. 1998. № 4. С. 49-52.

на ожидающих матерей¹. Физиологические же изменения начинают влиять на организм женщины с самого начала беременности, протекают всю беременность и сильнейшим болевым синдромом выражаются непосредственно в процессе родов. Именно поэтому в науке уголовного права, полагают, что психофизиологическое состояние, являющееся смягчающим обстоятельством в составе преступления, должно быть вызвано именно процессом родоразрешения.

Однако на основании медицинских исследований, проводимых специалистами в области послеродового стресса, нам представляется, что *психофизиологические реакции матери могут быть вызваны не только непосредственно родами, но и послеродовым состоянием, который может длиться во время раннего послеродового периода, определенного нами ранее в 5-7- дневный срок, в течение которого женщина также может убить своего новорожденного ребенка.* Как отмечает Н.А. Короткова, по данным значительного количества авторов, наличие стресса в конце беременности является предиктором послеродовой дезадаптации женщины². Кроме того, австралийский ученый S.J. Jonstone к акушерским, физиологическим факторам, способствующим развитию послеродового стресса, напряжения, а в нашем случае психофизиологического состояния, относит первые роды, кровотечение, наложение акушерских щипцов и кесарево сечение³.

Таким образом, *под психофизиологическим состоянием* можно понимать системный ответ организма на воздействие совокупности психических и физических (физиологических) условий и факторов, в целом характеризующий угнетенное состояние женщины, вызванное процессом родоразрешения и (или) ранним послеродовым периодом.

¹ Сорокина Т.Т. Роды и психика. Мн.: ООО «Новое знание», 2003. С. 211; Ряплова Е.А., Лыскина Н.И. Исследование потребности женщин в психологическом сопровождении // Практическая психология. 2000. Т. 2. С. 34.

² Короткова Н.А. Влияние беременности и родов на возникновение послеродового стресса и психовегетативных нарушений у родильниц: дис. ... д-ра мед. наук. М., 2011. С. 37.

³ Stuart J. Johnstone, Philip M. Boyce, Meredith G. Harris. Obstetric risk factors for postnatal depression in urban and rural community samples // Australian and New Zealand Journal. 2001. Vol. 35, № 1. P. 69-74.

Однако принимая во внимание правильность изменения законодательной формулировки включением в конструкцию состава объективно смягчающего признака – психофизиологического состояния, авторы отмечают труднодоказуемость последнего. В связи с этим ими предлагается ограничить понятие убийства матерью новорожденного ребенка, совершенного во время или сразу же после родов, указанием на необходимость отсутствия заранее обдуманного умысла¹. Соглашается с этим и Н.А. Лопашенко, отмечая, что исключение из видов этого убийства заранее подготовленных сделает норму более справедливой². Закрепление дополнительного признака непреднамеренности действий в составе убийства матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов видится нам также верным решением и в случаях, когда женщина родоразрешается в медицинском учреждении, ей делают все необходимые обезболивающие манипуляции, направленные на устранение болевых ощущений, или проводят операцию кесарево сечение, при которой женщине помогают родить ребенка и исключают возникновение у нее психофизиологического состояния, но при этом мать новорожденного в период родов или после них убивает ребенка. В этой ситуации основным смягчающим признаком должен выступать непреднамеренный характер действий роженицы. В противном случае подобные действия не должны носить характер привилегированного состава преступления и квалифицироваться по ст. 106 УК.

Таким образом, исходя из анализа признака убийства матерью новорожденного ребенка *во время или сразу же после родов*, полагаем, что основными обстоятельствами, которые оправданно смягчали бы ответственность и позволили бы отнести указанный вид убийства к привилегированным, должны выступать несколько условий. Во-первых,

¹ Векленко С.В., Фалько А.Б. Предумышленное убийство в уголовном праве России. Омск, 2007. С. 124.

² Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 541.

особая психофизиологическая реакция матери, вызванная процессом родоразрешения, а также послеродовым состоянием в ранний период после родов по медицинским основаниям, определенный нами в 5-7 дневный срок от начала второго периода родоразрешения (период изгнания) при физиологических родах и от начала этапа извлечения новорожденного после рассечения шейки матки, когда врач выводит руками ребенка через разрез при абдоминальном родоразрешении, и, во-вторых, непреднамеренный характер действий роженицы, который бы подтверждал отсутствие заранее обдуманного умысла на убийство новорожденного ребенка. Только при наличии указанных обстоятельств убийство матерью новорожденного ребенка может объективно признаваться привилегированным и влечь пониженное, по сравнению с основным составом убийства, наказание. В случае если женщина совершает подобное убийство без влияния на нее психофизиологического состояния, планируя убийство заранее и при отсутствии других, указанных в законе, смягчающих признаков, такое общественно опасное деяние нельзя квалифицировать как привилегированное убийство и следует дать юридическую оценку в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК.

На основании изложенного предлагаем изменить часть нормы, касающуюся убийства матерью новорожденного ребенка, совершенного во время или сразу же после родов, и сформулировать ее следующим образом с указанием примечания к статье:

Непредумышленное убийство матерью новорожденного ребенка во время или в период после родов, а равно убийство новорожденного ребенка, вызванное особым психофизиологическим состоянием роженицы, или убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с наступившей беременностью и родами, –

наказывается ...

Примечания. 1. Периодом после родов является ранний (в течение пяти-семи дней) период после физиологических родов и (или) после абдоминального процесса родоразрешения.

2. Под психофизиологическим состоянием понимается системный ответ организма на воздействие совокупности психических и физических (физиологических) условий и факторов, в целом характеризующий угнетенное состояние женщины, вызванное процессом родоразрешения и (или) ранним послеродовым периодом.

Вторым альтернативным привилегирующим признаком при убийстве мать новорожденного ребенка законодатель определяет *условие психотравмирующей ситуации*, которое влияет на женщину и провоцирует на совершение противоправных действий.

Как отмечает Н.А. Лопашенко, появившееся в настоящем уголовном законе понятие психотравмирующей ситуации стало отражаться не в одной, а сразу в двух статьях УК – ст. 106 и ст. 107. Но, несмотря на общее содержание психотравмирующей ситуации, законодатель все-таки разделил это понятие между двумя составами, определив разные основания возникновения такой ситуации относительно них¹. Так как более подробно о самом понятии психотравмирующей ситуации мы будем писать в анализе состава убийства в состоянии аффекта, то в данном случае приведем лишь общую характеристику этого признака, под которой мы понимаем постепенно нарастающую психологическую реакцию отчаяния, депрессии, безволия, и др., перерастающую в сильный взрыв отрицательных эмоций, при которых лицо совершает преступление. Такое особенное состояние лица, при котором оно не утрачивает вменяемости, характеризуется потерей контроля над своим поведением в силу снижения уровня волевых процессов. Если рассматривать эту ситуацию исключительно к ст. 106 УК, то ее можно представить как психически отягощенную, хотя и не вызвавшую

¹ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 554.

психического расстройства ситуацию, связанную с психоэмоциональной напряженностью, чувством длительного по времени беспокойства, страха, неуверенности и т.п., которая на фоне психофизических перегрузок, имеющих место в периоды беременности, рождения ребенка, принимает для женщины особо значимый обостренный характер»¹. По мнению А.Н. Красикова, это ситуация, складывающаяся не сразу, а в результате повторения негативного воздействия на психику матери - убийцы, то есть при аккумуляции отрицательных эмоций².

Так, в целом, можно определить, что психотравмирующие ситуации оказывают негативное влияние на психоэмоциональное состояние женщин и выделить несколько основных признаков этого состояния: 1) сильное эмоциональное напряжение; 2) сохранность способности лица во время совершения общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения; 3) системный характер воздействия на психику матери для возникновения ситуации. Но для того, чтобы понять, в силу каких причин психотравмирующая ситуация законом определяет привилегированность второго вида детоубийства, заострять внимание необходимо как раз не на содержательной части такой ситуации, а на том, что стало первопричиной ее появления и в какой мере она влияет непосредственно на субъект. Поэтому слова Ф. Сафуанова о том, что решающее значение приобретает психологическое значение ситуативных воздействий, которое формируется в сознании субъекта³, представляются нам весьма справедливыми.

Основания возникновения психотравмирующей ситуации у женщин, находящихся в состоянии беременности и готовящихся к родовой деятельности, изучают не только в области уголовного права, но и в области медицины. Врачи утверждают, что факторы возникновения такой ситуации

¹ Базаров Р.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против жизни. Челябинск, 1998. С. 44.

² Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 124.

³ Сафуанов Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 29.

(биологические, социальные, психологические, ятрогенные) могут взаимодействовать между собой и в конце приводить к психотравме матери. Но психологические и социальные обстоятельства жизни женщины преобладают в таких случаях.

С. Rubertsson к факторам развития стресса у первородящих женщин относит нежеланную беременность, возраст менее 25 лет, неблагоприятную семейную обстановку. У повторнородящих – это отсутствие поддержки партнера, статус одинокой женщины, отсутствие работы, отрицательный опыт первых родов. В обеих группах он выделяет отсутствие поддержки или недостаточную поддержку от партнера или родственников, два и более тяжелых жизненных события¹. Еще несколько зарубежных ученых в области перинатальной медицины доказали, что нежеланная беременность, первые роды, акушерские осложнения, боязнь проблем при уходе за ребенком, низкая перинатальная и постнатальная поддержка, каждодневные конфликтные ситуации, супружеская дисгармония, отрицательная постнатальная оценка со стороны близких способствуют возникновению психотравмирующих ситуаций у женщин².

В отношении того, какие факторы могут образовывать психотравмирующую ситуацию, в уголовно-правовой литературе высказываются многие. К примеру, А.И. Коробеев относит к таким факторам беременность как результат изнасилования; пропуск срока беременности для производства аборта; беспокойное поведение новорожденного, лишаящее его мать на длительное время сна и отдыха; требование отца ребенка избавиться от него любой ценой; отказ отца ребенка признать его своим; отказ зарегистрировать брак; травля матери ребенка ее близкими

¹ Rubertsson Christine, Waldenstrom Ulla, Wickberg Birgitta. Depressive mood in early pregnancy: prevalence and women at risk in a national Swedish sample // Journal of Reproductive and Infant Psychology. 2003. Vol. 21, № 2. P. 113-123.

² Fatoye F.O. and Fasubaa O.B. Post – partum mental disorders: pattern and problems of management in Wesley Guild hospital // Journal of Obstetrics and gynecology. 2002. Vol. 22, № 5. P. 508.

родственниками и т.п.¹. С точки зрения Н.Г. Иванова и Ю.И. Ляпунова, психотравмирующая ситуация может быть следствием семейных конфликтов, супружеской измены, а также иных ситуаций социально-бытового характера². Несмотря на разные области исследования (медицина и юриспруденция), многие факторы, способствующие возникновению психической травмы у женщин, совпадают. Как правило, их может быть несколько. В основном они возникают в результате семейных, семейно – бытовых, социальных или производственных ситуаций. Подобное, на наш взгляд, объясняется спецификой субъекта рассматриваемого состава преступления. Это, в первую очередь, женщина, переходящая в статус беременной и далее в статус матери. Основания формируются непосредственно исходя из этих условий (беременность и роды). Это видно и при анализе опубликованной судебной практики.

Так, в Чеченской Республике женщина была признана виновной в совершении убийства новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, которая сформировалась в связи с неудачной попыткой производства аборта, со страхом сообщить близким и родственникам о своей внебрачной беременности и рождении ребенка, боязни общественного порицания, что вызвало реакцию психики в виде напряжения, общего беспокойства, раздражительности, враждебности, снижения критических функций³.

При этом в остальных изученных приговорах отмечались и такие провоцирующие условия для психотравмирующей ситуации, как неудовлетворительное материальное положение женщины, наличие несовершеннолетних детей, беременность от человека, который не являлся законным супругом женщины. Обобщая анализ теоретических и практических положений рассматриваемого смягчающего признака, первопричиной психотравматизации женщин, полагаем, следует признать,

¹ Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. II: Преступления против личности. СПб., 2008. С. 237 (автор главы – А.И. Коробеев).

² Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов. М.: Юриспруденция, 2007. С. 71 (автор главы – Ю.И. Ляпунов).

³ Приговор Ленинского районного суда г. Грозного Чеченской Республики от 03.02.2017 по делу № 1-24/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/H9vFmph3OX6K/> (дата обращения: 24.06.2020).

прежде всего, семейно – бытовые и социально-экономические условия жизни женщины, непосредственно связанные и определяемые беременностью и родами. Невозможность спокойно родить и воспитать ребенка в силу указанных причин переживается женщинами как кризисная ситуация, выход из которой затруднен многочисленными общественными и социальными противоречиями¹. Последствия ситуаций проявляются на уровне психической организации женщины и разрешаются совершением общественно опасного деяния.

Исходя из сложных ситуативных факторов, провоцирующих появление состояния психотравмы и влияющих на поведение женщины, считаем оправданным отнесение рассматриваемого признака к привилегирующим обстоятельствам. Однако в ст. 106 УК законодатель в отличие от ст. 107 УК не указывает основания возникновения психотравмирующей ситуации, что, по мнению Н.А. Лопашенко, закон не красит². Соглашаясь с мнением автора, полагаем, что необходимо последовать примеру законодательной конструкции признака психотравмирующей ситуации в составе убийства в состоянии аффекта и закрепить в ст. 106 УК не просто одно условие психотравмирующей ситуации, а дополнить и связать его с основанием возникновения, а именно с беременностью и родами. Это позволит исключить признание психотравмирующей ситуации, не связанной с беременностью и родами (к примеру, потерю фамильных драгоценностей³), смягчающим обстоятельством при убийстве матерью новорожденного ребенка.

В заключение анализа второго привилегирующего признака в убийстве матерью новорожденного ребенка хотелось бы подчеркнуть, что для

¹ Аль-Одайни Магда Мохаммед Муршед. Клинико-психологические аспекты переживания насилия женщиной в традиционной арабской семье: дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2009. С. 9.

² Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 556.

³ Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 43.

справедливого смягчения ответственности матери - убийце, психотравмирующая ситуация, в которой находится женщина в момент совершения преступления, должна возникнуть непосредственно в связи с наступившей беременностью и родами, что должно быть законодательно отражено в норме в виде следующего предложения: «... убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной наступившей беременностью и родами...», а также определено судом в каждом конкретном случае индивидуально, исходя из заключения специалистов¹.

Третий вид убийства матерью новорожденного ребенка характеризуется смягчением ответственности в связи с состоянием психического расстройства женщины, не исключающего вменяемости. Указанное обстоятельство, как правило, меньше всего оспаривается на вопрос привилегированности и меньшей наказуемости при совершении убийства в таком состоянии. Авторы, к примеру, указывают, что убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемость – наиболее обоснованное условие для применения смягчающих обстоятельств².

Но не все соглашаются с такой позицией. К примеру, А.Л. Карасова находит малооправданным включение в ст. 106 УК признака «ограниченной вменяемости» в связи с неравным положением лиц, которые совершают в состоянии «меньшей вменяемости» разные по характеру преступления, так как это условие законодатель применил только к матерям, убивающим своих новорожденных детей³. Н.Е. Алёнкин, будучи приверженцем исключения

¹ Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С.68.

² Еремеева П.А. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы применения // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: матер. XII всерос. молодежн. науч.-практ. конф. / под ред. И.А. Шаралдаевой. Улан-Удэ, 2018. С. 158-161.

³ Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 113.

статьи из уголовного закона полностью, в частности, высказывает мнение, что меньшая общественная опасность деяния и личности виновной далеко не очевидна при совершении ею убийства новорожденного в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости¹. Полагаем, что подобная дискуссионность вопроса является следствием критического отношения к самому понятию «уменьшенная (ограниченная) вменяемость», которая была высказана учеными в области уголовного права еще в Советские годы.

З.А. Астемиров, выступавший против этого понятия, называл ограниченную вменяемость промежуточным звеном в континууме вменяемости - невменяемости, между нормальным психическим состоянием и состоянием психической болезни². Французский профессор А. Тардьё не признавал возможности существования какого-либо промежуточного состояния между полной вменяемостью и невменяемостью³.

Не являясь ни сторонником, ни противником института «уменьшенной (ограниченной) вменяемости», полагаем, что законодатель закрепил в уголовном законе норму об уголовной ответственности лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемость, для максимального учета психических особенностей лица при совершении им общественно опасного деяния. И если психическое расстройство влияет на поведение человека, то оно, безусловно, должно учитываться судом при назначении наказания. Однако сложность видится нам не в юридической оценке самого понятия, а в целесообразности включения признака ограниченной вменяемости в качестве привилегирующего обстоятельства, дифференцирующего уголовную ответственность. Если психическое расстройство, не исключающее вменяемости, не отнесено даже к смягчающим обстоятельствам, отмечает Н.Е. Алёнкин, то весьма спорным

¹ Алёнкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 124.

² Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970. С. 38.

³ Tardien A. Etude medico – legale sur l'infantieide. 1860. P. 87.

представляется его закрепление в качестве привилегирующего, который служит средством дифференциации ответственности¹.

В 1904 г. представители группы Международного союза криминалистов под «уменьшенной вменяемостью» предложили понимать длительное болезненное состояние, уменьшающее осознание преступности деяния или силу сопротивления соблазну². Такое состояние можно было вывести следующей формулой: «уменьшенная вменяемость = уменьшенная вина = уменьшенная ответственность». При этом индивидуально – личностная особенность юридически оценивалась как *возможное*, но не обязательное основание для смягчения наказания³. В настоящий момент уголовное законодательство закрепляет понятие психического расстройства, не исключающего вменяемости, регламентируя его в ст. 22 УК как состояние **вменяемости**, при котором лицо не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими, и учитывается судом при назначении наказания. Помимо возможности индивидуализировать уголовную ответственность при наличии такого признака в момент совершения преступления, законодатель ввел возможность, как было указано ранее, ее и дифференцировать включением этого признака в разряд привилегирующих. По нескольким причинам мы не видим в этом должной необходимости.

Еще в 1860 г. А. Тардьё писал: «ограниченная вменяемость – исключительно редкое явление у детоубийц»⁴. Несмотря на то, что прошло много лет, анализ современной опубликованной судебной практики подтверждает эти слова. Исходя из изученных нами 160 приговоров, вынесенных судами различных субъектов РФ, следует сделать вывод, что

¹ Алёнкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 126.

² Козаченко И.Я., Сухарев Е.А., Гусев Е.А. Проблема уменьшенной вменяемости. Екатеринбург, 1993. С. 9.

³ Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Преступное поведение и психические расстройства: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 58.

⁴ Tardien A. Etude medico – legale sur l'infantieide. 1860. P. 90.

правоприменитель в большинстве случаев квалифицирует убийство матерью новорожденного ребенка по признаку «сразу же после родов», реже оценивая эти убийства по признакам психотравмирующей ситуации и еще реже (**только в трех случаях**) по состоянию психического расстройства, не исключающего вменяемости. Признак психического расстройства, не исключающего вменяемости, на практике, в основном, вменяется вместе с признаком «сразу же после родов», а также при наличии условий психотравмирующей ситуации.

В теории к психическим расстройствам, не исключающим вменяемости, относятся хронические психические расстройства, временные психические расстройства, слабоумие, иные болезненные состояния психики, при которых сохраняется осознанно-волевое поведение во время совершения преступления. Эти психические расстройства сопровождаются нарушениями в познавательной и эмоциональной сферах¹.

На практике, исходя из анализа рассмотренной судебной практики, психические расстройства в подобных случаях выражаются, к примеру, в форме умственной отсталости легкой степени со слабовыраженными нарушениями поведения² или в форме смешанного тревожного расстройства, не исключающего вменяемости³. Однако, если психотравмирующая ситуация почти всегда раскрывается правоприменителем, то психическое расстройство часто просто указывается без определения его вида, что, по словам Д.Р. Лунца, может свидетельствовать о том, что «уменьшенная вменяемость» как промежуточное звено избавляет эксперта от стремления к точной

¹ Спасенников Б.А. Смирнов А.А., Тихомиров А.Н. Преступное поведение и психические расстройства: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 57.

² Приговор Первомайского районного суда г. Владивостока от 07.09.2017 по делу № 1-24/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZEXL9yTjUArC/> (дата обращения: 24.06.2020).

³ Приговор Чердынского районного суда Пермского края от 19.06.2014 по делу 1-38/2014 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/WjcrUO8AW96P/> (дата обращения: 24.06.2020).

диагностике и максимально возможной четкой оценке психических расстройств¹.

Таким образом, первая причина исключения «ограниченной вменяемости» из разряда привилегирующих признаков определяется нами как редкая распространенность на практике случаев совершения подобных преступлений женщинами. Как указывают ученые, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, может быть не связано ни с родами, ни с беременностью². Тогда возникает вопрос – «Почему законодатель включил это состояние только в одну статью уголовного закона?». Два предыдущих рассмотренных нами случая убийства матерью своего новорождённого ребенка для смягчения ответственности должны быть связаны с беременностью и родами или вытекать из этих условий, но в данном случае закон никак не связывает «ограниченную вменяемость» с этими обстоятельствами. Указанное представляется неверным, так как теряется логический смысл присутствия этого признака в составе убийства матерью новорожденного ребенка.

Так как ст. 22 УК уже содержит разъяснение на идентичное состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости, которое закреплено в ст. 106 УК, нет необходимости повторять его при условии двух выше сказанных причин, тем более что мера наказания для субъекта при таком душевном состоянии справедливо уменьшается путем индивидуализации уголовной ответственности.

Приходим к выводу, что привилегированность состава убийства матерью новорожденного ребенка должна обосновываться и доказываться относительно каждого альтернативно определенного вида противоправного поведения женщины.

¹ Лунц Д.Р. Оценка судом психических аномалий обвиняемого, не исключающих вменяемость // Правоведение. 1968. № 2. С. 86-94.

² Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 561.

2. Убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 107, ст. 113 УК РФ)

Преступление – это всегда реализованная в конкретном деянии мера нравственной и социальной несправедливости, – пишет В.Д. Филимонов¹. Продолжая размышлять над сущностными характеристиками преступления, он указывает, что социальная несправедливость определяет характер общественной опасности преступления, а степень общественной опасности может быть выражена различными количественными признаками². Это важно учитывать при выделении привилегий, которые требуют смягчения ответственности. При определении системы привилегирующих признаков, значительно влияющих на степень общественной опасности содеянного, необходимо провести подробный анализ тех обстоятельств, которые являются составной частью самого преступного поведения.

В уголовном законодательстве степень общественной опасности преступления характеризуется обстоятельствами совершения общественно – опасного деяния не только со стороны лица, совершающего преступление, но и со стороны других лиц, провоцирующих само преступление. К подобным деяниям закон относит совершение преступных действий (убийство, причинение вреда здоровью) в состоянии аффекта, а также при аналогичных действиях, но с превышением пределов необходимой обороны и мер при задержании лица, совершившего преступление.

Проанализируем причины привилегии относительно действий, совершенных в состоянии сильного душевного волнения.

Аффект упоминается в ст. ст. 107, 113 УК в целом как признак - привилегия, влияющий на смягчение уголовной ответственности потому, что в этих случаях он служит «извинительным обстоятельством», которое раскрывает один из детерминантов привилегизации данных составов преступлений. В чем он выражается?

¹ Филимонов В.Д. Роль генезиса преступления в формировании его общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 138.

² Там же. С. 139.

Ученые, которые представляли религиозное право древности, считали, что непозволительно судить поступок человека при полном безразличии к его внутреннему состоянию¹. Любое действие всегда содержит в себе какую-либо эмоцию². А.В. Коломина отмечает: эмоции играют важную роль в осуществлении психических функций, которые, в свою очередь, психологами делятся на настроения, страхи, стрессовые состояния, аффекты³.

В психиатрии и психологии выделяются два вида аффекта: патологический и физиологический. Основным отличием одного аффекта от другого является степень воздействия этого состояния на сознание человека, который переживает аффект⁴. При патологическом аффекте происходит кратковременное психическое расстройство, которое выражается в полной или частичной амнезии и в абсолютном помрачении сознания⁵. При физиологическом аффекте не наблюдается расстройства психики, состояние лица определяется изменениями нормального психологического процесса⁶. Другими словами, при физиологическом аффекте лицо признается вменяемым, сохраняет возможность осознавать и руководить своим поведением, хотя степень волевой реакции безусловно снижена. Далее мы будем рассматривать аффект только как физиологический механизм, дающий нам право полагать, что он является признаком, смягчающим ответственность.

Психологи оценивают аффект как сильное и относительно кратковременное эмоциональное переживание, которое может сопровождаться ярко выраженными двигательными и внутренними

¹ Иванов Н.Г. Уголовная ответственность лиц с аномалиями психики // Государство и право. 1997. № 3. С. 72-79.

² Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976. С. 38; Квасникова Т.В., Лазарева А.С., Гончаров А.А. Аффект с точки зрения уголовного права, психологии, психиатрии, физиологии // Бюллетень науки и практики. 2020. № 5(6). С. 374-375.

³ Коломина А.В. Аффект в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 14.

⁴ Пуляева Е.В. Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 33.

⁵ Ситковская О.Д. Психологический комментарий к УК РФ. М: Зерцало, 1999. С. 79.

⁶ Ситковская О.Д. Криминально-психологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 33.

проявлениями¹. Психиатры определяют аффект как кратковременный и чрезвычайно сильный эмоциональный разряд, возникающий в экстремальных условиях, когда субъект не справляется с ситуацией². А.С. Никифоров описывал аффект как кратковременную бурную эмоциональную реакцию, возбуждение с утратой волевого контроля³.

В доктрине уголовного права также предлагаются определения аффекта. Аффект – это состояние лица, характеризующееся во время совершения преступления высокой степенью эмоционального напряжения⁴. Б.В. Сидоров понимает под аффектом исключительно сильное, возникающее быстро и бурно протекающее, не длительное по времени эмоциональное состояние, определенно ограничивающее течение интеллектуальных и волевых процессов, которые нарушают целостное восприятие происходящего вокруг и правильное понимание лицом, совершающим преступление, объективного значения вещей⁵.

Таким образом, аффект – это прежде всего:

- эмоциональное состояние, душевное волнение, которое должно быть сильным, при котором происходит сужение, но не нарушение сознания человека. Действия человека в момент аффекта становятся импульсивными, малоосознанными, проявляются в форме, адекватной характеру сильного раздражения, с последующим субъективным чувством облегчения⁶;

- душевное волнение возникает внезапно – как ответная реакция на сильный эмоциональный раздражитель – что значит, что поведение субъекта регулируется не заранее обдуманной целью, а тем чувством, которое полностью захватывает личность и вызывает вспыльчивые действия. Но

¹ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971. С. 25.

² Курбатов В.И. Юридическая психология: учебное пособие. М.: Дашков и Ко; Ростов-н/Д: Наука-Пресс, 2007. С. 304.

³ Никифоров А.С. Неврология. Полный толковый словарь. С. 138.

⁴ Волков Б.С. Проблема воли и уголовной ответственности. С. 66.

⁵ Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 24.

⁶ Психология экстремальных ситуаций: хрестоматия / сост. А.Е. Тарас, К.В. Сельченко. Мн.: Харвест, 1999. С. 268.

присущая аффекту тенденция, проявиться в действии, часто подавляется изнутри, на время или длительно. При данных условиях мы наблюдаем явления как при рефлексии, которые не были выполнены потому, что мы их произвольно подавили, или физически не могли выполнить. А если тенденция к действию реализовывается, то она становится все сильнее и сильнее, что в результате приводит к последствиям, напоминающий «взрыв». В таких случаях мы говорим про напряжение, разрешение и отреагирование аффекта¹. В подобных ситуациях аффект уподобляется количеству энергии, которое переводится в действие и, таким образом, разряжается²;

- состояние аффекта носит очень кратковременный характер. Как описывает Н.А. Лопашенко, если бы виновный сумел переждать всплеск сильного душевного волнения, его пик, то он бы через пару минут прошел и человек мог бы не совершить преступление. Но при этом необходимо учитывать психологические особенности каждого человека, потому что реакция на осознание происходящего у всех людей имеет разную степень выраженности³;

- состояние аффекта должно возникать под влиянием определенных негативных для виновного обстоятельств.

Рассмотрев признаки аффекта, можно резюмировать, что аффект – это резко возникающее и стремительно утихающее, отклоненное от нормы психическое состояние лица, выраженное в сильной эмоции, которое ограничивает восприятие происходящего и стимулирует (провоцирует)

¹ Отреагирование. Двигательная или речевая деятельность, снимающая психическую напряженность. Термин был предложен J. Breuer и S. Freud [1895] для обозначения процесса, при котором психическая травма и связанный с ней аффект находят выход в словах и действиях, результатом чего является устранение внутриспсихического напряжения. См.: Толковый словарь психиатрических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.syntone-spb.ru/library/books/content/3484.html> (дата обращения: 16.06.2020).

² Блейер Э. Руководство по психиатрии. М., 1993. С. 29.

³ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 570.

человека к действию¹. Может ли аффект, в таком случае, претендовать на признание его в качестве привилегирующего признака в составе преступления? Может, но при наличии определенных условий.

С уголовно-правовой точки зрения, основной особенностью аффекта является то, что эмоциональная реакция, происходящая в сознании человека, может стать признаком, обоснованно смягчающим уголовную ответственность только в том случае, если она станет результатом провокационных действий, направленных на потенциального преступника. Выбор преступного поведения человека в данном случае должен объясняться действиями (бездействиями) потерпевшего, имевшими место перед началом преступления.

Уголовный закон выделяет основания возникновения аффекта. К ним относятся: насилие со стороны потерпевшего, издевательство, тяжкое оскорбление, иные противоправные действия (бездействия) потерпевшего, иные аморальные действия (бездействия) потерпевшего, длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Насилие со стороны потерпевшего лица.

В науке уголовного права понятие «насилие» изучалось и рассматривалось многократно, причем как с позиции роли насилия в обществе, так и с позиции насилия относительно конкретной личности. Не ставя задачу анализа понятийного аппарата этого явления, определим в целом, что насилие – это умышленное, общественно опасное, противоправное, принудительное физическое и (или) психическое воздействие, нарушающее или создающее угрозу нарушения охраняемым уголовным законом правам человека (группы лиц)².

¹ См.: Штанькова А.П. Понятие аффекта в привилегированном составе убийства // Московский юридический форум онлайн – 2020: сб. тез. докл. В 4 ч. Ч. 3. М: РГ-Пресс, 2020. С. 124.

² Челябова З.М. Уголовно-правовое понятие насилия // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. матер. III всерос. науч.-практ. конф.

Н.А. Лопашенко отмечает: «в уголовном праве встречаются различные описания насилия - насилие, опасное для жизни и здоровья, насилие, не опасное для жизни и здоровья, и просто насилие»¹. В ст. 107 и ст. 113 УК законодатель не дает дополнительных разъяснений, какое именно насилие должно провоцировать потерпевшего, указывается только, что это насилие. Как известно, такое провокационное, в данном случае, явление может выражаться в двух формах: физическом и психическом. И опять же в конструкции указанных привилегированных составов преступлений четко не прослеживается ограничений относительно какого-то вида насилия. Следовательно, если законодатель не прописывает дополнительные условия насилия со стороны потерпевшего лица, значит насилие должно трактоваться в широком его понимании – как насилие и физическое, и психическое. Об этом пишут Г.И. Чечель², Г.Н. Борзенков³ и др. Хотя есть и противоположные мнения, высказанные, к примеру, В.И. Ткаченко, который ограничивал понятие «насилие» только его физическим проявлением⁴. Полагаем, это не подтверждается ни описанием этого обстоятельства в составе преступления, так как в конструкции нет дополнительно указанных условий этого признака, ни выводами по анализу судебной практики, которая показывает, что внезапно возникшее сильное душевное волнение может быть вызвано любым видом насилия.

Из изученных нами 69 уголовных дел по преступлениям, совершенным в состоянии аффекта в период с 2014 – 2019 гг., в 42 из них действия провоцировались, в том числе, насилием со стороны потерпевшего или

(26 ноября 2015 г.) / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Бриллиантова. М.: РГУП, 2016. С. 278-283.

¹ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 572.

² Чечель Г.И. Убийство в состоянии аффекта. Особенности квалификации. Ставрополь, 2011. С. 7-8.

³ Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М.: Зерцало-М, 2008. С. 137-138.

⁴ Ткаченко В.И. Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта: учебное пособие / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М.: РИО ВЮЗИ, 1979. С. 35.

угрозой его применения, что говорит о применении физического и психического воздействия на субъект преступления. Примерами могут служить следующие материалы опубликованной судебной практики.

Находясь в здании на территории сельскохозяйственной фермы, Алиханов и А.Т.Б. разговаривали друг с другом. Между ними на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произошла ссора, в ходе которой Алиханов, в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, который был вызван неожиданной угрозой применения насилия со стороны А.Т.Б., а также психотравмирующей ситуацией, выразившейся в систематических унижениях и оскорблениях, физических воздействиях, агрессивной настроенности по отношению к Алиханову, выхватил ружье, находившееся при А.Т.Б., которым он угрожал Алиханову, и произвел выстрел в область грудной клетки А.Т.Б., чем причинил ему смерть. При таких обстоятельствах суд квалифицировал действия подсудимого Алиханова по ч. 1 ст. 107 УК РФ как убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием потерпевшего, и длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным поведением потерпевшего¹.

Приведённое уголовное дело демонстрирует наличие провоцирующих действий со стороны потерпевшего лица, которые, как мы видим, могут проявляться в применении к субъекту преступления насилия как физического, так и психического характера.

Еще одно показательное уголовное дело было рассмотрено Кировским районным судом г. Новосибирска. Из материалов уголовного дела следует, что Голубенко А.В. пришел с работы домой вечером и был абсолютно трезвым. В это время П., находившийся в нетрезвом состоянии, спавший в квартире Голубенко А.В., проснулся, зашел в комнату к последнему и ударил его в плечо. Голубенко А.В. сказал П., что будет с ним разговаривать только тогда, когда тот станет трезвым. В ответ на это П. стал резко агрессивным, начал драться и оскорблять Голубенко А.В., после чего вышел из комнаты, но потом снова вошел, продолжая оскорблять Голубенко А.В. нецензурными словами, пытался ударить в лицо. Голубенко А.В. попытался выгнать П. из дома, но тот приходил снова и угрожал тем, что сейчас будет его бить. Тогда Голубенко А.В., испугавшись, взял нож, чтобы себя защитить в случае нападения на него П. Когда П. пошел ему навстречу и

¹ Приговор Советского районного суда г. Орска от 15.10.2018 по делу № 1-285/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cAaW1tsdJUZV//> (дата обращения: 10.07.2019).

подошел очень близко, Голубенко А.В. ударил его в живот, а потом произвел еще один удар в бок и спину П. Дальше, по словам Голубенко А.В., он не понимал, что с ним происходит. После нанесения ударов Голубенко А.В. положил нож на стол. П. лежал на полу без движения, но подавал признаки жизни.

Было установлено, что между Голубенко А.В. и П. были каждодневные ссоры, которые сопровождались частыми и грубыми оскорблениями в адрес первого. В ходе следствия было выяснено, что П. неоднократно выпивал и провоцировал драки. Голубенко А.В. его опасался, так как П. был физически сильнее, и испытывал постоянное чувство тревоги, унижения и страха. У Голубенко А.В. выявлено наличие состояния аффекта во время совершения преступления, вызванного насилием и тяжким оскорблением со стороны потерпевшего лица. При определении наличия насилия, суд исходил из того, что со стороны потерпевшего было как физическое (толкнул в плечо), так и психическое насилие, которое выражалось в угрозах применения насилия. Суд квалифицировал действия Голубенко А.В. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 107 УК РФ¹.

На основании этого, полагаем, что указанное в законе насилие как условие, провоцирующее и вызывающее аффект, может трактоваться в широком его понимании, не ограничиваясь каким-то одним его видом (физическим или психическим). Но для более детального определения обозначенного термина, считаем возможным уточнить понятие насилия включением в конструкции ст. 107 и ст. 113 УК наравне с признаком насилия, который в большей степени обозначает его физическое выражение, и угрозу его применения как традиционное проявление психического насилия.

Однако не всегда физическое воздействие со стороны потерпевшего судом может расцениваться как насилие.

Так, Васильев совершил убийство в состоянии аффекта при следующих обстоятельствах. Янюшкин систематически избивал и унижал свою сожительницу – ФИО, которая являлась родной сестрой Васильева. Кроме того, он также оскорблял самого Васильева. В совокупности, все действия потерпевшего сформировали длительную психотравмирующую ситуацию, которая возникла в связи с систематическим противоправным и аморальным поведением Янюшкина. Провоцирующие действия

¹ Приговор Кировского районного суда г. Новосибирска от 25.05.2018 по делу № 1-158/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zHTMDB43aFH8/> (дата обращения: 18.10.2019).

потерпевшего стали основанием для возникновения аффекта у Васильева, в результате которого он нанес Янюшкину множественные удары в область головы, причинив телесные повреждения, от которых Янюшкин скончался на месте¹.

В данном случае насилие, которое проявилось в систематическом избиении, было применено к родной сестре виновного, то есть к близкому для него человеку, но не к нему самому, что справедливо судом было расценено как противоправное и аморальное поведение. В подобных случаях, стоит отметить, что насилие, применяемое не в отношении самого виновного, а в отношении близкого его лица, может вызывать у лица аффектированное состояние, но судом должно определяться как провоцирующее действие уже не по признаку насилия, а, к примеру, по признаку противоправного и аморального поведения.

Издевательство со стороны потерпевшего лица.

Э.Ф. Побегайло раскрывает издевательство как злую насмешку, глумление над виновным². Унижение виновного лица как основную особенность издеательства отмечал и И.В. Шмаров³. В понимании издеательства А.Н. Красиков выделял и особо оскорбительное поведение⁴.

Исходя из представленных позиций достаточно трудно провести четкое разграничение между издеательством и оскорблением, так как последнее также рассматривается как действие, унижающее честь и достоинство человека.

Н.А. Лопашенко анализируя эти два термина, проводит их разграничение по следующим условиям: 1) издеательство – тоже оскорбление, но не тяжкое; 2) издеательство более продолжительно по

¹ Приговор Калининского районного суда Саратовской области от 24.10.2018 по делу № 1-1-83/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kbhNW6rFtSYP/> (дата обращения: 10.07.2019).

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (Особенная часть) / под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С. 19.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко. М., 1996. С. 544.

⁴ Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. С. 138.

времени, чем оскорбление; 3) издевательство чаще сопряжено с насилием, а при оскорблении подобное отсутствует¹.

Действительно, издевательство характеризуется большей длительностью при воздействии на человека, нежели оскорбление. Об этом пишет И.В. Сидорова, отмечая, что повышенной опасностью обладает многократно совершаемое оскорбление одного и того же человека, что может образовывать особо жестокую форму этого поведения как разновидности психического насилия, которая, в подобных случаях, трансформируется в издевательство². Наиболее полно, на наш взгляд, отражает признаки издеательства Р.Д. Шарапов, подчеркивая систематичность и продолжаемый характер этого действия, выраженного в глумлении над потерпевшим, создающего в целом длительную психотравмирующую ситуацию³.

Обобщая, можно заключить, что издевательство достаточно широко интерпретируется, охватывая в своем понимании и признаки оскорбления, но в более жесткой форме, и признаки психического насилия, направленные на унижение чести и достоинства личности, но носящие более глубокий характер, что, к сожалению, не позволяет четко отграничить данный вид действий от иных провоцирующих аффект способов. Верно, на наш взгляд, замечает И.Ю. Бунева, что проблематичным представляется перечисление в рамках ст. 107 и ст. 113 УК издеательства и тяжкого оскорбления как автономных понятий, являющихся, по сути, элементами единого синонимического ряда⁴. Как отмечал С.В. Бородин, издевательство – это то же самое насильственное действие, которое характеризуется цинизмом⁵.

¹ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 580.

² Сидорова И.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010. С. 143.

³ Шарапов Р.Д. Понятие, квалификация и уголовно-правовое предупреждение преступного насилия. Тюмень. 2006. С. 130.

⁴ Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2000. С. 135.

⁵ Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 228.

И.В. Сидорова указывает, что издевательство, являясь оценочным уголовно-правовым понятием, создает почву для чрезмерного субъективизма, что подрывает стабильность судебной практики¹.

Таким образом, нам представляется, что понятие «издевательство» исчерпывается такими способами воздействия, как применение насилия или угроза его применения, выраженное в систематическом унижении чести и достоинства личности. А так как ранее мы предлагали дополнить понятие насилия угрозой его применения (то есть уточнением на возможность применения психического насилия), то целесообразным считаем исключить термин «издевательство» из перечня провоцирующих действий со стороны потерпевшего, что стало бы логически оправданным.

Тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего лица.

Ранее в уголовном законодательстве действовала ст. 130 УК, регламентировавшая оскорбление как преступление, под которым понималось унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме². На сегодняшний момент указанное деяние декриминализовано, однако в уголовном законе все же есть оскорбление, но в отношении представителя власти, а также определенное законом как тяжкое и представляющее собой провоцирующее действие.

Как отмечает И.Ю. Бунева, содержание тяжкого оскорбления в ст. 107, 113 УК достаточно запутанно, законодателем не закрепляется и представляет большую сложность, так как понятие «тяжкое» носит оценочный характер и в той или иной ситуации может рассматриваться по-разному³. Другие мнения ученых также сводятся к тому, что оценивать тяжкое оскорбление должен суд, исходя из объективных признаков самого оскорбления (степень тяжести

¹ Сидорова И.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010. С. 145.

² Омельченко С.С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 122.

³ Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2000. С. 133.

и глубина оскорбления) и субъективных свойств лица, в отношении которого оно производится (индивидуальные особенности личности)¹.

Действительно, каждый человек уникален в своем роде. Это выражается в его личных качествах, заложенных при рождении, условиях воспитания в детстве, нравственных взглядах и психологическом состоянии в целом. Исходя из этого, полагаем: для того, чтобы тяжкое оскорбление действительно отвечало требованиям, реально провоцирующим виновного, должны быть четко определены признаки такого оскорбления, что позволило бы свести к минимуму оценочный характер этого действия.

При этом судебная практика также не дает возможности сделать вывод о том, что же такое тяжкое оскорбление, так как в большинстве случаев не раскрывает особенности данного провоцирующего признака.

Из материалов обзора судебной практики: «в результате физического насилия и оскорблений, допущенных Я., у ее мужа внезапно возникло состояние сильного душевного волнения...»², «В., обостренно воспринимая оскорбления со стороны ФИО, считал их унижающими его достоинство, с учётом того, что их слышали окружающие...»³, «Е.Н., действуя аморально, оскорбляла Т, критиковала ее, что спровоцировало у последней состояние аффекта»⁴.

Как можно заметить, только в одном случае суд указал на отношение потерпевшего к высказанному в его адрес оскорблению, в остальных случаях оскорбления, которые признавались судом провоцирующими аффект, не

¹ Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М. Юрид. лит., 1961. С.191; Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 118; Тишкевич С.И. Квалификация преступлений против жизни. Мн., 1991. С. 66; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В.В. Малиновский; науч. ред. А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2011. С. 329 (автор комментария к статье – К.М. Кожевников).

² Приговор Тагилстроевского районного суда г. Нижний Тагил от 18.10.2018 по делу № 1-525/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nAuDkQRKDr1d/> (дата обращения: 15.07.2019).

³ Приговор Тихвинского городского суда Ленинградской области от 27.09.2018 по делу № 1-1/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PZsqpvrtjDDmT/> (дата обращения: 15.07.2019).

⁴ Приговор Заволжского районного суда Ульяновской области от 18.09.2018 по делу № 1-289/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tUz1K7iDMdml/> (дата обращения: 15.07.2019).

определялись как тяжкие, не раскрывались по своей форме и содержанию, не подчеркивалось, в чем конкретно они выражались, что говорит об основной и очень важной проблеме - сложности градации простого оскорбления и оскорбления тяжкого, определения грани между ними на практике. А так как суды в любом случае учитывают оскорбление при провокации душевного волнения, применяя только другое основание возникновения аффекта (иные противоправные и аморальные действия (бездействия)), то будет целесообразным тяжкое оскорбление как оценочное понятие исключить из оснований возникновения аффекта.

Иные противоправные или аморальные действия (бездействия) со стороны потерпевшего лица.

Говоря о противоправном поведении, традиционно мы подразумеваем совершение правонарушения, которое является общественно опасным и влечет юридическую ответственность¹. Применительно к ст. 107 и ст. 113 УК, как отмечает Н.А. Лопашенко, для основания возникновения аффекта, противоправное поведение должно интерпретироваться шире обычного, включая совершение не только правонарушения, но и любого рода преступления, которое будет затрагивать интересы виновного².

Анализ судебной практики демонстрирует нам достаточно широкий круг действий, которые могут быть отнесены к противоправным. Так, Мамонтовским районным судом Алтайского края по ч. 1 ст. 107 УК была осуждена Останина. Убийство в состоянии аффекта произошло при следующих обстоятельствах. ФИО и его мать Останина проживали в одном доме. ФИО, злоупотребляя спиртными напитками, постоянного места работы не имел. Дома он систематически высказывал угрозы физической расправы в адрес матери, ссорился с ней, скандалил, причинял ей телесные повреждения, оскорблял, унижал ее честь и достоинство, требовал деньги на приобретение спиртных напитков. В очередной раз, находясь дома в состоянии алкогольного опьянения, ФИО стал оскорблять мать, а потом и причинять ей телесные

¹ Прусаков А.Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 54.

² Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 582.

повреждения. В результате вышеописанных противоправных действий у Останиной развился кумулятивный (накопительный) аффект. Она, действуя умышленно, взяла лежащий на диване нож и нанесла ФИО множественные удары в область головы, шеи, туловища, чем причинила последнему смерть¹.

Указанный пример свидетельствует о том, что противоправные действия не обязательно должны быть преступными, хотя и могут быть таковыми, главное, они должны нарушать основные права и интересы виновного или его близких лиц. Они, как правило, совершаются вместе с действиями, подпадающими под другие основания аффекта, но в целом характеризуются как противоправные.

Полагаем, что для того, чтобы более четко понимать, какие действия (бездействия) могут быть противоправными, необходимо отграничить их от других оснований аффекта (например, от насилия, тяжкого оскорбления и др.), сформулировав определение противоправных действий (бездействия) как активного или пассивного поведения лица, явно нарушающего нормы действующего законодательства РФ.

Что же касается аморальных действий (бездействий) со стороны потерпевшего, то, анализируя это понятие применительно к преступлениям, совершаемым в состоянии аффекта, считаем, что сюда относятся деяния, не советуемые нормам морали и нравственности. Но как определить и найти грань между моральным и аморальным, нравственным и безнравственным?

Аморальным, как пишет В.Н. Перекрестов, будет являться поведение, которое нарушает жизненные устои, сложившиеся исторически, а также взгляды, принципы и основанные на них нормы поведения, которые определяют отношения людей между собой, и отношения людей к обществу и государству в целом². Очень важно, замечает Р.Р. Тухбатуллин, что сегодня чрезвычайно сложно проанализировать поступок человека и дать такому

¹ Приговор Мамонтовского районного суда Алтайского края от 29.05.2018 по делу № 1-41/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Jh489JQez3N9/> (дата обращения: 17.07.2019).

² Перекрестов В.Н. Борьба с социально-негативным поведением как способ предупреждения преступности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 71.

поведению именно моральную оценку, так как моральные ценности достаточно часто подвергаются изменениям¹. Но, несмотря на этот постоянно изменяющийся процесс, незыблемыми аморальными оставались и остаются по сей день такие поступки, как обман, супружеская измена, предательство, клевета, лицемерие, злоупотребление спиртными напитками др. Примером аморального поведения со стороны потерпевшего лица может служить следующее уголовное дело.

Томерхонова А.П. около 9 часов вечера легла спать вместе со своим внуком. Примерно через час домой вернулся ее сын – Т., начал шумно себя вести, хлопая дверью холодильника и гремя посудой. Томерхонова А.П. проснулась, увидела своего сына выпившим и сделала ему замечание, на что получила очень резкий ответ на повышенном тоне. Т. начал высказываться нецензурными словами в адрес матери, а также в адрес своего покойного отчима, мужа матери, который несколько лет назад умер от рака. Эти слова очень сильно задели Томерхонову А.П., она вспомнила все случаи, когда сын приходил в состоянии алкогольного опьянения домой, оскорблял ее, требовал деньги, но больше всего в этот раз ее обидели слова в адрес покойного мужа. На фоне аморальных действий со стороны Т. Томерхонова А.П. взяла на кухне нож и ударила сына в область грудной клетки. Т. остался жив, так как рана была не глубокая. В ходе судебного разбирательства Т. сам признался, что своими аморальными действиями (нецензурной бранью, злоупотреблением спиртными напитками и др.) спровоцировал Томерхонову А.П. на совершение преступления в состоянии аффекта².

Указанные обстоятельства дают основание сделать вывод, что аморальное поведение выразилось в частом злоупотреблении спиртных напитков, грубости, высказывании нецензурных слов в адрес близких лиц.

Таким образом, аморальными должны быть признаны действия (бездействия), выраженные в акте человеческого поведения, явно противоречащие и не соответствующие провозглашенным в обществе и зафиксированным в общественном сознании нравственно-этическим и

¹ Тухбатуллин Р.Р. Умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 80.

² Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 12.04.2016 по делу № 1-1061/2015 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/34f0tJqqobmx/> (дата обращения: 17.07.2019).

общечеловеческим ценностям, в которых живет и действует субъект поведения.

На основании изложенного, укажем, что и противоправные, и аморальные действия (бездействия), по смыслу закона, вызывают аффект у потерпевшего лица. При этом они могут выступать как самостоятельными признаками, так и в совокупности друг с другом. Поэтому корректной видится постановка между двумя указанными в законе понятиями помимо союза «или», еще и союза «и», что будет указывать на возможность одновременного применения рассматриваемых признаков в составе.

Длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Под психотравмирующей ситуацией Н.А. Лопашенко понимает ситуацию, которая негативно воздействует на психику человека и приводит его к необдуманным поступкам, - ситуации постоянного нервного напряжения, стресса, отчаяния, ощущения собственной ненужности или малой значимости¹. Психолог П.А. Иванов определяет длительную психотравмирующую ситуацию как ситуацию, которая была обусловлена ростом эмоциональной напряженности². С точки зрения медицины, С.В. Балашова к признакам психотравмирующей ситуации относит тревожно-фобическое, депрессивное, ипохондрическое, астеническое, кризисное и экзистенциальное состояние лица³.

Исходя из вышеизложенных позиций, нам представляется, что психотравмирующая ситуация всегда связана с двумя признаками – медицинским и психологическим. По данным исследований различных

¹ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 585.

² Иванов П.А. Стратегии совладания со стрессом у лиц, совершивших агрессивные преступления в условиях длительной психотравмирующей ситуации: дис. ... канд. псих. наук. М., 2010. С. 55.

³ Балашова С.В. Зависимость психопатологических и патопсихологических проявлений соматоформных расстройств от типа психотравмирующих переживаний личности: дис. ... канд. мед. наук. Оренбург, 2007. С. 7.

авторов, значительная роль в возникновении функциональных заболеваний принадлежит хроническим воздействиям психотравмирующих факторов служебного, семейно-бытового и социального характера¹. А результаты того, как лицо перерабатывает личностно-значимые психотравмирующие раздражители, проявляются в том, что начинают формироваться специфические типы, так называемых, психологических конфликтов, которые отражаются, прежде всего, на основном проявлении жизнедеятельности человека – его целостном поведении².

В ст. 107 УК психотравмирующая ситуация учитывается как признак - привилегия только в том случае, если она была вызвана противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Кроме того, эти действия должны носить систематический характер, то есть должны быть совершены не менее трех раз. Понятие противоправного или аморального поведения было определено нами ранее. Таким образом, по смыслу закона, аффективное состояние у виновного должно возникнуть при условии психотравмирующей ситуации, которая должна быть вызвана исключительно указанными в законе признаками, и эти признаки должны носить противоправный и (или) аморальный характер.

В свою очередь, под психотравмирующей ситуацией, полагаем, следует понимать постепенно нарастающую психологическую реакцию отчаяния, депрессии, безволия, и др., перерастающую в сильный взрыв отрицательных эмоций, при которых лицо совершает преступление. Такое особенное состояние лица, при котором оно не утрачивает вменяемости, характеризуется потерей контроля над своим поведением в силу снижения уровня волевых процессов.

Таким образом, аффект обоснованно смягчает ответственность только тогда, когда провоцирующие действия на практике будут соответствовать перечисленным в законе причинам возникновения аффекта. В свою очередь,

¹ Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981. С. 392.

² Березин Ф.Б. Методика многостороннего исследования личности: структура, основы интерпретации, некоторые области применения. М., 1994. С. 174.

провоцирующие действия должны быть сформулированы законодателем четко, без многозначности и двусмысленности, должны часто встречаться на практике (быть типичными) и быть значимыми для спровоцированного лица настолько, что смогли бы вызвать у него состояние аффекта. На основании изложенного, определим признаки - привилегии, которые должны быть отражены в диспозиции ст. 107, 113 УК как провоцирующие аффект действия: насилие и (или) угроза его применения, противоправные и (или) аморальные действия (бездействие) со стороны потерпевшего лица, длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным и (или) аморальным поведением потерпевшего.

Указанные обстоятельства имеют принципиальное значение для привилегизации преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, так как они влияют на квалификацию и изменяют уголовно-правовую оценку в сторону ее смягчения. Кроме того, при анализе ст. 107 УК возникает еще один вопрос – по поводу квалифицирующего признака привилегированного состава.

С.П. Донец акцентирует внимание на конструкции ч. 2 ст. 107 УК, что, по его словам, иначе как казусом назвать нельзя¹. Несправедливость такого квалифицирующего признака, как убийство двух или более лиц в состоянии аффекта, отмечает и Н.А. Лопашенко. Она считает, что от него следовало бы отказаться². Нам близка позиция указанных авторов. Видится нецелесообразным сохранение подобного квалифицирующего признака в привилегированном составе преступления. Непродуманность и сложность применения нормы об убийстве двух или более лиц в состоянии аффекта порождает определенные трудности. Это касается, прежде всего, вопроса возникновения аффекта в связи с действиями каждого из потерпевших.

¹ Донец С.П. Квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 20.

² Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 590.

Как отмечают многие авторы, ч. 2 ст. 107 УК не содержит перечня действий, в результате которых должно возникнуть сильное душевное волнение¹. Полагаем, что законодатель презюмирует это положение для ч. 2 ст. 107 УК, однако эта неточность законодателя порождает достаточно много споров как в теории, так и на практике.

Немало случаев, когда суд квалифицирует действия по ч. 2 ст. 107 УК без учета сведений о провокации со стороны второго потерпевшего.

Так, в марте 2014 г. на почве личных неприязненных отношений С.М.В. избил Басхамжалиева В.М. и причинил имущественный ущерб его автомобилю. У Басхамжалиева В.М. такое поведение вызвало сильную негативную реакцию, которая выразилась в ярости, злости, гневе. 4 августа 2014 г. между мужчинами произошла случайная встреча, в результате которой С.М.В. стал оскорблять, унижать честь и достоинство Басхамжалиева В.М. Последний ушел, но позже вернулся к тому месту, где находился С.М.В., и изъявил желание поговорить с ним наедине, однако получил отказ. Басхамжалиев В.М. воспринял отказ как тяжкое оскорбление, что спровоцировало у него состояние аффекта.

Увидев, что С.М.В. вместе с друзьями садится в машину, он дождался момента, когда они будут проезжать на машине мимо него, и в этот момент произвел восемь выстрелов по автомобилю, потом еще пять выстрелов, догнав автомобиль на своей машине. В результате совершенных действий С.М.В. скончался от огнестрельных ранений, а его друг, сидевший вместе с ним в машине, получил повреждения в виде огнестрельных ран плеча и предплечья справа. Суд квалифицировал действия Басхамжалиева В.М. по совокупности ч. 1 ст. 107 УК, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 107 УК².

Анализируя, прежде всего можно заметить, что провоцирующие действия в виде применения насилия и тяжкого оскорбления были совершены только со стороны одного лица – С.М.В. Именно его поведение вызвало у виновного ярость, гнев, обиду, что впоследствии переросло в состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения. Остальные участники ситуации не оказывали никакого негативного воздействия на

¹ Чугунов А.А. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 106.

² Апелляционное постановление Верховного суда Республики Калмыкия от 02.09.2015 по делу № 22-385/2015 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Crcqq3APAi1T/> (дата обращения: 13.08.2019).

Басхамжалиева В.М. Несмотря на это, суд усмотрел в действиях виновного лица признаки покушения на убийство двух или более лиц в состоянии аффекта, что противоречит принципу справедливости, так как при отсутствии смягчающих обстоятельств (то есть провокации со стороны всех лиц), уголовная ответственность лица в таких случаях должна значительно увеличиваться. Кроме того, следует обратить внимание, что не получил оценки осознанный характер действий виновного, на которые оказывают следующие обстоятельства: «он дождался момента, когда они будут проезжать на машине мимо него, и в этот момент произвел восемь выстрелов по автомобилю, потом еще пять выстрелов, догнав автомобиль на своей машине». Действия носят скорее осознанный, чем вспыльчивый характер. Исходя из этого, считаем, что указанное общественно опасное деяние необходимо было квалифицировать без учета признаков ч. 2 ст. 107 УК.

Полагаем, что ч. 2 должна быть исключена из конструкции ст. 107 УК для устранения вопросов, связанных с необоснованным применением соответствующей нормы (когда не все убитые отвечают признакам потерпевшего по ч.1 ст. 107 УК ¹), что логически вытекает из некорректной формулировки квалифицирующего признака в самом законе.

Но при исключении ч. 2 ст. 107 УК РФ необходимо учитывать ситуации, при которых может происходить убийство двух и более лиц, непосредственно спровоцировавших виновное лицо. При данных обстоятельствах вполне возможно воспользоваться правилом квалификации при совокупности двух самостоятельных преступлений по ч.1 ст. 107 УК РФ.

Подводя итог, следует отметить, что строение норм ст. 107 и ст. 113 УК РФ демонстрирует обоснованное снижение пределов уголовной ответственности только в том случае, когда аффект был спровоцирован отрицательным поведением потерпевшего лица. То есть дифференциация

¹ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 587.

уголовной ответственности лиц, которые совершили преступление, оправдана только при наличии провокации жертвы.

Таким образом, основанием смягчения уголовной ответственности за убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта является совокупность двух взаимообусловленных и объективно влияющих на поведение субъекта факторов, которые можно классифицировать на внешний и внутренний, где:

- внешний фактор – это виктимное поведение жертвы, выраженное в альтернативных провоцирующих субъект преступления действиях (бездействиях), законодательно закрепленных в диспозициях норм ст.107 и ст. 113 УК и, главным образом, направленных на активизацию ответной психической реакции, находящее свое отражение во внутреннем эмоциональном состоянии лица, совершившего преступление;

- внутренний фактор – аффектированное, резко возникающее и стремительно утихающее, отклоненное от нормы психическое состояние лица, выраженное в сильной эмоции, ограничивающее восприятие происходящего, стимулирующее человека к действию, которому в обязательном порядке предшествует внешний фактор.

Исходя из этого, предлагается внести изменения в диспозицию ст. 107 УК РФ и сформулировать ее в следующей редакции:

Ст. 107 УК РФ. Убийство, совершенное в состоянии аффекта

Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием и (или) угрозой его применения, противоправными и (или) аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным и (или) аморальным поведением потерпевшего.

Аналогичные изменения необходимо применить и к ст. 113 УК.

3. Убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 2 ст. 114 УК РФ)

Дифференцируя уголовную ответственность, законодатель выделяет еще несколько разновидностей привилегированных составов преступлений – убийство при превышении пределов необходимой обороны и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, а также причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью при аналогичных признаках. Так как в современной уголовно-правовой науке практически нет сомнений по поводу правильности выделения этих составов в качестве привилегированных, и наша основная задача заключается в том, чтобы доказать, что это действительно так, то сразу оговоримся, что обосновывать указанное положение мы будем на примере привилегированных составов убийства, то есть ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК.

В ст. 108 УК законодателем закреплено два самостоятельных состава убийства, которые обладают характером и степенью общественной опасности, но в отличие от основного состава убийства (ч. 1 ст. 105 УК) пониженной, в силу наличия обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность (по ч. 1 ст. 108 УК – необходимой обороны, по ч. 2 ст. 108 УК – причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление).

Юридическая природа обстоятельств, исключающих преступность деяния, заключается в возможности не признавать деяние преступным, несмотря на причинение вреда охраняемым уголовным законодательством интересам и, как следствие, в способности отграничивать преступное деяние от непроступного и влиять на снижение уголовной ответственности при условии выхода за границы правомерного поведения.

Нам важно понять, почему обстоятельства, исключающие преступность деяния, при их наличии в привилегированном составе преступления играют важную роль – изменять степень общественной

опасности преступления и, таким образом, влиять на уголовную ответственность.

Направленность курса уголовно-правовой политики на более индивидуализированный и дифференцированный подход к оценке деяния, причиняющего вред охраняемым интересам, породило необходимость более тщательного и глубокого изучения обстоятельств, исключающих преступность деяния, в том числе и необходимой обороны.

Ю.В. Баулин пишет: разница между обстоятельствами, исключающими преступность деяния, заключается не в правовой природе последних (как мы выясняли, она у них одинаковая), а в самих условиях причинения вреда¹, этим они и отличаются.

Так как понятие необходимой обороны существует в уголовном законодательстве, в том числе и зарубежном, более сотни лет, то и само оно имеет множество интерпретаций. Такие ученые-юристы, как Г. Гейб, А. Бернер, Ж. Ортолан описывали необходимую оборону с точки зрения права употребить самозащиту, которая будет нарушать право нападающего; как дозволенное и наказуемое действие против нападающего для отражения несправедливого нападения; как защиту против неправомерного нападения². Зарубежные ученые были едины в одном: необходимая оборона является вынужденной защитой от неправомерного нападения.

Отечественные представители доктрины уголовного права также прибегали к определению этого понятия. Так, Н.С. Таганцев необходимую оборону анализировал как непреступное причинение вреда правоохраняемым интересам лица, нападающего на нас или на других лиц³. В.И. Ткаченко писал о необходимой обороне как об общественно полезном действии, которое является одним из способов борьбы с преступностью и защиты прав

¹ Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 46.

² Кони А.Ф. О праве необходимой обороны: монография. М.: Остожье, 1996. С. 20.

³ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т 1. Изд. 2-е, пересм. и доп. СПб., 1902. С. 195.

человека¹. Э.Ф. Побегайло похожим образом описывает необходимую оборону и представляет ее в качестве правомерной защиты от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему лицу². В.Н. Козак в своем определении необходимой обороны, как представляется, охватывал наибольшее количество признаков данного состояния и характеризовал ее как действие, не являющееся преступным, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в целях защиты интересов и прав личности обороняющегося или другого лица от общественно опасного наличного посягательства путем причинения посягающему необходимого для отражения этого нападения вреда³. Таким образом, многие ученые в своих трудах обращались к понятию необходимой обороны, пытаясь отразить в этом определении главное - саму сущность, выражающуюся в допустимости причинения вреда в результате обороны и признание такого поведения не преступным.

На сегодняшний момент в современном уголовном законе под необходимой обороной, исходя из ст. 37 УК, понимается правомерное причинение вреда при защите интересов личности, охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасного посягательства. Как указывает В.А. Блинников, институт необходимой обороны представляет собой своеобразную границу защиты прав граждан⁴. Действительно, необходимая оборона – это, во-первых, оборона, которая предполагает нарушение прав нападающей стороны, а, во-вторых, это оборона, которая возникает, как реакция на внешний раздражитель, являющаяся необходимой (вынужденной), когда человек поставлен в такие условия, которые вызывают необходимость защищать кого-то или защищаться самому.

¹ Ткаченко В. Необходимая оборона // Законность. 1997. № 3. С. 28.

² Побегайло Э.Ф. О юридической сущности действий, направленных к задержанию преступника // Вопросы укрепления социалистической законности и правопорядка. Воронеж, 1970. С. 57.

³ Козак В.Н. Право на необходимую оборону. Саратов. 1972. С. 21.

⁴ Блинников В.А. Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Новгород, 2002. С. 103.

Рассматривая понятие необходимой обороны, нельзя не учитывать, что необходимая оборона, в случаях ее эксцесса, неразрывно связана с преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 108 УК. А.Ф. Истомин пишет, любое уголовно-наказуемое деяние есть ни что иное, как процесс развития определенной криминальной ситуации. И далее продолжает: «применительно к привилегированному составу убийства при превышении пределов необходимой обороны, эта ситуация всегда развивается по одному, не изменяющемуся сценарию: общественно опасное посягательство нападающего → возникновение на стороне обороняющегося права на необходимую оборону → реализация им этого права, но при совершении чрезмерных, не соответствующих опасности действий, обуславливающих превышение правомерных и вынужденных защитительных мер → конечный итог → смерть нападавшего»¹. Указанная схема демонстрирует нам главное: общественно опасное последствие напрямую зависит и является производным от первоначальных действий лица, кому и причиняется этот вред. *Если бы не было посягательства, не было бы и оборонительных мер.* Почти все авторы, которые рассматривали институт необходимой обороны и конкретные составы Особенной части с включенными в них обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, приходят к мнению о том, что посягательство имеет важное юридическое значение, провоцируя и порождая необходимость ответных действий, которые связаны с причинением вреда интересам посягающего лица².

Провокация – это действие или ряд действий с целью вызвать ответное действие/бездействие провоцируемого (ых) с целью создания, таким образом,

¹ Истомин А.Ф. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 58.

² Ключев А.А. Практика применения судами Российской Федерации положений об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 23.

тяжелых обстоятельств или последствий для провоцируемого (ых)¹. Из указанного понятия следует, что потерпевший, или – по-другому – жертва преступления, своими собственными действиями способствует причинению себе вреда. Провокация тесным образом связана с таким понятием, как виктимное поведение, которое выражается в способности лица стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления². Полагаем, эти понятия очень похожи между собой, определяя главное – провоцирующее лицо, совершая противоправные действия, которые выражаются в поведенческом отклонении от норм индивидуальной и социальной безопасности³, в результате становится жертвой, что приводит к ущербу для его физического и психического здоровья. Именно такая картина (провокации и виктимного поведения) и наблюдается в рассматриваемом нами привилегированном составе убийства при превышении пределов необходимой обороны, когда происходит неправомерное, незаконное, несправедливое нападение, и обороняющееся лицо сталкивается с такими условиями, при которых у него появляется основание для осуществления необходимой обороны и возникает право на причинение вреда. Следующее уголовное дело наглядно демонстрирует наличие провоцирующих действий со стороны потерпевшего лица.

Так, по приговору районного суда Республики Хакасия, Сомов И.А. был осужден за совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны при следующих обстоятельствах. Между Сомовым И.А. и его знакомым ФИО, которые находились в квартире в состоянии алкогольного опьянения, произошла ссора. Конфликт возник на почве личных неприязненных отношений, которые сложились в результате спровоцированной ФИО драки, имевшей место год назад. Вспомнив события того дня, ФИО начал вести себя агрессивно по отношению к Сомову И.А.: приискав на кухонном столе нож, произвел в непосредственной близости от лица Сомова И.А. размахивающее

¹ Академик [Электронный ресурс]. URL: <https://biograf.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1583971/biograf.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/158351> (дата обращения: 17.11.2019).

² Андронникова О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: дис. ... канд. псих. наук. Новосибирск, 2005. С. 16.

³ Туляков В.А. Общая характеристика виктимологической политики в современных условиях. Одесса. 2000. С. 67.

движение рукой, в которой держал нож. Сомов И.А. как мог, отталкивал ФИО от себя, хватая его руками за одежду. В результате этих действий Сомов И.А. смог отобрать нож у ФИО. Но при этом Сомову И.А. уже было причинено телесное повреждение. ФИО, продолжая проявлять агрессию, нанес Сомову И.А. пять ударов рукой в область головы, туловища и конечностей. Не прекращая наступательных действий, ФИО повалил Сомова И.А. на диван, пытаясь снова нанести ему удары в область лица.

После многочисленных побоев, при помощи ранее отобранного ножа, Сомов И.А. нанес ФИО один удар в область шеи и один удар в щечную область слева. В результате действий Сомова И.А., ФИО скончался от причиненных ему телесных повреждений¹. Исходя из рассмотренного нами уголовного дела, можно сделать вывод, что действия посягающего обуславливают вред, который ему причиняет обороняющийся.

Таким образом, правильно указывает Н.Е. Алёнкин, что пониженную ответственность за убийство, предусмотренное ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК, законодатель связывает с виктимным, а именно с противоправным или аморальным поведением потерпевшего². Полностью соглашаясь с позицией автора, считаем, что одним из оснований отнесения законодателем рассматриваемого состава преступления к категории привилегированных является наличие факта посягательства, как отрицательного, провоцирующего и иницирующего условия возникновения права на необходимую оборону, и причинение вреда нападающему.

Первое основание привилегизации анализируемого состава преступления порождает возникновение второго. Указанная нами выше схема совершаемого преступления показывает, что общественно опасное посягательство нападающего приводит к возникновению права на необходимую оборону, и уже реализуя это право, лицо совершает преступление, если превышает пределы необходимой обороны.

¹ Приговор Орджоникидзевского районного суда Республики Хакасия от 09.11.2017 по делу № 1-27/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id> (дата обращения: 22.01.2020).

² Алёнкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 45.

Самосохранение – это чувство, которое присуще человеку от самого рождения. Это чувство вложено человеку природой, и оно настолько в нем сильно выражено, что, как писал А.Ф. Кони, с одной стороны, проявляется в человеке инстинктивно, а с другой – при осознании своего права на существование¹. Таким образом, чтобы избежать какой-либо внешней и грозящей ему опасности, человек начинает предпринимать все возможные и невозможные меры к сохранению своей жизни и своего здоровья. И, как опять же совершенно верно отмечал А.Ф. Кони, сознавая свое право на существование, человек ограждает это право от всякого чуждого посягательства, от всякого неправа².

Конституция Российской Федерации в ст. 45 определяет одно очень важное положение – каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом³. Так, неотъемлемое, естественное право человека на защиту как своих, так и других правоохраняемых интересов выступает в качестве неразрывной составной части конституционного правового статуса личности. И демонстрируя это субъективное право, принимая во внимание реализацию действий, направленных на необходимую оборону, Э.Ф. Побегайло и В.П. Ревин пишут, что необходимая оборона является самостоятельным по своей природе правом граждан, порожденным фактом общественно опасного посягательства⁴.

Исходя из этого, полагаем, что право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств, как естественное, вытекающее из самой природы человека, позволяет более четко понять причины действия законодателя по отнесению убийства при превышении пределов необходимой обороны к числу привилегированных составов преступлений.

¹ Кони А.Ф. О праве необходимой обороны: монография. М.: Остожье, 1996. С. 7.

² Там же. С. 7.

³ Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С 344.

⁴ Побегайло Э.Ф. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. М., 1987. С. 36.

Таким образом, вторым основанием смягчения ответственности можно считать право, дарованное каждому на защиту своих интересов и интересов других лиц в рамках необходимой обороны.

Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что основана на законе необходимости, а этот закон по самому своему существу вечен¹. Еще А. Богдановский писал, что состояние необходимой обороны есть такое положение лица, когда оно вынуждено, через принуждение, проявившееся в незаконном нападении другого лица, к собственной защите². Важность условия вынужденности подтверждается исследованием опубликованной судебной практики, которая отражает, что почти в каждом из изученных нами 63 уголовных дел указываются обстоятельства, которые вынуждали обороняться от нападавшего на них потерпевшего лица.

Так, к примеру, между ФИО2, ФИО3 и Симоновой Н.А. возникла ссора, в ходе которой ФИО2 произвёл в отношении ФИО3 не менее трех ударов руками в область головы и тела, от которых ФИО3 испытала сильную физическую боль. После этого ФИО2 начал совершать нападение на Симонову Н.А., нанося ей удары в область челюсти, в результате которых последняя упала на пол. Однако агрессивные действия ФИО2 не прекратил и продолжал причинять Симоновой Н.А. телесные повреждения, посредством ударов ногами в правое бедро, левый коленный сустав, голень и правое предплечье.

Прекратив избиение Симоновой Н.А., ФИО2 направился к ФИО3. При этом Симонова Н.А. понимала, что никто не сможет защитить ее и ФИО3 от противоправного поведения ФИО2. В связи с чем, Симонова Н.А. была вынуждена оказать активное сопротивление совершающемуся в отношении нее и ФИО3 нападению, выбрав при этом способ, выходящий за пределы необходимой обороны, а именно совершив кухонным ножом один удар в грудную клетку, причинив ФИО2 смерть. Из показаний Симоновой Н.А. следует – все, чего она хотела добиться, это остановить преступные действия ФИО2, направленные на нее и на ФИО3³.

¹ Кони А.Ф. О праве необходимой обороны: монография. М.: Остожье, 1996. С. 1.

² Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра великого. М.: Типография Катков и К^о, 1857. С. 87.

³ Приговор Ленинского районного суда г. Мурманска от 04.09.2019 по делу № 1-166/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=3_ (дата обращения: 22.01.2020).

Таким образом, действия нападавшего лица свидетельствуют о невозможности обороняющегося избежать необходимой обороны. Объясняя непреступность обстоятельств, исключая преступность деяния, С.В. Пархоменко обосновывает это необходимостью, вынужденностью совершения подобных действий¹. Подобной позиции придерживается и Н.В. Стус, называя фактическим основанием правомерности причинения вреда при необходимой обороне «необходимость немедленного причинения вреда посягающему»². Соглашаясь с мнениями авторов, можно подытожить, что третьим основанием, влияющим на снижение уголовной ответственности за преступления при превышении пределов необходимой обороны, необходимо признать то, что действия при необходимой обороне, которые, казалось бы, должны подвергаться осуждению, оцениваются, как социально-полезные, направленные на защиту важнейших благ от общественно опасных посягательств и в рамках условий, непосредственно закрепленных в законе, являются оправданными, допустимыми и, главное, вынужденными.

Так, конструирование привилегированного состава убийства при превышении пределов необходимой обороны, выраженного в установлении резко пониженного порога тяжести уголовной ответственности и наказания по сравнению с другими видами убийств, обосновывается тремя главными причинами: наличием факта посягательства, как отрицательного, провоцирующего и иницирующего условия возникновения права на необходимую оборону и причинения вреда нападающему, правом, дарованным каждому на защиту своих интересов и интересов других лиц в рамках необходимой обороны, вынужденностью мер при защите обороняющегося лица от противоправного посягательства.

¹ Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 100.

² Стус Н.В. Юридическая природа нормы о необходимой обороне // Общество и право. 2011. № 4. С. 179.

4. Убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 114 УК РФ)

Продолжая анализировать привилегированный состав преступления, отметим, что ч. 2 ст. 108 УК содержит признаки убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В основу рассматриваемого состава, также как и в ч. 1 ст. 108 УК, включено обстоятельство, исключающее преступность деяния, в законе отраженное, как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК). Аналогично с ч. 1 ст. 108 УК, причины смягчения уголовной ответственности по ч. 2 ст. 108 УК будут рассматриваться и применительно к ч. 2 ст. 114 УК.

Норма, регламентирующая причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, является достаточно новой в отечественном уголовном законодательстве, так как она впервые была закреплена только в УК РФ 1996 г.¹. Именно поэтому задержание лица, совершившего преступление, в теории российского уголовного права не всегда считалось отдельным и в полной мере автономным институтом. Об этом в своих работах упоминают многие ученые. В.Е. Пономарь замечает, что в 60-70 гг. вопрос о самостоятельности института задержания преступника был неоднозначным и весьма спорным². Сомнения о возможности относительно обособить действия, направленные на задержание лица, совершившего преступление, от других обстоятельств, исключающих преступность деяния,

¹ На основании постановления Пленума ВС СССР от 04.12.1969 № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» ранее случаи задержания лица, совершившего преступление, судами рассматривались как совершенные в состоянии необходимой обороны. См.: Щелконогова Е.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 129.

² Пономарь В.Е. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 48.

высказывал и В.Ф. Кириченко¹. С.В. Бородин, уточняя, писал об этом обстоятельстве как о разновидности необходимой обороны, так как оба этих условия, по его мнению, были схожи по своим правовым последствиям².

Очевидно, что причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, выделялось как независимое, полноценное обстоятельство, исключающее преступность деяния, не всегда. По сути, в основе таких позиций, на наш взгляд, лежало главное – рассмотрение этого обстоятельства как части по отношению к целому, где часть – это причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, а целое – другие обстоятельства, исключающие преступность деяния, к которым приравнивалось задержание преступника.

Изменения, произошедшие в уголовном законодательстве после вступления в силу нового уголовного закона, позволили иметь существенное значение для решения вопроса предупреждения преступлений не только институту необходимой обороны, но и, совершенно обоснованно, институту причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, посредством включения его в перечень обстоятельств, содержащихся в 8 главе УК РФ.

Исходя из этого, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, имеет свои особенности, признаки, отличные от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые позволяют его обособить, а также признать его самостоятельным.

В современной юридической литературе имеются различные подходы к определению содержания понятия, закрепленного в ст. 38 УК, и его характерных признаков.

И.А. Королева определяет задержание лица, уже совершившего преступление, как средство осуществления правосудия и предотвращения

¹ Кириченко В.Ф. Необходимая оборона и задержание преступника // Советская милиция. 1966. № 11. С. 17.

² Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966. С. 159-161.

новых преступных действий¹. С.А. Якунина под задержанием лица понимает кратковременное лишение свободы лица, совершившего преступление, путем законного причинения ему вреда в целях его передачи органам власти и пресечения совершения им потенциальных преступлений². Другие авторы в своих исследованиях, посвящённых анализу этого обстоятельства, не давая четкого определения, описывают и делают акцент и на ценностную окраску действий задерживаемого лица, так как происходит осознанная борьба с преступностью, что является благом для общества³, и на цели, которые преследуются при задержании преступника⁴, и на конечный (юридический) результат в виде исключения уголовной ответственности за причиненный вред⁵.

Анализ мнений авторов показывает, что в основном в понятие обстоятельства задержания лица, совершившего преступление, вкладывается одна, очень важная особенность – лицо причиняет вред для того, чтобы поймать преступника (человека, который не просто совершил противоправное деяние, но преступление), тем самым способствует предупреждению совершения им новых преступлений. Почти также специфика этого обстоятельства отражается и в самом законодательном определении. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 38 УК, «не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности

¹ Королева И.А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 87.

² Якунина С.А. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 65.

³ Бушуев Г.В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании. Горький, 1976. С. 16.

⁴ См., например: Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 2009. С. 26; Смирнова Л.Н. Теория и практика задержания лица, совершившего преступление, с причинением ему вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 10.

⁵ Савинов А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 15.

совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер».

Исходя из этого понятия, в науке уголовного права принято выделять условия правомерности причинения вреда. И точно также как и при необходимой обороне, но применительно к специфике обстоятельства, они делятся на два вида: относящиеся к задержанию и относящиеся к самому факту причинения вреда. Анализ этих условий имеет значение для установления или исключения противоположного явления соразмерности – превышения мер, обусловленных данным институтом. Несмотря на то, что наша задача, конечно, не состоит в рассмотрении всех этих условий, следует отметить, что некоторые из них нам будут крайне необходимы как раз для того, чтобы понять, почему же снижается ответственность при совершении действий, превышающих меры, необходимые для задержания лица, совершившего преступление, указанных в ч. 2 ст. 108 УК.

С.М. Старых делает недвусмысленный вывод: «Исследуемый состав преступления (ч. 2 ст. 108 УК) совершенно оправданно относится к деяниям с привилегированным составом»¹ и, видимо, далее аргументируя свою позицию, пишет, что «условия, при которых убегающий преступник лишается жизни, нельзя сравнить с теми, при которых совершается простое или квалифицированное убийство»².

Полагаем, что эти условия, относящие убийство, совершенное при задержании лица, совершившего преступление, к разряду привилегированных, должны выглядеть следующим образом: факт совершения преступления лицом, уклоняющимся от задержания; цели задержания, которые направлены на доставление органам власти и пресечение возможности совершения новых преступлений; вынужденность

¹ Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 94.

² Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 98.

действий, которые выражаются в одном случае – обязанностью соответствующих категорий должностных лиц осуществлять задержание, в другом случае – правом (долгом) любого лица, независимо от должностного положения.

Факт совершения преступления лицом, уклоняющимся от задержания

Приговором Избербашского городского суда Республики Дагестан Рашидов Р.Т. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК. Суд установил, что около 11 часов утра ФИО начал совершать угон автомобиля, находившегося во дворе дома, который принадлежал Рашидову Т.В. После того, как ФИО завладел автомобилем, по одной из улиц он начал покидать город, чтобы скрыться. Увидев преступные действия ФИО, владелец автомобиля, с целью задержания, на такси начал преследование. После того, как ФИО на выезде из города остановился на красный сигнал светофора, Рашидов Т.В. его догнал и стал требовать от ФИО выйти из автомобиля, вытягивая его с сиденья. Однако ФИО, упираясь и отказываясь выходить, стал предпринимать меры к сокрытию, пытаясь уехать. В результате этих действий между Рашидовым Т.В. и ФИО возникла драка, в процессе которой владелец автомобиля стал наносить преступнику удары по рукам и голове тупым твердым предметом. Вытащив ключ из замка зажигания и убедившись, что преступные действия предотвращены, Рашидов Т.В. кинул ФИО лицом на асфальт.

В результате нанесенного удара тупым предметом по голове, Рашидов Т.В. причинил ФИО вред, не совместимый с жизнью, превысив, тем самым, меры, необходимые для задержания лица, совершившего преступление, отчего последний скончался на месте¹.

Этот пример свидетельствует, о том, что вред причиняется в связи с двумя условиями: а) потерпевший совершил преступление и б) он предпринимал попытки скрыться от лица, которое его задерживало.

С.В. Пархоменко, комментируя условия правомерности данного обстоятельства, пишет, «закон оправдывает причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, при наличии реальной

¹ Приговор Избербашского городского суда Республики Дагестан от 28.03.2016 г. по делу № 1-27/2016 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>(дата обращения: 30.01.2020).

опасности уклонения задерживаемого от уголовной ответственности, что может выразиться в попытках скрыться, оказать сопротивление, не выполнить требования задерживающего лица», - но при этом добавляет: «в случае, если при этом не было допущено превышения мер, необходимых для его задержания»¹. Суть приведенной формулировки сводится к тому, что если бы лицо в рассматриваемых условиях не превысило бы меры по задержанию преступника, то его действия по российскому уголовному законодательству оценивались бы как вполне законные и исключали бы уголовную ответственность.

Таким образом, презюмируем, факт совершения преступления уклоняющимся от задержания лицом, которому причиняется вред, в итоге приводящий к таким негативным последствиям, как смерть человека, является если не оправдывающим, то явно смягчающим уголовную ответственность обстоятельством, влияющим на определение рассматриваемого состава преступления как привилегированного.

Цели задержания, которые направлены на доставление органам власти лица, совершившего преступление, и пресечение возможности совершения им новых преступлений

Понятие цели, как отмечает Е.В. Щелконогова, имеет философское значение и при этом используется во всех областях знания. Именно поэтому в каждой отрасли науки указанная категория имеет свои характерные особенности, что подтверждает ее многоаспектную природу².

Если начать анализировать категорию цели в истории философской мысли, то мы увидим, что еще атомисты, которые пытались объяснить принципы развития мира, характеризовали понятие цели как то, ради чего происходит развитие³. Платон говорил: «истинность цели заключается в том,

¹ Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 264.

² Щелконогова Е.В. Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния: природа, система, квалификация: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 133.

³ Димитрова С.В. Цель и результат в социальной деятельности: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1999. С. 14.

что она подлинная «сущность» всех явлений»¹. Сократ же добавлял: «...при этом цель должна существовать в самом человеке, в его разуме»². Исходя из этого небольшого анализа, следует отметить, что изначально цель – это то, что определяет деятельность человека; она является центром, к которому движется человек. Цель играет приоритетную роль в жизни и носит индивидуализированный характер.

Если мы рассмотрим эту модель понятия цели относительно преступной деятельности, то становится понятным ее общепризнанное употребление в уголовном праве, раскрывающее ее с точки зрения предстоящего результата, характеризующегося направленностью в будущее³. Как писал Б.С. Волков, цель преступления – «идеально представляемый результат, к выполнению которого стремится лицо, реализуя общественно опасное деяние»⁴. Таким образом, с одной стороны, цели стимулируют субъекта к преступной деятельности, с другой стороны – их понимание даёт представление о самом субъекте и позволяет оценить степень его общественной опасности⁵.

В ст. 38 УК закреплены две цели преступления: доставление задержанного лица органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений. Несмотря на то, что в ч. 2 ст. 108 УК эти цели непосредственно не указаны, как совершенно точно, на наш взгляд, отмечает В.Е. Пономарь, причинение вреда лицу, совершившему преступление, нельзя рассматривать отдельно, вне цели задерживающего лица, конечного итога, который хочет достичь преступник (субъект по ч. 2 ст. 108 УК) в данном случае, так как без учета целей просто невозможно найти основания для

¹ Романенко И.Б. Образовательные парадигмы в истории философии: дис. ... д-ра философ. наук. СПб., 2003. С. 76.

² Голбан Н.В. Проблема бытия в древнегреческой философии: Парменид - софисты - Сократ - Платон: дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2008. С. 29.

³ Черепенников Р.В. Цели преступного деяния и их уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16.

⁴ Волков Б.С. Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1982. С. 56.

⁵ Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 44.

признания этих действий нравственно оправданными¹. Важно понимать, что причинение смерти – не есть цель, смерть причиняется вынужденно, в процессе общественно полезных действий².

Анализ целей по ст. 38 УК приводит многих авторов к справедливому выводу, что они играют важную роль для реализации принципа неотвратимости, или, по-другому, обеспечения неотвратимости ответственности³. Достигая эти цели, лицо осуществляет важную функцию – обеспечивает реализацию задач правосудия⁴, а также, не давая преступнику скрыться, нейтрализует его потенциальную опасность⁵. С.А. Якунина общественно полезное значение задержания видит в том, что лицо, которое осуществляет задержание, сознательно защищает интересы общества и, тем самым, выражает к ним свое ценностное отношение⁶. Н.Г. Кадников верно подчеркивает, «при задержании преступника осуществляется и общая превенция...»⁷.

Таким образом, подвергая рассмотрению цели задержания и определяя их социально-полезное свойство, невольно вспоминаются слова из кинофильма «Место встречи изменить нельзя»: «Ты убил человека. – Нет, я убил бандита». На основании изложенного, полагаем, что только сквозь призму целей задержания лица, совершившего преступление, можно понять, что, пресекая преступную деятельность, лицо обоснованно придает своим,

¹ Пономарь В.Е. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 56.

² Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 120.

³ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 10: Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 245 (автор главы – В.И. Михайлов).

⁴ Российское уголовное право. Общая часть: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: Проспект. 2006. С. 59 (автор главы – А.И. Рарог).

⁵ Плэмэдялэ И.Г. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 105.

⁶ Якунина С.А. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 62.

⁷ Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 1998. С. 16-17.

также незаконным действиям, которые выражаются в причинении вреда лицу, а по ч. 2 ст. 108 УК в причинении смерти, социально-положительную окраску. При этом, конечно, видимое благородство результата, которого хочет достичь лицо в процессе задержания, не устраняет общей опасности деяния и не снимает запрет, установленный уголовным законом в виде конкретного состава преступления¹, но изменяет степень общественной опасности этого деяния, понижая ее и позволяя устанавливать обоснованное ослабление уголовной ответственности лицу, которое совершает задержание преступника.

Вынужденность действий, которые выражаются в одном случае в обязанности соответствующих категорий должностных лиц, осуществлять задержание, в другом – в праве любого лица задерживать преступника, независимо от должностного положения

Вопрос о вынужденном характере обстоятельств, исключающих преступность деяния, мы уже рассматривали ранее. Однако в данном случае речь идет не только о вынужденности мер, а о том, что эти меры выражены через активное поведение субъектов на основе норм-дозволений² и обязывающих норм. Так, В.И. Михайлов отмечает, что главным моментом в норме, закрепленной в ст. 38 УК, является «...дозволение частным лицам, а также военнослужащим, сотрудникам правоохранительных органов и иным должностным лицам ..., осуществлять задержание лица, совершившего преступление, даже путем причинения ему вреда»³.

Когда мы говорим о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, на первый взгляд, кажется, что эти действия могут относиться исключительно к лицам, на которые государство

¹ Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 56.

² Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 10: Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 252 (автор главы – В.И. Михайлов).

³ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 10: Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 217 (автор главы – В.И. Михайлов).

возложило обязанность задержания преступника, однако ст. 38 УК не содержит каких-либо ограничений, которые касаются непосредственных участников процесса задержания, в связи с чем, у обычных граждан, которые не наделены обязанностями, возникает право на задержание преступника¹.

Как пишут многие авторы, право на задержание лица, совершившего преступление, будучи закрепленным в Конституции РФ в рамках правового статуса человека и гражданина, представляет собой субъективное право, которое реализуется в границах правовых отношений². В свое время Р. Иеринг дал определение субъективному праву, в котором выразил «юридически защищенный интерес»³. А. Рождественский определял субъективное право как «юридическую власть человека над вещами и действиями других лиц»⁴. Так, норма о задержании лица, совершившего преступление, реализуясь как субъективное право граждан, разрешает не просто быть участником вынужденного процесса задержания преступника, но и дает возможность определять эти действия как охраняемые и гарантированные законом меры возможного или дозволенного поведения⁵.

Что же касается представителей власти, для которых такого рода деятельность является служебной обязанностью, то здесь почти все авторы солидарны в одном – причиняя вред, эти лица, в первую очередь, руководствуются необходимостью задержать преступника в силу действующей системы законодательства, которая и наделяет их, так называемым, юридическим долгом⁶. В противном случае, как указывает, И.Р. Сичинава, невыполнение этих обязанностей должно влечь

¹ Якунина С.А. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 57.

² Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 123.

³ Цит. по: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. С. 196.

⁴ Рождественский А. Основы теории права. М., 1910. С. 130.

⁵ Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 490.

⁶ Пономарь В.Е. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 61.

дисциплинарную, а в некоторых случаях и уголовную ответственность за бездействие¹.

Таким образом, соглашаясь с утверждением С.В. Пархоменко, что в рамках существующего законодательства простые граждане обладают правом, а специально уполномоченные на то лица – обязанностью задерживать лиц, совершивших преступление, а причинять при этом вред могут и те, и другие², укажем, что все эти действия носят вынужденный характер, обусловленный ситуацией не только конкретно возможного (при наличии права), но и конкретно должного поведения (при наличии обязанности), при которой, если задерживающее лицо выходит за рамки правомерных действий, то существуют основания для применения к нему привилегированной уголовной ответственности.

Подводя итог, отметим, что те условия, которые нами были выделены в качестве оснований смягчения уголовной ответственности и наказания, не вызывают сомнений с точки зрения соотношения их принципам гуманизма и справедливости и, как следствие, теоретически оправдывают дифференциацию уголовной ответственности в сторону ее понижения за данное преступление.

Однако задержание лица, совершившего преступление, как и все обстоятельства, исключаящие преступность деяния, имеет не только законодательную, но и правоприменительную природу. Из этого следует, что, как и теоретическая составляющая, судебная практика должна не просто обоснованно отражать необходимость снижения уголовной ответственности посредством включения подобных обстоятельств в качестве признаков привилегированных составов преступлений, но и четко демонстрировать достаточность оснований для криминализации того или иного состава в целом.

¹ Сичинава И.Р. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 12.

² Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 225.

Названное приводит нас к необходимости анализа данных правоприменительной практики за преступления, связанные с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, за период с 2015 – 2019 гг. включительно¹.

Так, за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 108, а также ч. 1 ст. 114 УК на территории РФ за указанный период было вынесено более 200 обвинительных приговоров. За преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 114 УК, без учета ст. 38 УК, было вынесено 18 приговоров. Крайняя необходимость (ст. 39 УК) была учтена судом один раз как обстоятельство, исключающее преступность деяния, и по одному уголовному делу суд вынес обвинительный приговор, но с учетом смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК, то есть при нарушении условий правомерности крайней необходимости. Физическое или психическое принуждение, а также обоснованный риск ни в одном уголовном деле судами не рассматривались в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния. По трем уголовным делам было установлено, что лица совершали преступные действия во исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК), в одном случае, что лицо умышленно совершило преступление во исполнение заведомо незаконного приказа (ч. 2 ст. 42 УК).

На основании анализа правоприменительной практики, следует сделать вывод, что из всех обстоятельств, исключающих преступность деяния, чаще всего судами усматриваются признаки необходимой обороны. В разы меньше совершаются преступления при наличии признаков ст. 38, а также ст. 42 УК. И за период с 2015 по 2019 гг. не было совершено ни одного преступления, связанного с физическим или психическим принуждением либо с обоснованным риском.

¹ Выборка производилась по опубликованной судебной практике на основании уголовных дел, по которым был вынесен обвинительный приговор, а также рассматривались нормы, регламентирующие обстоятельства, исключающие преступность деяния. Приводятся данные, размещенные на сайте Интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)» (дата обращения: 04.02.2020).

Так, крайне редкое в судебной практике применение положений, предусмотренных ст. 38 УК, а также ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 114 УК, полагаем, может быть связано с трудностями установления и исследования наличия данного обстоятельства и факта превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Часто используемое в настоящее время словосочетание «ликвидация при задержании» отражает действие, направленное на причинение смерти предполагаемому преступнику со стороны сотрудника полиции, которое после реализации определяется как правомерное и необходимое. Несмотря на то, что в большей степени подобные явления распространены преимущественно в других странах (Индия, Пакистан, США и др.), считаем, что истинная статистическая картина убийств и причинения вреда при превышении мер, необходимых при задержании лица, совершившего преступление в России не отражается, в том числе и в результате подобных «не убийств» при превышении мер, закрепленных в ст. 38 УК, а якобы правомерных «ликвидаций при задержании».

Таким образом, при совершении убийства или причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, часто уголовное дело не возбуждается и лицо не привлекается к уголовной ответственности в связи с отсутствием в действиях лица состава преступления, так как при проверке обстоятельств, при которых происходило задержание лица, совершившего преступление, действия сотрудников правоохранительных органов, как правило, признаются правомерными без достаточных к тому оснований, что естественным образом отражается и на показателях правоприменительной практики, и на статистических данных, искажая (занижая) реальные цифры.

Именно поэтому нам видится излишним выделение привилегированных составов преступлений, совершенных при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, в качестве самостоятельных, так как полагаем, что указанные статьи применяются крайне редко – количество осужденных за последние пять лет

не превышает 15 – 20 человек, в связи с чем, ч.2 ст. 108 и ч. 2 ст. 114 УК можно признать почти «мертвыми».

Резюмируя изложенное, необходимо заключить, что привилегированный состав убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, с теоретической точки зрения имеет основания смягчения уголовной ответственности, которые, на наш взгляд, выражаются в таких причинах, как: факт совершения преступления лицом, уклоняющимся от задержания; цели задержания, которые направлены на доставление органам власти и пресечение возможности совершения новых преступлений; вынужденность действий, которые выражаются в одном случае – обязанностью соответствующих категорий должностных лиц осуществлять задержание, в другом случае – правом (долгом) любого лица, независимо от должностного положения.

Однако проведенный анализ судебной практики, отражая единичные случаи совершения такого рода преступления, не дает должного основания для дифференциации уголовной ответственности посредством закрепления указанного обстоятельства в качестве признака привилегированного состава преступления, что, в свою очередь, подтверждается: весьма редким применением норм на практике, в связи с оправдыванием действий лиц, совершающих задержание лица, совершившего преступление, при явном несоответствии характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельством задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред.

Отсюда следует, что законодатель абсолютно прав, смягчая уголовную ответственность за совершение преступления при наличии превышения условий правомерности некоторых обстоятельств, исключаящих преступность деяния, используя нормы Общей части, включая ст. 61 УК, что позволяет не только смягчить при необходимости, но и индивидуализировать наказание в рамках санкции уголовно-правовой нормы.

Полагаем, что такие обстоятельства, как задержание лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения, не должны являться признаками составов со смягчающими обстоятельствами, так как в этих случаях отсутствует реальная, практическая необходимость, обусловленная крайне редким совершением подобных действий на территории РФ. Указанное положение, на наш взгляд, должно быть оправдано тем, что Общая часть УК обладает всеми необходимыми мерами регулирования такого рода поведения, что выражается в возможности применения ст. 61 УК, а в случаях, если смягчения уголовной ответственности будет недостаточно, то закон допускает применение ст. 64 УК, предусмотрев возможность назначения наказания ниже низшего предела.

Исходя из всего вышесказанного, отметим, все обстоятельства, исключающие преступность деяния, кроме необходимой обороны, нецелесообразно включать в систему признаков привилегированных составов преступлений, увеличивая и загромождая, тем самым, и без того слишком объемную Особенную часть УК.

§ 2. Потенциально возможные привилегированные составы преступлений

1. Хищение, совершенное в результате крайней личной и (или) семейной нужды

Преступность – это ни что иное как «массовое решение людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета»¹. Именно эти строки использует Н.А. Колоколов при описании целей борьбы с преступностью². Полагаем, неспроста. Для того чтобы понять, как бороться с преступностью, необходимо сначала понять, что такое преступность и почему она возникает.

¹ Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. М., 2003. С. 179.

² Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 12.

Все эти вопросы уместны в рамках одного очень важного понятия - уголовной политики, так как основное ее направление и есть борьба с преступностью. Это подтверждается многими определениями этого понятия¹. Так, по мнению М.М. Бабаева, сущность уголовной политики состоит в том, что она является фундаментальной базой нормативного и практического регулирования отношений между преступностью и обществом, и далее, он говорит, что уголовная политика — это концептуальная реакция государства на существующую совокупность криминальных угроз². Получается, если бы не было преступности, не было бы и необходимости в уголовной политике.

Однако совершенно точно отмечает Н.А. Колоколов: «общество без преступности – такая же утопия, как и рай на земле»³. И статистические данные в полной мере подтверждают данное высказывание. Современное состояние преступности в России в своей недавней работе очень хорошо продемонстрировал А.И. Коробеев. Он отмечает, что в 2000 - 2018 гг. криминальная ситуация в стране складывалась неоднозначно. Это выражалось и в уменьшении числа преступлений в определённые периоды, и в зафиксированных скачках (взлетах) преступного поведения. Но, главное, что отметил автор: криминологические исследования, проведенные в Академии Генеральной прокуратуры РФ, показали, что видимое улучшение криминальной ситуации за последний период в стране только кажущееся⁴. Несмотря на то, что якобы уменьшилось число убийств и покушений на убийство, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, увеличилось количество преступлений экономической и коррупционной направленности,

¹ См., напр.: Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 74; Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: концептуальный подход // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: матер. III Российского Конгресса уголовного права. М., 2008. С. 464-465; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 18.

² Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М: Проспект, 2014. С. 10.

³ Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 3.

⁴ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 225.

а также деяний с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, и, по – прежнему, основную массу составляют преступления против собственности (55, 1%)¹.

Уголовная политика, реагируя на совершение преступлений, вырабатывает меры по предупреждению их совершений. Одна из таких мер выражается в назначении справедливого наказания, однако многие считают, что чем жёстче наказание, тем эффективнее будет борьба с преступностью. Не соглашаясь с подобными мнениями, хотели бы выразить мысль, которая не относится непосредственно к указанным преступлениям, но отражает суть нашей позиции – «Борьба с терроризмом, которую возглавляют США, – прекрасная иллюстрация того, как опасно отвечать злом на зло. Карательные меры не уменьшают терроризм, а наоборот, провоцируют его дальнейшее развитие»². Полагаем, это отчасти можно использовать и в тех случаях, когда ситуация позволяет применить к лицу, совершившему преступление против собственности, менее строгие санкции, что, возможно, в будущем принесет пользу и в борьбе с преступностью.

Рассматривая привилегированные составы преступлений, мы можем заметить, что все они, по крайней мере, на законодательном уровне, определены и установлены только в преступлениях против жизни и здоровья. На это обращают внимание многие ученые, касавшиеся вопросов уголовной политики и дифференциации уголовной ответственности. Н.А. Лопашенко, исследуя посягательства на собственность, пишет о том, что привилегирующие обстоятельства не были бы лишними по некоторым составам преступлений против собственности³. Об одностороннем подходе к средствам дифференциации уголовной ответственности и направлении в

¹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2017 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М., 2018.

² Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 11.

³ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. 1. Общетеоретическое исследование посягательств на собственность: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 171.

сторону квалифицирующих признаков в преступлениях против собственности, говорит и Г.В. Верина¹. О.А. Адоевская, рассматривая кражу, указывает на необходимость относительно этого деяния строгой дифференциации уголовной ответственности путем смягчения наказания при отсутствии квалифицирующих обстоятельств².

Таким образом, все чаще ученые высказывают предложения, направленные в сторону послаблений карательных мер в преступлениях против собственности. Полагаем, такая тенденция вызвана достаточно сложной социально-экономической ситуацией в стране, которая во многом может способствовать изменению законодательно урегулированного курса градации ответственности за указанные преступления.

Из истории уголовного законодательства все мы знаем, что в преступлениях против собственности дифференциация уголовной ответственности не всегда отражалась только с помощью квалифицирующих признаков. Как отмечает О.А. Адоевская, уголовно-правовая доктрина IX - XX вв. была солидарна с идеей смягчения ответственности за ненасильственные хищения чужого имущества, которые совершались в силу крайней нужды и бедности³. Не вдаваясь глубоко в исторический анализ, укажем, что состав кражи со смягчающими обстоятельствами был закреплен в советском законодательстве УК РСФСР 1926 г. В сравнении с основным составом преступления, привилегированный состав кражи характеризовался наличием признаков нужды и безработицы, а также наличием цели удовлетворения своих минимальных потребностей или потребностей своей семьи⁴, и в сравнении с санкцией основного состава (лишением свободы и принудительными работами сроком до трех месяцев), наказание за кражу при

¹ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 266.

² Адоевская О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: дис... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 128.

³ Там же. С. 125.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 6-е изд. СПб., 1912. С. 205.

смягчающих обстоятельствах выражалось только в принудительных работах сроком до трех месяцев. В настоящий момент такая привилегированная норма в уголовном законодательстве отсутствует, но считаем, есть все основания для пересмотра этого положения.

Когда мы говорим о процессе криминализации, то мы почти всегда его связываем с условиями, которые простимулировали необходимость введения того или иного уголовно-правового запрета в закон, а по-другому, с основаниями или причинами криминализации. Несмотря на то, что между этими понятиями есть разница, в целом, они отражают предпосылки и социальные причины возникновения нормы¹.

Вопрос о введении самостоятельной нормы при смягчающих обстоятельствах относится не к криминализации, а к дифференциации уголовной ответственности, но и у этого процесса, полагаем, есть свой повод.

С.И. Буз пишет, что экономическая преступность генетически связана с определенной системой отношений собственности². Любое преступное поведение всегда чем-то обусловлено, а уж преступления против собственности всегда отражают социально-экономическую ситуацию в стране. Социальное неблагополучие граждан, безработица, снижение уровня жизни, - одни из основных социально-экономических причин преступных проявлений против собственности, отмечает Е.Л. Козина³. С.И. Буз также указывает, что в настоящее время достаточно большое количество людей живет за чертой бедности, постоянно увеличивается число подростков, которые остались без попечения родителей и др., то есть безнадзорных, растет число малообеспеченных семей и безработных⁴. В целом,

¹ Злобин Г.А. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 205-206.

² Буз С.И. Кража: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С.160.

³ Козина Е.Л. Преступления против собственности, совершаемые несовершеннолетними, их причины и предупреждение: региональный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 25.

⁴ Буз С.И. Кража: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 161.

человечество разделено на постоянно уменьшающееся меньшинство «включенных» (included) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и постоянно увеличивающееся большинство «исключенных» (excluded) из нее¹.

Все это, подчеркивал уже Г.И. Забрянский, влечет явное противоречие между потребностями населения и легальными возможностями их удовлетворения². Поэтому Я.И. Гишинский придерживается очень четкой позиции: «наравне с ростом социально-экономического неравенства, растет и криминальное (ретретистское девиантное) поведение»³.

К сожалению, показанную тенденцию демонстрирует и официальная статистика, и, так как важным показателем для обеспечения уровня жизни, минимально приемлемого для развитого общества, является прожиточный минимум, то начать анализ необходимо именно с этой стоимостной величины. По данным Федеральной службы государственной статистики, уровень прожиточного минимума в РФ за период 2017 0 2019 гг. составляет:

Таблица 2

Величина прожиточного минимума (руб.) в РФ за 2017-2019 гг.

Год	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
2017	9 909	10 329	10 328	9 786
2018	10 038	10 444	10 451	10 213
2019	10 753	11 185	11 012	10 609

Если построить диаграмму, это будет выглядеть следующим образом.

¹ Гишинский Я.И. Социальные процессы и тенденции преступности в современной России // Криминология в условиях трансформационных процессов: национальный и международный аспекты: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоцкого государственного университета (12-13 октября 2018 г.); редкол.: И.В. Вегера [и др.]. Новополоцк: Изд-во Полоц. гос. ун-та, 2018. С. 7.

² Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Мн., 1997. С. 77.

³ Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. С. 32.

Диаграмма 1



Официальные данные показывают достаточно частые перепады величины прожиточного минимума относительно номера квартала того или иного года, однако в целом средние величины прожиточных минимумов растут из года в год, это видно из построенной нами линии тренда, которая отражает подъем уровня прожиточного минимума. Таким образом, в связи с постоянной инфляцией, характерной для нынешней российской экономики, полагаем, что величина будет только увеличиваться в ближайшие годы, так же как и цены на товар первой необходимости¹.

Далее необходимо обратиться к данным о численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, так как официально в Российской Федерации к категории бедных относится именно такая категория лиц. Эта цифра определяется на основе данных о распределении населения по величине среднедушевых денежных доходов и является результатом их соизмерения с величиной прожиточного минимума². Чтобы увидеть тенденцию динамики численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, следует взять за основу анализа период последних семи лет. В период с 2013 по 2019 гг. численность

¹ Величина прожиточного минимума [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30957> (дата обращения: 08.05.2020).

² Население с доходами ниже прожиточного минимума в России по годам (Таблица) [Электронный ресурс] // INFOTABLES.RU. Справочные таблицы. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1191-uroven-bednosti-v-rossii> (дата обращения: 08.05.2020).

населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в млн человек составляла:

Таблица 3

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (млн чел.)

Год	Период	Численность населения
2013	январь - декабрь	15,5
2014	январь - декабрь	16,3
2015	январь - декабрь	19,6
2016	январь - декабрь	19,4
2017	январь - декабрь	18,9
2018	январь - декабрь	18,4
2019	январь - декабрь	18,1

Для наглядности также следует построить график.

График 1



Несмотря на то, что последние два года отмечается некоторое снижение численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, следует отметить, что, во-первых, эти цифры в любом случае достаточно высокие, во-вторых, начиная с 2013 г. идет явное увеличение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума с 15,5 до 19,4 млн человек, что отражает ускоренный темп роста анализируемого показателя за этот период, в-третьих, в связи со сложной социально-экономической ситуацией в стране, вызванной пандемией коронавируса COVID-19, прогнозируется резкое ухудшение экономической и финансовой составляющей, что в значительной степени может усугубить неравенство среди населения, увеличить уровень бедности, поднять показатели

безработицы и в итоге привести не к продолжению снижения численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, а наоборот, к его явному и быстрому росту. Об этом уже свидетельствует снижение месячного ВВП, он просел в стране на 28 % по сравнению с прошлым 2019 г. и составил 6,3 триллиона рублей, что на 2,4 триллиона рублей меньше, чем в апреле 2019 г., по данным Минфина России¹.

Так как пандемия коронавируса COVID-19 стала неожиданным и серьезным шоком как для России, так и для большинства мировых стран, стали важными мнения и прогнозы экономистов относительно экономических аспектов текущего кризиса. Так, Р. Ениколопов отмечает, одной из важнейших особенностей текущего экономического кризиса является крайне неравномерное распределение экономических издержек, связанных с мерами по замедлению распространения вируса. В разрезе индустрий, от вводимых мер в первую очередь страдают транспорт, туристическая отрасль, сфера обслуживания, требующая физического взаимодействия с клиентами (рестораны, парикмахерские и т.п.). С точки зрения отдельных работников в наиболее выгодном положении оказываются те, кто может полноценно продолжить работу в дистанционном режиме. Проблема заключается в том, что количество таких работ весьма ограничено. При этом доля тех, кто может продолжить работу в дистанционном режиме существенно больше среди высококвалифицированных работников, которые изначально зарабатывают больше. Таким образом, экономические издержки от ограничительных мер будут непропорционально бить по наиболее бедным и уязвимым слоям населения².

Немаловажную роль в воздействии на размер прожиточного уровня играет такой показатель как минимальная потребительская корзина.

¹ В России на 28 % упал ВВП за период нерабочих дней апреля [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3876484/> (дата обращения: 20.05.2020).

² Ениколопов Р. Введение. Борьба с коронавирусом – медицинская и экономическая проблема. Неравномерное распределение издержек // Экономическая политика во времена COVID-19. Российская экономическая школа. 2020. Апрель. С. 7.

Потребительская и продовольственная корзина представляют собой сложение стоимости ассортимента еды, который необходим человеку для сохранения физиологического здоровья и обеспечения его нормальной жизнедеятельности, а также непродовольственных товаров и услуг, без которых нельзя обойтись в Российской Федерации¹. Рассматривая стоимость потребительской корзины, необходимо проанализировать ее динамику колебаний по годам. Так, в 2002 г. она составляла приблизительно 3000 руб., в 2005 г. – 4300 руб., 2008 г. – 6600 руб., 2010 г. – 8000 руб., 2012 г. – 9500 руб., 2014 г. – 11200 руб., 2020 г. – 14400 руб. (без привязки к региону).

На графике это выглядит следующим образом:

График 2



Исходя из представленных официальной статистикой данных и на основании этого, построенного графика, следует, что рост стоимости потребительской корзины увеличился в четыре раза, однако, как указывают специалисты, говорить о том, что это существенный показатель, достаточно трудно, так как необходимо учитывать, что инфляция выросла на больший показатель. Поэтому констатировать, что произошел существенный рост благосостояния граждан страны, совсем не приходится². Но так как назначение потребительской корзины выражается в том, что она является основанием для расчета прожиточного минимума, то необходимо соотнести стоимость потребительской корзины со стоимостью прожиточного

¹ Прожиточный минимум по данным Росстат [Электронный ресурс] // Статистика и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/prozhitochnyj-minimum/> (дата обращения: 13.05.2020).

² Прожиточный минимум по данным Росстат [Электронный ресурс] // Статистика и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/prozhitochnyj-minimum/> (дата обращения: 13.05.2020).

минимума и сравнить их. Для этого возьмем данные стоимости потребительской корзины в динамике, приведенные выше и показатели величины прожиточного минимума в РФ той же динамике.

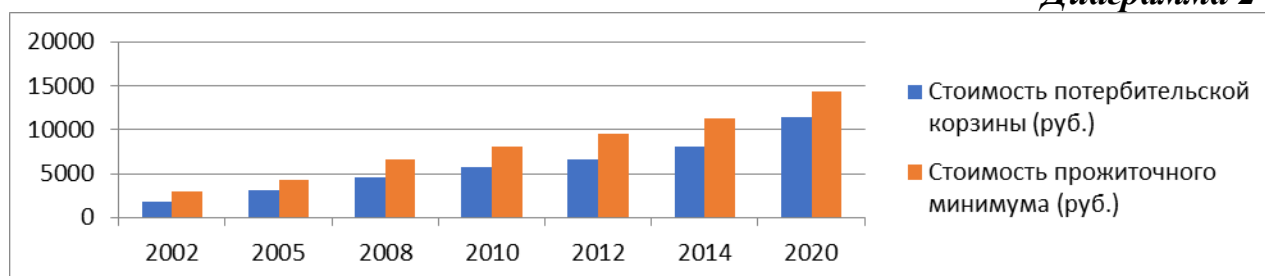
Таблица 4

Соотношение стоимости потребительской корзины (руб.) со стоимостью прожиточного минимум (руб.) в РФ

Годы	Стоимость потребительской корзины (руб.)	Стоимость прожиточного минимум (руб.)
2002	1817	3000
2005	3040	4300
2008	4630	6600
2010	5707	8000
2012	6643	9500
2014	8086	11200
2020	11468	14400

На основании данных, указанных в таблице, построим диаграмму.

Диаграмма 2



Таким образом, стоимость прожиточного минимума в РФ выше стоимости потребительской корзины. Так и должно быть, потому что потребительская корзина – это объем потребляемых товаров и услуг, а прожиточный минимум – это стоимость потребляемого. Одно зависит от другого, если повышаются цены на товары, соответственно и стоимость прожиточного минимума должна увеличиваться. Также в расчет прожиточного минимума включаются расходы по обязательным платежам и сборам. Это тоже необходимо учитывать. Однако важным фактором представляется тот момент, что реальная стоимость потребительской корзины в несколько раз превышает стоимость официальную, которая по подсчетам ученых составляет на 2019 г. 31 087 руб. При этом в январе 2019 г.

думское большинство отклонило проекты законов о пересмотре потребительской корзины, мораторий на пересмотр которой действует до конца 2020 г.

Все эти показатели демонстрируют негативную тенденцию социально-имущественного развития общества, называемую поляризацией, что значит разделение людей на богатых и бедных¹. По данным Росстата, уровень бедности в России в 2019 году за второй квартал вырос до 19%, в то время как ещё год назад он составлял 18,4%, а так как эти данные анализируются ежегодно, то из года в год наблюдается повышение коэффициента бедности². В результате, статистика бедности по прогнозам Минэкономразвития на ближайшее время не утешительна. Если в 2018 г. предполагалось увеличение дохода населения к 2019 г. на 1 % и этот прогноз не сбылся, то в условиях современного экономического кризиса, полагаем, существенных изменений не только не предвидится, но они станут еще более негативными, что, безусловно, скажется на благосостоянии граждан РФ.

Таким образом, отмеченные выше обстоятельства, отражая, в большинстве своем, низкий уровень материального положения населения, говорят о возникновении ряда причин, обуславливающих общие факторы хищений и устанавливающих связь, хоть и опосредованную, между условиями жизни и преступным поведением. Представляется, что эта совокупность социально-негативных экономических явлений должна стать основным продуцирующим элементом в вопросе возврата в уголовный закон хищения чужого имущества при смягчающих признаках и регулирования такого преступного поведения менее репрессивными методами.

И, как следствие, необходимо определиться с тем, какая именно форма хищения должна учитываться при возможном конструировании подобного привилегированного состава преступления в настоящем уголовном законе.

¹ Белюшина Е.Ю. Проблема бедности в России и пути ее преодоления // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Пермь, 2016. С. 79.

² Уровень бедности по данным Росстат [Электронный ресурс] // Статистика и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/uroven-bednosti/> (дата обращения: 13.05.2020).

В доктрине уголовного права высказываются разные мнения относительно такой дифференциации уголовной ответственности¹. К примеру, О.А. Адоевская, предлагая ввести привилегированный состав кражи, определяет, что она должна совершаться в силу стечения тяжелых личных, семейных или иных жизненных обстоятельств². В отдельной статье привилегированный состав только уже не кражи, а грабежа, инициирует закрепить И.Ю. Малькова, включая в предложенную редакцию признак нужды, при отсутствии квалифицирующих обстоятельств³. С.М. Мкртчян пишет о том, что необходимо ввести состав хищения, которое совершается вследствие затруднительного материального положения, вызванного стечением тяжелых жизненных обстоятельств⁴.

Таким образом, в основном авторы используют почти идентичный признак смягчения уголовной ответственности для дифференциации двух форм хищения - кражи и грабежа, и только С.М. Мкртчян предусматривает общую норму об ответственности за хищение. В этой части конструкции предлагаемого нами привилегированного состава преступления с С.М. Мкртчян следует согласиться. Однако нам представляется, что помимо этого, смягчающая норма об ответственности за хищение чужого имущества должна содержать уточняющий элемент – без признаков насилия, так как насилие само по себе уже при наличии его в действиях лица не может смягчать ответственность субъекту преступления.

По нашему мнению, новая привилегированная норма в преступлениях против собственности с учетом сказанного, должна выглядеть следующим

¹ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 363.

² Адоевская О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: дис... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 126.

³ Малькова И.Ю. Грабеж: вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 11.

⁴ Мкртчян С.М. Мошенничество в сфере кредитования: вопросы обоснованности состава преступления и уголовно-правового поощрения за позитивное посткриминальное поведение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2017. С. 9.

образом: хищение чужого имущества, совершенное без признаков насилия в результате крайней личной и (или) семейной нужды.

Необходимо выделить основания дифференциации уголовной ответственности в сторону ее смягчения в отношении представленного деяния. Так как уголовная ответственность понижается в результате трансформации степени общественной опасности, то полагаем, на этот процесс в указанном составе влияют: неблагоприятная обстановка, сложившаяся в результате тяжелой жизненной материальной ситуации не по воле или вине лица, совершающего хищение; корыстный мотив, вызванный особым обстоятельством его формирования – крайней личной или семейной нуждой, характеризующийся непреодолимой и острой личной жизненно важной потребностью и (или) жизненно важной потребностью семьи и близких лиц; совершение хищения чужого имущества без признаков насилия; цель преступления - удовлетворение жизненно важных потребностей; субъект преступления – лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, находящееся в практически безвыходной ситуации.

УПК РФ содержит норму, регламентирующую обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу (ст. 73), в перечень которых входит такое обстоятельство, как виновность лица в совершении преступления, форма вины и мотивы. Отсюда следует, что при назначении наказания суд всегда учитывает то, почему человек совершил общественно - опасное деяние, что его к этому сподвигло, спровоцировало. Ответы на эти вопросы имеют важное значение. На это указывает и А.В. Иванчин¹.

Конечным моментом преступления является окончание преступных действий (бездействий) в «формальных» составах или наступление

¹ Иванчин А.В. О взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права (на примере конструирования состава преступления) // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2019. № 18 (18). С. 38.

преступных последствий в «материальных»¹. Но для того, чтобы преступление реализовалось, должно пройти несколько этапов: от возникновения умысла до конечного результата (в рассматриваемом случае – хищения чужого имущества). И, чтобы запустить этот преступный процесс, должен произойти толчок, импульс. Таким побуждающим фактором в нашем случае служит неблагоприятная обстановка, сложившаяся в результате тяжелой жизненной материальной ситуации не по воле или вине лица, совершающего хищение, провоцирующая лицо на совершение преступления.

Указанное хорошо демонстрирует опубликованная судебная практика, которая, отметим, показывает не единичные случаи совершения подобных преступлений.

П. совершил два эпизода краж, то есть тайного хищения чужого имущества с незаконным проникновением в жилище, при следующих обстоятельствах:

1. П. находился возле земельного участка, который принадлежал его знакомой. Перебравшись через забор, П. подошел к дому, разбил окно и проник внутрь. Из дома он похитил электрический триммер, а также продукты питания. В доме он сразу же сварил пачку лапши, открыл банку зеленого горошка и все это съел. Оставшиеся продукты и триммер он сложил в пакет и ушел из дома. Триммер он позже продал, продукты питания съел. 2. Находясь в квартире своей сестры при отсутствии в доме посторонних лиц, П. тайно похитил вещи и скрылся с места преступления.

При рассмотрении уголовного дела вину подсудимый признал полностью, указав, что был вынужден совершать подобные преступные действия в связи с трудным материальным положением и отсутствием денежных средств на еду. Именно поэтому он решил совершить кражи, чтобы впоследствии похищенное продать и на эти деньги купить продукты

¹ Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении: монография. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2019. С. 7.

питания. Показания подсудимого подтверждаются показаниями потерпевшей, свидетеля и материалами дела¹.

20.09.2019 Чертоковским районным судом Ростовской области Е.С. Стояненко была осуждена за кражу чужого имущества с незаконным проникновением в жилище. Обвиняемая рассказала, что собирала по дворам металлолом, чтобы его продать и получить деньги. Зайдя во двор одного из домов, она постучала в дверь, но ей никто не открыл. Она увидела, что форточка в доме была приоткрыта и проникла в дом, где в спальне в тумбочке нашла кошелек с деньгами. Денежные средства в размере 37 000 руб. она забрала. На следующий день Е.С. Стояненко в первую очередь поехала в магазин за продуктами, затем отдала имевшийся у нее долг в размере 3 000 руб. В суде Стояненко пояснила, что проживает с мамой, которая серьезно больна и постоянно нуждается в лекарственных средствах. Существуют финансово они только за счет пенсии мамы и подсобного хозяйства. В связи с тяжелым материальным положением она и решилась пойти на кражу².

Приведенные примеры судебной практики демонстрируют: 1) лицо и в первом, и во втором случае совершает хищение чужого имущества; 2) эти преступления были совершены в результате неблагоприятной обстановки, вызванной тяжелой жизненной материальной ситуацией, в которой находилось лицо в момент совершения преступления, а именно нехваткой денежных средств и потребностью в пище. Особое внимание здесь следует обратить на возникновение трудных материальных обстоятельств не по воле или вине лиц, совершающих хищение, так как именно для подобных категорий лиц будет оправдано снижение уголовной ответственности.

Таким образом, соглашаясь с В.Н. Кудрявцевым в том, что преступное поведение по сути начинается, когда еще только появляются потребности, порождающие намерение разрешить их преступным путем и только затем

¹ Приговор Волжского районного суда Самарской области от 27.05.2019 по делу № 1-44/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/O8mCg8Z4HKVC/> (дата обращения: 14.05.2020).

² Приговор Чертовского районного суда Ростовской области от 20.09.2019 по делу № 1-72/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/n1HL4Umb3X61/> (дата обращения: 14.05.2020).

формируется мотив будущего преступления¹, полагаем, что первым условием, смягчающим уголовную ответственность и наказание, является обстановка, в которой находится человек, предшествующая появлению мотива преступления, неразрывно с ним (мотивом) связанная, но при этом имеющая свою характеристику и особенности воздействия на поведение человека. После того, как лицо попало в неблагоприятную материальную ситуацию, возникает следующий элемент преступного поведения – корыстный мотив, который в данном случае вызывается и формируется особым обстоятельством – крайней личной или семейной нуждой. Как абсолютно точно замечает на этот счет Б.Я. Петелин, в ситуации преступного поведения мотив возникает как ответная реакция лица на неблагоприятную сложившуюся для него конкретную обстановку².

В переводе с латинского мотив означает дословно – «двигатель», то есть то, что дает человеку движущую силу, энергию. С.В. Горностаев мотивацию в целом раскрывает как механизм психики, задающий направление активности человека³. К.К. Станкевич под мотивом преступления понимает устойчивое внутреннее побуждение лица к удовлетворению своих потребностей и интересов посредством совершения им общественно опасного деяния⁴.

В данном преступлении главное, что побуждает лицо совершить деяние, – это корысть, так как лицо стремится путем хищения к обогащению и извлечению материальной выгоды для себя или близких лиц в силу сложившегося тяжелого материального положения. Это также отмечают

¹ Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении: монография. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2019. С. 7.

² Петелин Б.Я. Психологическая структура мотивов преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 1. С. 94.

³ Горностаев С.В. Диагностика мотивации профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: практ. рек. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. С. 3.

⁴ Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 11.

некоторые авторы¹. Однако главным смягчающим ответственность элементом является не сам корыстный мотив, а то, что его формирует, его основа и источник – крайняя личная и (или) семейная нужда.

Поскольку нужда – это и есть потребность человека, ощущение недостаточности чего-либо², то полагаем, необходимо уточнить, что крайняя личная и (или) семейная нужда должна характеризоваться не любой потребностью человека, а жизненно важной. Так, для наглядной иллюстрации и понимания необходимости учитывать смягчающим признаком в преступлениях против собственности крайнюю личную или семейную нужду, важно вспомнить иерархию, классификацию потребностей человека. В.Н. Кудрявцев описывал ее следующим образом: нижний уровень – базовые (биологические или органические) потребности, средний уровень – социально-психологические потребности и самый высокий – идеологический уровень и соответствующие потребности³. Как правило, при совершении преступления (хищения) человеком движут именно базовые потребности, что отражается в судебной практике и объясняется тем, что в эти потребности входит самое важное для человека – пища, одежда, жилье, условия труда, нужда в знаниях и информации, родительские чувства, забота о близких (семье). Поэтому А.В. Гурницкий обращает внимание, что годы, которые человек проводит в нужде, заставляют его думать только о разрешении первичных базовых потребностей, таких как пища, одежда, кров, не вдаваясь в перспективу⁴.

Исходя из этого, считаем, что крайняя личная или семейная нужда должна быть также разделена на: 1) потребности непосредственно субъекта

¹ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 363.

² Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 16.06.2020).

³ Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении: монография. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2019. С. 10.

⁴ Гурницкий А.В. Бедность с позиций криминологии // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 174-181.

преступления и 2) потребности его семьи и близких лиц. Под близкими лицами на основании Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» следует понимать лиц наряду с близкими родственниками, состоящих в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. Порой ответственность перед людьми, которые дороги человеку, их нужды становятся приоритетнее и важнее, чем свои личные интересы. А так как невозможность удовлетворения потребностей (своих или близких лиц) легальным путем часто стимулирует желание это сделать любым способом, то, как отмечает К.К. Станкевич, это приводит к совершению человеком общественно опасного деяния¹.

Еще одно важное условие, которое должно учитываться при анализе смягчающего признака личной и (или) семейной нужды – она должна характеризоваться как крайняя. Несмотря на то, что это оценочное понятие, а многие авторы негативно относятся к подобного рода определениям², считаем, что для отражения типичных признаков, а также стабильного и индивидуального применения нормы к конкретным ситуациям, **крайняя** личная и (или) семейная нужда должна быть непреодолимой, острой и отражать, практически, безвыходную ситуацию.

Таким образом, вторым смягчающим признаком, изменяющим степень общественной опасности при хищении чужого имущества, следует признать корыстный мотив, вызванный особым обстоятельством его формирования – крайней личной или семейной нуждой, характеризующейся непреодолимой, острой личной жизненно важной потребностью и (или) жизненно важной потребностью семьи и близких лиц.

¹ Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 38.

² См., напр.: Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004. С. 3.

Следующим звеном в преступном поведении человека является совершение самого преступления. В данном случае лицо должно совершить хищение, не связанное с применением насилия либо угрозой его применения – важное условие, которое должно соблюдаться для привилегии, выраженной в явном понижении наказания субъекту. Так как понятие насильственных действий законодательно не определено, обратимся к его доктринальному толкованию. Возьмем за основу понятие насилия, сформулированное З.М. Челябовой, в котором основным выступает принудительное физическое и (или) психическое воздействие на человека, посягающее на охраняемые уголовным законом права¹. Как следует из изложенного, хищение чужого имущества не должно быть сопряжено ни с физическим, ни с психическим воздействием на человека, не должно нарушать личную неприкосновенность лица и не должно подавлять волю человека. Только при соблюдении перечисленных условий, общественно опасное деяние, выраженное в хищении чужого имущества, можно будет признать привилегированным.

Следующий признак, который был нами выделен в качестве смягчающего уголовную ответственность: цель преступления, направленная на удовлетворение необходимых жизненно важных потребностей. Так как цель преступления – это следствие, к которому стремится виновный, совершая преступление², то в данном случае лицо посредством общественно опасного деяния хочет удовлетворить не просто любую потребность, связанную с недостатком того, чего хочется, а именно жизненно важную, витальную потребность, от которой, возможно, будет зависеть жизнь человека. О потребностях речь уже шла, когда мы анализировали мотив преступления, и, в связи с этим, следует обозначить, что по степени осознанности побуждений, ставших двигателем поведения, различают мотив-

¹ Челябова З.М. Насилие в посягательствах на собственность: понятие, виды, проблемы законодательной регламентации, квалификации и наказания: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 11.

² Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994. С. 22.

влечение, мотив-желание и мотив-цель¹. И только в последнем случае, как указывает А.И. Рарог, может наблюдаться определенное совпадение мотива и цели². Что и происходит в предлагаемом нами привилегированном составе преступления, где мотив в виде крайней личной или семейной нужды почти идентичен с целью – удовлетворением необходимых жизненно важных потребностей.

Определяя цель, важно помнить, что квалификация преступления обуславливается не реализацией и (или) ее достижением, а постановкой цели. Наличие цели в составе преступления говорит об изменении общественной опасности, поэтому в одном случае цель влияет только на признание деяния общественно опасным и уголовно наказуемым, а в другом присутствие цели определяет усиление или, как в нашем случае, смягчение уголовной ответственности за деяние, которое и без этой цели было бы преступным³.

И, наконец, субъектом предложенного нами состава хищения при смягчающих обстоятельствах следует признать вменяемое лицо, которое к моменту совершения преступления достигло возраста 14 лет. Установление такого низкого возрастного ограничения должно быть обусловлено тем, что в большинстве случаев именно подростки совершают хищения по определённом нами мотиву, в связи с отсутствием возможности легального заработка. Внимание на это обращает, к примеру, Я.И. Гишинский, отмечая, что чаще всего кражи совершают ... подростки из-за ограничения законного пути зарабатывания денежных средств⁴.

¹ Уледов А.К. Теоретическая и прикладная социальная психология. М.: Мысль, 1988. С. 78.

² Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 7: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. 2. Субъективная сторона преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 179 (автор главы – А.И. Рарог).

³ Там же. С. 180 (автор главы – А.И. Рарог).

⁴ Гишинский Я.И. Преступления против собственности: криминологический анализ // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2006. С. 519.

Помимо основных признаков состава преступления (14-летний возраст и вменяемость), субъект должен находиться в практически безвыходной ситуации при совершении преступления. Несмотря на то, что описанное условие – это не признак субъекта, все-таки необходимо оговориться, что безвыходная ситуация является условием – предпосылкой, которая предшествует совершению преступления и становится фактором, обуславливающим психофизиологические особенности лица, совершающего преступление.

Таким образом, вышеуказанные признаки, раскрывающие элементы предлагаемого состава преступления, могут выступать обстоятельствами, регламентирующими пониженную уголовную ответственность за хищение чужого имущества, значительно, при этом изменяя степень общественной опасности в сравнении с основными составами хищений и, как следствие, дифференцируя уголовную ответственность и наказание.

Объектом хищения чужого имущества без признаков насилия, совершенного в результате крайней личной и (или) семейной нужды, выступает собственность лица, которому был причинен имущественный вред¹. Предметом преступления должно быть чужое имущество, необходимое для удовлетворения жизненно важных потребностей виновного. Таковыми могут выступать готовые к употреблению продукты питания, домашние животные, денежные средства или иное имущество, которое путем его продажи либо иных сделок с ним будет способствовать реализации крайне личных и (или) семейных нужд. Потерпевшим от преступления для основания смягчения уголовной ответственности следует признавать лиц, не обладающими такими свойствами, которые создают благоприятные условия для совершения хищения. К таким потерпевшим можно отнести женщин с малолетними детьми, престарелых, больных, которые в силу преклонного возраста или состояния здоровья не могут оказать преступникам активного

¹ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. 2. Общая теория хищений. Виды хищения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 12.

сопротивления¹. Данное условие для правоприменителя носит рекомендательный характер.

Объективная сторона деяния должна выражаться в хищении чужого имущества, не связанном с применением насилия либо угрозой его применения. В случае если хищение чужого имущества сопровождалось каким-либо воздействием на человека – физическим и (или) психическим, квалификация по привилегированному составу хищения, который мы предлагаем ввести, исключается. При таких обстоятельствах деяние квалифицируется по основной статье соответствующей формы хищения, с учетом квалифицирующих признаков, при их наличии, и с учетом положений Общей части, предусматривающих смягчающие признаки.

Субъективная сторона характеризуется, как и всякое хищение, только прямым умыслом, что подтверждается еще наличием в составе цели преступления – удовлетворения жизненно важных потребностей. Лицо осознает общественную опасность своих действий, выраженную в причинении имущественного вреда, предвидит неизбежность наступления последствий в виде такого ущерба собственнику или иному владельцу имущества, и желает его наступления. Обязательным признаком, влияющим на квалификацию преступления, является мотив – крайняя личная и (или) семейная нужда. При отсутствии в действиях лица названного мотива и цели квалификация хищения чужого имущества по предлагаемой статье должна быть исключаться.

Субъектом привилегированного вида хищения должно быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет, находящееся в практически безвыходной ситуации при совершении преступления, вызванной мотивом преступления.

¹ Ошкина Н.П., Энтю В.А. Особенности изучения проблем виктимологии личности преступника и потерпевшего в условиях реиндустриализации и изменений правовой политики России при совершении преступлений против собственности // Россия: от стагнации к развитию (региональные, федеральные, международные проблемы): сб. матер. XII междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 522.

На основании изложенного, следует предложить редакцию анализируемого нами привилегированного состава преступления с раскрытием основного смягчающего признака в примечании к статье.

Статья 158². Хищение, совершенное в результате крайней личной и (или) семейной нужды

Хищение чужого имущества в состоянии крайней личной и (или) семейной нужды с целью удовлетворения необходимых жизненно важных потребностей, не связанное с применением насилия либо угрозой его применения, –

наказывается ...

Примечание. Под крайней личной и (или) семейной нуждой следует понимать непреодолимую личную жизненно важную потребность и (или) жизненно важную потребность семьи или близких лиц, возникшую при стечении тяжелых материальных обстоятельств не по воле или вине лица, совершившего хищение.

В свою очередь, под жизненно важной потребностью следует понимать разновидность базовой потребности, без удовлетворения которой невозможна или крайне затруднена жизнедеятельность современного человека. Сюда можно отнести основные физиологические нужды человеческого организма, такие как потребность в воздухе, еде, питье, сне и так далее. Кроме того, психологические потребности в общении, автономии и самодетерминации также могут быть отнесены к жизненно важным потребностям¹. В случае совершения хищения при отсутствии признаков-привилегий, закрепленных в ст. 158² УК, суд может смягчить наказание лицу, совершившему преступление, посредством индивидуализации уголовной ответственности с учетом п. «д» ст. 61 УК и применением такого смягчающего обстоятельства, как совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств.

¹ Жизненно важные потребности [Электронный ресурс] // ПСИХОЛОГОС. Энциклопедия практической психологии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/zhiznennovazhnye-potrebnosti> (дата обращения: 22.05.2020).

Уголовный кодекс РФ содержит несколько институтов, так или иначе смягчающих положение виновного лица, и содержатся они как в Общей, так и в Особенной части. В ст. 61 УК указываются смягчающие вину обстоятельства, которые суд обязан учитывать при назначении наказания. На это обращено внимание судей в п. 28 постановления Пленума ВС РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». В свою очередь, ст. 61 УК в качестве смягчающего обстоятельства, как указывалось ранее, предусматривает совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств. И так как мы предлагаем включить близкое смягчающее основание в конструкцию конкретного состава преступления, то следует провести разграничение между этими двумя признаками. Отличия заключаются в следующем:

1) положение п. «д» ст. 61 УК является общей нормой, которая может быть применима во всех случаях, когда суд, рассматривая уголовное дело, решает вопрос о назначении наказания, на что указано в п. 6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Смягчающее обстоятельство привилегированного состава преступления должно учитываться только в рамках одной нормы;

2) в отличие от тяжелых жизненных обстоятельств (п. «д» ст. 61 УК), к которым в основном относят объективные факторы социального бытия личностного, семейного, жилищного, служебного свойства (к примеру, смерть или болезнь родных и близких, отсутствие жилья, работы, аморальное поведение членов семьи и т.д.)¹, привилегирующий признак состава хищения должен предусматривать не все тяжелые жизненные ситуации, а только вызванные сложным *материальным* положением человека;

3) самостоятельное влияние на индивидуализацию уголовного наказания оказывает система основания смягчения наказания, к которой

¹ Кузнецов А.П. Обстоятельства, смягчающие наказание // *Ius publicum et privatum*. 2019. № 1(3). С. 46.

относится общая норма уголовного закона (п. «д» ст. 61 УК)¹. Однако наказание – это не только сфера применения, но и его регламентация в законе. В уголовном законодательстве предусматриваются дифференцированные пределы ответственности, и суд при назначении наказания учитывает эти пределы². Поэтому привилегирующий признак рассматриваемого состава преступления будет влиять не на индивидуализацию наказания, а на его дифференциацию, изменяя ответственность вследствие изменения типовой степени общественной опасности преступления.

Таким образом, существенные отличия двух внешне похожих смягчающих признаков свидетельствуют о необходимости их разграничения и выделения тяжелых жизненных материальных обстоятельств в качестве отдельного смягчающего условия, закрепленного в привилегированном составе преступления.

К тому же уголовный закон должен учитывать изменяющуюся криминальную ситуацию, изменяющуюся степень общественной опасности преступления. В современных непростых условиях российская статистика свидетельствует о росте числа граждан, проживающих на доходы ниже прожиточного минимума. В результате появляется новый вид преступлений - хищения «от нужды», хищения, совершенные лицами, оказавшимися в тяжелом, иногда, в безвыходном материальном положении. И, несмотря на то, что 56 % опрошенных лиц, принявших участие в анкетировании, ответили, что они не видят необходимости в дифференциации уголовной ответственности за кражу посредством использования привилегирующего признака крайней личной или семейной нужды, 39 % все-таки высказались в поддержку нового привилегированного состава преступления.

¹ Тасаков В.С. Основания смягчения уголовного наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2018. С. 81.

² Мингалимова М.Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 18.

Актуальным это представляется еще и потому, что некоторые страны, в частности США в связи со сложной экономической ситуацией, вызванной пандемией COVID-19, предпринимают попытки законодательного регулирования действий при подобных, указанных нами, обстоятельствах. Так, бывшая судья высшего суда, а теперь окружной прокурор Калифорнии Дайана Бектон внедряет новое понятие в практику ведомства «грабеж по необходимости». Она требует, чтобы все прокуроры начали учитывать «потребности» лиц, которые совершают грабеж при рассмотрении уголовных обвинений против них. Теперь следователи должны обращать внимание на то, «было ли это преступление мотивировано чрезвычайным положением или нет?». Кроме того, они должны еще исследовать и с какой целью оно совершается, с целью финансовой выгоды или личной необходимостью. Подобные нововведения вызвали неоднозначные реакции со стороны многих лиц, однако важным остается тот факт, что указанная политика вводится в действие из-за пандемии коронавируса, когда люди вынуждены совершать преступления имущественного характера¹.

На наш взгляд, назрела необходимость, с учетом изменений социально-экономической жизни общества, ввести такой состав преступления в РФ, при котором лицо будет справедливо привлекаться к ответственности за преступление со смягчающими обстоятельствами.

2. Убийство по просьбе потерпевшего лица, совершенное по мотиву сострадания

Сложным и дискуссионным является вопрос, касающийся согласия лица на причинение вреда любым его правам, и, в частности, на причинение ему смерти. Когда речь идет о праве человека на жизнь, то особых трудностей в определении юридической или какой-либо другой составляющей этого вопроса не возникает, так как это естественное право каждого человека, закрепленное в международных и национальных правовых

¹ California DA's new policy to consider looters' 'needs' before charging them [Электронный ресурс]. URL: <https://nypost.com/2020/09/02/das-policy-to-consider-looters-needs-before-charging-them/> (дата обращения: 21.09.2020).

актах. Но когда не только ученые, но и медицинские работники, философы, юристы, представители религий и др. ставят перед собой задачу ответить на вопрос: «Что же такое право на смерть, существует ли оно на самом деле и как к нему относиться?», то однозначного ответа и единого подхода в этом вопросе как не было, так и нет¹. Многогранность и неоднозначность указанных мнений, на наш взгляд, возникает потому, что, признавая ценность жизни, людям сложно согласиться с тем, что человек может самостоятельно и законно принимать решение - уйти ему из жизни или нет. Все эти споры затрагивают одну из, так называемых, форм реализации права на смерть – эвтаназию.

Легкая смерть – так буквально переводится эвтаназия с греческого языка². Этому понятию многие авторы дают различные определения, но все они отражают в них главное – лицо добровольно, изнемогая от неизлечимой болезни и телесных мук, желает причинить себе смерть посредством другого человека. Каким же образом лишение жизни, даже если оно предпринимается исключительно из благих намерений и по настойчивому требованию самого человека, должно законодательно регулироваться?

Как указывает В.В. Момотов, еще в римском праве предусматривалось освобождение от уголовной ответственности в том случае, если вред причинялся потерпевшему с его согласия. Продолжая, он также обращает внимание, что в Дигестах Юстиниана устанавливается: «если кто-либо причинил вред, будучи побуждаем к этому другим лицом, то не отвечает ни

¹ К примеру, С.Ю. Быкова определяет право на жизнь как «право распоряжения своим телом». См.: Быкова С.Ю. Этико-философские аспекты: проблемы эвтаназии: дис... канд. философ. наук. М., 1993. С. 91; Е.К. Фомичев говорит о естественности права на смерть, которое должно выражаться в волеизъявлении человека о прекращении своей жизни. См.: Фомичев Е.К. Эвтаназия как форма реализации права на смерть: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 63; Н.В. Ющенко, логически обосновывая, связывает право на жизнь с правом на смерть, подчеркивая его неотъемлемость. См.: Ющенко Н.В. Эвтаназия: аксиологический и антропологический аспекты: дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 15.

² Академик [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.academic.ru/%D1%8D%D0%B2%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F/ru/en/> (дата обращения: 12.02.2020).

тот, кто побуждал, так как он не убил, ни тот, кого побудили, так как он не причинил вреда противоправно»¹.

Проблема правовой регламентации эвтаназии актуальна и сейчас, и не только для России, но и для многих стран мира. Одни – ее легализуют, другие – категорически отрицают, третьи – расценивают эвтаназию, как убийство. Россия не стала исключением, и подобные действия, которые влекут смерть потерпевшего, в настоящий момент законодательно оцениваются, как простое убийство, закрепленное в ч. 1 ст. 105 УК, то есть убийство без смягчающих и безотягчающих обстоятельств, если в действиях субъекта не было умысла на убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, иначе квалификация будет происходить по ч. 2 ст. 105 УК. Но законодатели определенных стран (например, Австрии, Германии, Грузии, Испании и т.д.) конструируют составы убийств по просьбе потерпевшего, как привилегированные². При этом важно отметить, что если субъектом такого деяния выступает не только медицинский работник, а любой другой человек, то подобные случаи будут рассматриваться не с позиции эвтаназии, пусть и запрещенной, а с позиции более объемного понятия – согласия потерпевшего на причинение ему вреда³. Поэтому важным элементом для квалификации деяния в качестве привилегированного убийства является волеизъявление лица или, по-другому, его согласие на причинение ему смерти.

Большой толковый словарь «согласие» определяет как «разрешение, утвердительный ответ на что-либо»⁴.

Большой вклад в исследование проблемы согласия лица на причинение ему вреда внес А.Н. Красиков. Несмотря на то, что он относил указанное

¹ Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (эвтаназия) // Lex Russica. 2019. № 10. С. 9.

² См.: Штанькова А.П. Волеизъявление лица о причинении ему смерти – обязательный элемент для квалификации деяния в качестве привилегированного убийства (по УК зарубежных стран) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 23.

³ Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 183.

⁴ Согласие [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic>. (дата обращения: 01.10.2015).

определение к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность и наказуемость деяния, А.Н. Красиков выделил общие признаки согласия потерпевшего на причинение вреда и сформулировал это понятие в форме «выражения свободного волеизъявления лица на нарушение своих благ или поставление их в опасность (риск) как способ достижения личного интереса, с одной стороны, а с другой – поведение третьего лица в рамках этого согласия»¹. Ю.В. Баулин пишет, что «согласие потерпевшего» необходимо учитывать, как свободное волеизъявление лица и трактовать его достаточно широко, включая в него согласие в собственном смысле слова, а также требование, просьбу и иную возможность лица проявить свою волю, выразить желание на осуществление определенного действия².

Таким образом, согласие или волеизъявление лица о причинении ему смерти может рассматриваться в разных аспектах и с ними можно соглашаться или нет, однако законодатели многих зарубежных стран расценивают убийство по просьбе потерпевшего как уголовно-наказуемое, но заслуживающее в то же время определенного снисхождения деяние³.

Уголовное законодательство зарубежных стран характеризуется достаточно большим разнообразием существующих конструкций диспозиций норм об ответственности за убийство по просьбе потерпевшего⁴. Это же отмечает и Н.Н. Бакулин, констатируя, что в УК зарубежных стран основные различия в юридической конструкции состава эвтаназии заключаются в том, вводит ли законодатель в состав обозреваемого преступления определенные признаки в качестве обязательных или нет⁵. Наиболее принципиальное

¹ Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. С. 19.

² Баулин Ю.В. Причинение вреда с согласия «потерпевшего» как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Харьков: Кроссруд, 2007. С. 27.

³ Додонов В.Н., Капинус О.С., Щерба С.П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 51.

⁴ Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С.435.

⁵ Бакулин Н.Н. Нормативное регулирование эвтаназии: философско-правовой и юридический аспекты: философско-правовой и юридический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 92.

различие состоит в том, что в одних странах основной акцент делается на волеизъявлении потерпевшего, в других – на мотивах сострадания и болезненном состоянии последнего¹.

При этом стоит отметить, что зарубежные исследователи, изучая привилегированные убийства по мотиву сострадания, совершенные по просьбе потерпевшего, обозначили ряд дополнительных требований при определении признаков смягчения наказания: лицо должно желать наступления своей смерти; четко и однозначно выражать свою волю словесно, движением тела и рук, выражением лица; волеизъявление потерпевшего о причинении ему смерти должно быть выражено непосредственно перед убийством, адресовано непосредственно виновному и быть единственным побудительным мотивом такого преступного деяния².

Таким образом, в УК целого ряда стран в настоящий момент включены привилегированные составы убийства в эвтаназии, - отмечает Н.А. Лопашенко, приводя в пример такие страны, как Республика Молдова (ст. 148), Азербайджан (ст. 135)³. И очень важно, замечает О.С. Капинус, что уголовное законодательство почти никогда не учитывает такой особый случай эвтаназии, когда убийство совершается из сострадания, но без просьбы потерпевшего. Исключение составляет, например, УК Колумбии (ст. 106), который регламентирует лишение жизни лица, указывая мотив сострадания и болезненное состояние потерпевшего, при этом ничего не упоминая о волеизъявлении лица и никак этот элемент не характеризует⁴.

Анализируя проблему эвтаназии в целом и введение привилегированного состава эвтаназии в российское уголовное законодательство, в частности, следует отметить наличие огромного количества положительных мнений ученых, касающихся как легализации

¹ Додонов В.Н., Капинус О.С., Щерба С.П. Указ. соч. С. 52.

² Серебренникова А.В. Преступные деяния против жизни по уголовному кодексу ФРГ // Иностранное право: сб. науч. ст. и сообщ. Вып. первый. М.: Диалог – МГУ, 2000. С. 67.

³ Лопашенко Н.А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 128.

⁴ Уголовный кодекс Республики Колумбия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/text> (дата обращения: 02.10.2015).

эвтаназии, то есть снятия ограничения права на жизнь, так и выделения убийства по просьбе потерпевшего в самостоятельный привилегированный состав.

Так, к примеру, Ю.А. Чернышева достаточно четко дает понять, что жизнь человека, при условии сильных, мучительных страданий, не должна превращаться в бессмысленное существование. Продолжать запрещать эвтаназию, по словам автора, значит, продолжать лишать возможности человека реализовывать свою волю¹. Т.Т. Алиев акцентирует внимание на неконституционности запрета эвтаназии, обуславливая это противоречием юридическому принципу, выраженному в обеспечении человеческого достоинства². С.Э. Оглы Мустафаев, выступая также за легализацию эвтаназии, уточняет только условия правомерности, которые бы позволили предотвратить правонарушения в этой области³.

Что же касается сторонников менее радикальных мер, которые высказывают предложения о криминализации деяния, связанного с эвтаназией, с привилегированным составом, то следует отметить, что их количество увеличивается почти с каждым днем. Совсем недавняя позиция О.В. Артюшиной, согласованная с анализом нововведений в главу уголовного закона «Преступления против жизни и здоровья», направлена на согласие со многими специалистами, считающими оправданной дифференциацию уголовной ответственности посредством мотива сострадания и согласия потерпевшего на причинение ему смерти⁴. Н.Е. Аленкин также пишет о целесообразности включения нового привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего,

¹ Чернышева Ю.А. Легализация эвтаназии в России // Общество и право. 2008. № 2. С. 160.

² Алиев Т.Т. Эвтаназия в России: право человека на ее существование // Современное право. 2008. № 4. С. 11.

³ Мустафаев Оглы С.Э. Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 130.

⁴ Артюшина О.В. Новые преступления против жизни: проблемы криминализации и декриминализации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 2, Т. 1. С. 130.

совершенного по мотиву сострадания, так как, по его мнению, есть все объективно существующие основания для ввода его в систему преступлений со смягчающими обстоятельствами, выраженные, главным образом, в ненасильственном причинении смерти¹. Д.С. Князев, рассуждая об уголовно-правовой оценке эвтаназии, склоняется к тому, что эвтаназия отличается от убийства и нельзя квалифицировать эти действия одинаково. В связи с этим он предлагает выделить убийство с признаками эвтаназии в самостоятельный привилегированный состав². Соглашаются с введением в УК нового состава убийства и многие другие авторы³.

Таким образом, анализ мнений ученых показывает ярко выраженную тенденцию к полному или частичному принятию постулата – «жизнь человека в руках самого человека». К сожалению, это в большей степени говорит о том, что в морально – нравственном и духовном аспекте к ценности жизни наше общество сделало шаг назад, а в прагматичном отношении к жизни и в отрицании ее безусловной ценности самой по себе, шаг вперед. Если раньше подобных мнений, которые, так или иначе, оправдывали эвтаназию, было единицы, то сейчас, как отмечает Е.А. Карпов, общество становится все более и более плюралистичным по своим взглядам, где сдерживающим минимум «морали» был и является только закон⁴.

Именно поэтому некоторые ученые, которые не решаются выступать с позиции легального закрепления эвтаназии, выбирают другой путь, более

¹ Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 157.

² Князев Д.С. Эвтаназия и ее уголовно-правовая оценка // Российский следователь. 2009. № 16. С. 3.

³ Кручиненская М.А. Уголовно-правовые аспекты эвтаназии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. IV междунар. науч.-практ. конф. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2007. С. 314; Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь. М.: Камерон, 2006. С. 257-258, Огородникова Н.В. Уголовно-правовой запрет как инструмент предупреждения преступлений: национальный и зарубежный опыт учета привилегиирующих признаков убийства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 2. С. 79.

⁴ Карпов Е.А. Проблема соблюдения прав человека в условиях мультикультурного общества в концепции «вовлечения другого» Юргена Хабермаса, или предстоящий закат Европы? // Международное публичное и частное право. 2019. № 4. С. 6.

законный, так называемый путь «золотой середины», когда убийство по просьбе потерпевшего запрещено, но ответственность за него должна быть в разы снижена.

Каковы же причины высказанных позиций по выделению убийства по просьбе потерпевшего в привилегированный состав преступления? Полагаем, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к анализу признаков основного состава убийства (ч. 1 ст. 105 УК) и признаков, которые используют большинство авторов для конструирования потенциально нового привилегированного состава преступления – убийства по просьбе потерпевшего, которое совершается по мотиву сострадания. Но так как признаки ч. 1 ст. 105 УК законодательно определены и здесь не возникает сложности для их выделения, следует сконцентрировать свое внимание на тех криминообразующих признаках, которые предлагают авторы, обозначить наиболее часто предлагаемые и использовать их для анализа.

Так, самым распространенным признаком можно считать согласие потерпевшего лица на причинение вреда. Его учитывают авторы и в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния, как это, к примеру, сделала группа ученых под руководством Н.А. Лопашенко, предложившая научный проект УК¹, и в качестве признака состава преступления, к примеру, как это было сделано в проекте УК 1996 г., где одним из признаков было волеизъявление лица о причинении ему смерти, или, как предлагают Б.В. Сидоров и А.Г. Бабичев, используя, главным образом, согласие потерпевшего для конструкции привилегированного состава убийства².

Следующим признаком, который встречается в предлагаемых составах преступления, является мотив сострадания. Его отмечают почти так же часто, как и волеизъявление лица. На отличие простого убийства от эвтаназии, по

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н.А. Лопашенко, Р.О. Долотов, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов; под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 61.

² Сидоров Б.В., Бабичев А.Г. Убийство в системе посягательств на жизнь человека и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 152.

мнению М.М. Антоненко, указывает мотив сострадания к неизлечимо больному человеку¹. Н.Е. Аленкин включал в качестве обязательного признака привилегированного состава убийства мотив сострадания². Мотив сострадания отмечается и К.К. Станкевичем, как условие, влияющее на изменение степени общественной опасности убийства, и как признак, который, по мнению автора, должен быть включен в отдельную норму с пониженной уголовно-правовой санкцией³.

Так как мотив сострадания должен быть чем - то вызван, то еще одним признаком авторы признают, как правило, неизлечимую болезнь, которая вызывает у человека сильные страдания и мучения. По сути, из этого признака можно выделить сразу два: 1) болезнь лица; 2) цель убийства – избавление от мучений и страданий. Полагаем, они тесно связаны между собой и, как правило, демонстрируются авторами вместе. Поэтому считаем, что нет необходимости проводить по ним отдельный анализ. Указанные признаки первоначально берут свое начало с самого понятия эвтаназии. Д.В. Маковеев в своем определении эвтаназии акцентирует внимание именно на том, что эвтаназия – это удовлетворение просьбы *безнадежно больного индивида ... , с целью избавления больного от причиняемых ему психических страданий, невыносимых мучений и физической боли*⁴. На это же обращает свое внимание и А.И. Коробеев, называя эвтаназию умерщвлением *неизлечимо больного по его просьбе с целью прекращения страданий*⁵. О.С. Капинус в своем исследовании проблемы эвтаназии приходит к выводу, что в уголовно-правовом смысле в определение эвтаназии необходимо

¹ Антоненко М.М. Эвтаназия как разновидность убийства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. С. 154.

² Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С.153.

³ Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 102.

⁴ Маковеев Д.В. Жизнь человека. Насилие и смерть: аспекты социально-философского анализа. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2004. С. 59.

⁵ Коробеев А.И. Простое убийство и сложности его квалификации // Уголовное право. 2001. № 2. С. 30.

включить мотив сострадания, *применяемый к больному с целью избавить его от невыносимых физических страданий*¹.

Таким образом, исходя из приведённых выше позиций, можно выделить основные (общие) признаки, часто встречающиеся и в определении эвтаназии, и в выделении согласия потерпевшего лица, как обстоятельства, исключающего преступность деяния, и как образующие предлагаемый авторами привилегированный состав убийства, которые сводятся к: волеизъявлению лица о причинении ему смерти; мотиву сострадания; неизлечимой болезни лица; цели, выражающейся в избавлении человека от мучений и страданий.

С учетом этих признаков представляется возможным провести сравнительный анализ между простым убийством и убийством по просьбе потерпевшего, который выносится нами на обсуждение.

Таблица 5

Сравнительный анализ простого убийства и предлагаемой нормы убийства по просьбе потерпевшего

Нормы, подлежащие сравнению Элементы состава преступления	Простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК)	Убийство по просьбе потерпевшего
Объект	Жизнь человека	Жизнь человека
Объективная сторона	Причинение смерти другому человеку	Причинение смерти, совершаемое по волеизъявлению потерпевшего лица, в связи с невыносимыми физическими муками, вызванными болезнью потерпевшего
Субъективная сторона	Вина в форме умысла, прямого или косвенного	Вина в форме прямого умысла; мотив – сострадание к человеку, цель – избавление от мук, вызванных болезнью
Субъект	Любое физическое, вменяемое лицо, достигшее 14 летнего возраста	Как медицинский работник, так и любое другое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет

¹ Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: уголовно-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 85.

Исходя из указанных данных, объектом рассматриваемых общественно опасных деяний являются отношения, направленные на охрану жизни человека, как основного и неотъемлемого блага, которое в итоге у человека и отнимается. Как отмечает Н.А. Лопашенко, несмотря на то, что уголовный закон, конечно, охраняет жизнь любого человека, в то же время, законодатель предусматривает градацию ответственности в зависимости от того, чья это жизнь¹. Вследствие этого, М.М. Антоненко, принимая этот аспект во внимание, указывает, что в отличие от простого убийства, непосредственным объектом эвтаназии является не просто жизнь человека, а жизнь неизлечимо больного человека, испытывающего постоянные страдания и муки². Полагаем, в данном случае речь все же больше идет не о самом объекте, а о факультативном признаке объекта – потерпевшем. Человек лишается жизни и в первом, и во втором случае, однако характеристика потерпевшего при эвтаназии (лицо, имеющее смертельную болезнь, испытывающее сильные физические боли и страдание, высказывающее согласие на причинение себе смерти), безусловно, отличается от характеристики потерпевшего при простом убийстве, что в итоге для многих авторов является одним из аргументов смягчения ответственности.

Так, особенности потерпевшего при эвтаназии становятся особенностями объективной стороны этого же состава преступления, то есть общественно опасных действий, при которых происходит деяние. Как отмечает, к примеру, Н.Е. Алёнкин, главное отличие объективной стороны убийства по просьбе потерпевшего – даже не в том, что оно совершается исходя из мучений больного, хотя это тоже существенное обстоятельство, а в том, что это действие носит ненасильственный характер, так как совершается

¹ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 154.

² Антоненко М.М. Эвтаназия как разновидность убийства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. С. 146.

по воле потерпевшего лица¹, то есть сам потерпевший изъявляет желание и просит, чтобы ему причинили смерть. Хотя, следует отметить, что это больше доктринальное понимание насилия, тогда как закон признает причинение смерти даже по воле потерпевшего лица, как насильственное действие. Кроме того, конечно, при рассмотрении признаков анализируемого состава, авторы обращают внимание и на условия физических страданий, мучений, неизлечимой болезни, которые являются своего рода катализатором действий, направленных на причинение смерти².

Если говорить о простом убийстве, то здесь классическая форма выражения признаков объективной стороны состава преступления, которая содержит деяние (действие или бездействие), направленное на причинение смерти другому человеку, последствием которого является смерть, а также причинно-следственную связь между первым и вторым признаком объективной стороны состава преступления. Однако, важное замечание. В данном случае смерть является насильственной. И это еще один аргумент для некоторых авторов за введение привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего. Хотя, как я уже оговорила ранее, по нашему мнению, любое причинение смерти будет являться насильственным деянием, вне зависимости от наличия или отсутствия волеизъявления лица о причинении ему смерти.

Вопрос о субъективной стороне состава простого убийства, как точно замечает Н.А. Лопашенко, решается достаточно просто – форма вины уже указана в самом законе, а именно в диспозиции самой нормы; она выражается в виде умысла (прямого или косвенного)³. Мотив и цель для квалификации простого убийства значения не имеют. Чего нельзя сказать о субъективной стороне убийства по просьбе потерпевшего. Во-первых, форма

¹ Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 162.

² Мустафазаде А.Г. Квалификация убийства по мотиву и цели: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004. С. 29.

³ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 174.

вины в этом преступлении должна выражаться только в прямом умысле, то есть причиняя смерть тяжело больному человеку, лицо, хотя и производит эти действия из благих намерений, но совершает их абсолютно осознанно, понимая и желая причинения ему смерти. Об этом же пишут и другие авторы¹. Во-вторых, мотив – это сострадание к человеку, который мучается и просит избавить его от этих мучений. Мотив сострадания также играет одну из ключевых позиций в оправдании смягчения ответственности за убийство по просьбе потерпевшего.

Однако следует заметить, что мотив сострадания уже указан в ст. 61 УК в перечне обстоятельств, смягчающих ответственность лица. Кроме того, многие авторы высказывают сомнения относительно возможности доказывания того, что убить человека лицо действительно побудило именно сострадание, а не какой-то другой мотив². И еще, на что необходимо обратить внимание, это слова Н.Е. Аленкина, который говорит, что один только мотив сострадания не может быть признаком, который бы указывал на дифференциацию уголовной ответственности и стал бы основанием для создания привилегированного состава преступления³. В-третьих, целью эвтаназии является избавление от мук, вызванных болезнью. Но при этом, оправдывая анализируемые действия, мы забываем, какой ценой достигается представленная цель – лишением жизни потерпевшего.

И наконец, субъектом ч. 1 ст. 105 УК выступает любое физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет. Так, исходя из таблицы, мы можем заметить, что единственным отличительным признаком субъекта простого убийства от субъекта убийства по просьбе потерпевшего является то, что им может быть кроме простого человека, еще и медицинский работник.

¹ См., напр., Князев Д.С. Эвтаназия и ее уголовно-правовая оценка // Российский следователь. 2009. № 16. С. 9.

² Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учебно-практическое пособие. М.: Зерцало-М, 2013. С. 157.

³ Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 173.

Таким образом, анализ основных элементов состава преступления относительно простого убийства и убийства по просьбе потерпевшего, демонстрирует явные отличия, которые выражены в особенностях, при которых наступает смерть потерпевшего. Специфика предлагаемого привилегированного состава преступления наблюдается, прежде всего, в волеизъявлении лица о причинении ему смерти и мотиве сострадания. Безусловно, для многих, в том числе, указанных выше авторов, эти особенности являются определяющими для предложения о введении нового состава преступления со смягчающими обстоятельствами, и, возможно, они будут в этом правы. Однако, несмотря на то, что мы выступаем за расширение системы привилегированных составов преступлений в УК, в данном случае полагаем, что состав убийства по просьбе потерпевшего не может быть включен в уголовный закон в качестве состава с пониженной уголовно-правовой санкцией по основаниям, изложенным ниже.

1. Неготовность общества и государства в целом к выделению отдельного привилегированного вида убийства по просьбе потерпевшего лица.

Выделяя в качестве аргумента против введения рассматриваемого привилегированного состава убийства неготовность к этому общества и государства, необходимо сразу оговориться, что это условие будет проанализировано с религиозной (духовной), нравственной и моральной точек зрения.

Ответ на вопрос о том, почему мы считаем, что государство не готово к подобного рода законодательным переменам, заключается в том, что убийство по просьбе потерпевшего или по мотиву сострадания — это деяние, речь в котором идет о таком явлении жизни, как эвтаназия¹.

Как верно отмечают В.Ю. Панченко и К.С. Шушпанов, то, как относится государство к эвтаназии, складывается не за один день; это

¹ Додонов В.Н., Капинус О.С., Щерба С.П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 27.

отношение формируется в процессе долгого исторического развития того или иного государства и определяется несколькими факторами, одним из которых выступает религия¹.

Каково отношение большинства религий мира к проблеме эвтаназии не является секретом. Отрицание права на лишение себя жизни представляется основополагающим в таких основных религиозных конфессиях, как христианство и ислам. Так, к примеру, Русская православная церковь провозгласила невозможность признания нравственно приемлемым распространение в светском обществе попыток легализации намеренного умерщвления безнадежно больных, в том числе по их желанию². Исламская религия, в том же аспекте, но более лаконично говорит о недопущении такого понятия, как оправдание смерти во избежание страданий.

Если рассуждать не только с религиозной позиции, то, как указывает И.А. Ивченко, проблема эвтаназии не нашла своего однозначного разрешения и в литературе нерелигиозного толка³. А так как, по данным ВЦИОМ на 2010 год, конфессиональный состав населения России составляет: православие – 75 %, атеисты – 8 %, ислам – 5 %, католицизм, протестантизм, иудаизм, буддизм – 1 %, другие конфессии – 1 %⁴, пусть и с незначительными изменениями на сегодняшний день, то уверять, что общество признало право человека на причинение себе смерти и готово положительно отнестись к вопросу эвтаназии, совсем не приходится. Об этом говорят и данные опроса, проведенного нами в рамках настоящего диссертационного исследования, которые продемонстрировали несогласие 85% опрошенных с предложением включить привилегированную норму

¹ Панченко В.Ю., Шушпанов К.С. Запрет эвтаназии: имманентный предел или ограничение права на жизнь? // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 66.

² Маковеев Д.В. Жизнь человека. Насилие и смерть: аспекты социально-философского анализа. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2004. С. 80.

³ Ивченко И.А. Эвтаназия как общественный феномен: социально-философский анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 96.

⁴ О религиозном составе населения России [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/475657&full> (дата обращения: 14.03.2020).

убийства по просьбе потерпевшего в перечень преступлений против жизни в уголовный закон.

Но, несмотря на почти общий протест широкой общественности в анализируемом вопросе, следует заметить, что эпоха научно-технической революции не прошла бесследно относительно мировоззрения общества. Как отмечает Д.В. Маковеев, все большее внимание сегодня люди уделяют образу и качеству жизни¹. Задумываясь о смерти, современный человек свой уход из жизни хочет реализовать как можно безболезненней для себя. Возможно, именно поэтому вопрос об эвтаназии поднимается все чаще и с большей силой. Можно заметить, что в современной культуре, как также верно подчеркивает Н.В. Ющенко, жизнь так и осталась безусловной ценностью, а вот смерть стала абсолютным злом, которое обрывает человеческие планы и не дает сбыться заветным мечтам. При этом, продолжает автор, акцент (религиозный) переносится с вечной жизни на повседневную жизнь, что говорит о возникновении новых принципов, где ориентация сместилась, и главным стало, еще раз подчеркнем, качество жизни в повседневности, избавление от духовно-душевных и телесных напряжений, боли². Но, несмотря на все эти изменения, Россия остается верной историческим традициям, где все-таки растет спрос на религиозно-нравственные ценности, в связи с чем, эвтаназия не просто остается запрещенной, но и уголовно наказуемой.

И в подтверждение сказанного, приведем пример президентских поправок, внесенных в Конституцию РФ, которые, на наш взгляд, и показывают ориентир развития общества и неготовность уйти с позиции формирования духовных и нравственных ценностей. В них, в частности, сказано, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также

¹ Маковеев Д.В. Жизнь человека. Насилие и смерть: аспекты социально-философского анализа. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2004. С. 56.

² Ющенко Н.В. Эвтаназия: аксиологический и антропологический аспекты: дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 66.

преемственность в развитии российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

2. Высокая вероятность симуляции и подлогов.

При рассмотрении указанного условия, весьма наглядно, по нашему мнению, будет провести аналогию с такими проблемными процессами как статистика и преступность, и влияние одного на другое. В одной из своих работ Н.А. Лопашенко, анализируя недостоверность официальной статистики относительно преступности, приводит обстоятельства, которые могли бы повлиять на искажение статистических данных, заостряя внимание на таких преступлениях, как убийства, которые «труднее всего спрятать, не включить в статистику в силу низкой латентности»¹. В чем же парадокс? Почему в некоторых случаях реально совершенное убийство, не будет отражено в статистике, как таковое? Н.А. Лопашенко, определяя эти условия и отвечая на заданный нами вопрос, пишет о такой, всем известной, законодательной конструкции, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК). По мнению автора, вышеназванное преступление – это фактически то же самое убийство, отличающееся важным фактом – оно не учитывается в официальной статистике, как убийство². В связи с этим и происходит главное – подмена реальных данных, искажение официальных показателей преступности в России.

Проведя параллель с данным негативным процессом, следует отметить, что подобная ситуация (подлог), может произойти и в том случае, когда в действительности убийство будет носить *не* привилегированный характер, а квалификация на практике, благодаря имитации просьбы потерпевшего о причинении себе смерти и (или) его болезненного состояния, будет происходить по предлагаемой статье со смягчающими обстоятельствами.

¹ Лопашенко Н.А. Уголовный закон и статистика преступности: параллельное существование // Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития: сб. ст. по матер. I междунар. науч.-практ. конф. (21-22 сентября 2012 г.) / под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. Т. I. М.: Юриспруденция, 2013. С. 53.

² Там же. С. 54.

Мы опять же получим не только изменение действительной информации об убийствах без смягчающих обстоятельств, но и несправедливые (заниженные) наказания для лиц, которые в действительности совершили преступление повышенной общественной опасности.

Возможны ли такие случаи при введении привилегированного состава преступления, когда лицо будет точно знать, что за это деяние ему грозит минимальное наказание? Безусловно. Об этом пишут почти все авторы, которые так или иначе рассматривают вопрос эвтаназии или касаются инициативы выделения состава со смягчающими обстоятельствами.

Так, Н.Е. Крылова цитирует ученых – криминалистов из Швейцарии, которые указывают на то, что простого желания или согласия уйти из жизни при квалификации привилегированного состава преступления недостаточно. В случаях волеизъявления лица о желании смерти, поведение потерпевшего становится похожим на действия подстрекателя. При этом не имеет значения, как отмечает автор, что породило инициативу со стороны потерпевшего лица. Но главное, что действия исполнителя, то есть субъекта преступления, не должны быть единственным источником инициативы причинения смерти со стороны потерпевшего лица, иначе будет иметь место симуляция рассматриваемого привилегированного состава преступления¹. Т.Т. Алиев, анализируя доводы противников эвтаназии, опровергая многие из них, останавливается только на одном, с которым, по его мнению, нельзя не согласиться – велика возможность злоупотреблений при применении эвтаназии². В работе М.М. Антоненко красной нитью проходит основная проблема правового регулирования реализации права на смерть – не исключены злоупотребления процедурой эвтаназии³.

¹ Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика (уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 213.

² Алиев Т.Т. Эвтаназия в России: право человека на ее осуществление // Современное право. 2008. № 4. С. 48.

³ Антоненко М.М. Эвтаназия как разновидность убийства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград. 2018. С. 197.

Но, несмотря на все эти многочисленные высказывания, которые отражают, в первую очередь, сомнение, тревогу и осторожность при решении такого важного вопроса, сторонники привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего, а также эвтаназии, пытаются и в случае явной угрозы симуляции и подлогов, все-таки предложить надлежащие правовые механизмы, направленные на защиту от злоупотреблений и выявление способов доказательств противоправных действий.

На основании изложенного считаем, что в случае введения нового привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего лица имеется большая вероятность случаев подлога, симуляции, злоупотреблений и, как следствие, возможно, изменение реальных данных об убийствах без смягчающих обстоятельств. Полагаем, такие возможные ситуации лучше не допускать вообще, чем потом бороться с этими проявлениями¹.

Таким образом, двумя основными условиями, которыми, на наш взгляд, можно оправдать нецелесообразность введения привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего, являются: неготовность общества и государства в целом к выделению отдельного привилегированного вида убийства по просьбе потерпевшего лица; высокая вероятность симуляции и подлогов.

Исходя из этого, примыкая к авторам, которые считают, что эвтаназия – это полноценное убийство, за которое смягчать ответственность в рамках новой привилегированной статьи нет необходимости, и что все смягчающие обстоятельства (в том числе, мотив сострадания и согласие лица на причинение смерти) могут быть учтены при выборе наказания², полагаем, что убийство при волеизъявлении лица о причинении ему смерти должно квалифицироваться по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК как одна из разновидностей

¹ См.: Штанькова А.П. Условия нецелесообразности введения привилегированного состава убийства, совершенного по мотиву сострадания, по просьбе потерпевшего // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 370.

² Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М.: Зерцало-М, 2008. С. 158; Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 154.

простого или квалифицированного вида убийства. Анализ, проведенного анкетирования также показал, что большинство опрошенных лиц не готовы видеть в уголовном законодательстве такой привилегированный состав преступления, как убийство, совершенное по просьбе потерпевшего лица¹.

Начиная анализ указанного состава преступления, мы оговорились, что законодатель относительно сегодняшней юридической оценки этого поведения прав лишь отчасти. Оставляя уголовно-правовую квалификацию без изменения, мы предлагаем поправку, которая, на наш взгляд, будет отражать сущность данного преступления: включение в перечень обстоятельств, смягчающих наказание, признака волеизъявления лица о причинении ему смерти.

Полагаем, это будет дополнительным условием для индивидуализации уголовной ответственности, так как признак волеизъявления лица о причинении ему смерти, играя первостепенную роль даже в сравнении с мотивом сострадания, изменяет степень общественной опасности лица, совершающего преступление. И опережая возможные возражения, сразу оговоримся в том, что, несмотря на неисчерпывающий характер ст. 61 УК, правоприменитель при назначении наказания больше ориентируется на закрепленные признаки в законе, чем на признаки, которые в законе не закреплены, но которые могут иметь место при совершении преступления. Именно поэтому включить признак волеизъявления лица о причинении ему смерти в перечень смягчающих наказание обстоятельств, полагаем, будет важным условием для назначения справедливого наказания.

На основании изложенного целесообразно привести точную редакцию предлагаемого признака: *е¹) совершение преступления в связи с волеизъявлением лица о причинении ему смерти либо по мотиву сострадания)* и обозначить его местоположение в ч. 1 ст. 61 УК.

¹ 73,5 % опрошенных лиц считает, что уголовное законодательство России не нуждается в дополнении привилегированной нормой об ответственности за убийство, совершенное по просьбе потерпевшего лица.

3. Псевдопривилегированные составы преступлений

Под уголовной политикой понимается только та часть государственной политики в области борьбы с преступностью, которая осуществляется средствами и методами уголовного права¹. Если меняется уголовная политика, изменению подвергаются, соответственно, и нормы уголовного законодательства. Исходя из этого, полагаем, что уголовная политика и уголовный закон, безусловно, между собой связаны. Об этом говорит и Н.А. Лопашенко, указывая, что уголовно-правовая политика, как никакая другая, жестко законодательно регламентирована, ее стратегия и тактика полностью отражается в Уголовном кодексе и вносимых в него изменениях и дополнениях². Именно поэтому определить характер, сущность и качество уголовной политики можно достаточно легко, стоит только обратить внимание на процесс, называемый законотворчеством, а так как отечественный уголовный кодекс в настоящий момент, по словам А.Г. Кибальника и не только³, характеризуется не иначе как бессистемный, противоречивый и даже нарушающий сам закон, а юридическая техника криминализуемых деяний не отвечает соответствующим требованиям и правилам, то современная уголовно-правовая политика, надо признать, является не идеальной.

Подобная ситуация, как опять же отмечают многие авторы, возникает потому, что уголовный закон, подвергаясь реформированию путем

¹ Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / В.Н. Кудрявцев, П.С. Дагель, Г.А. Злобин и др. М.: Наука, 1982. С. 21 (автор главы – В.Н. Кудрявцев).

² Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 200.

³ Кибальник А.Г. О минимизации возможности политически мотивированного применения уголовного кодекса // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября - 1 октября 2019 г.) / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. академии, 2019. С. 166; Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 148; Ассоциация юристов России предлагает написать новый Уголовный кодекс // Российская газета. 2012. 24 фев.

многочисленных вмешательств (изменений и дополнений) в текст закона, стал демонстрировать явные нарушения принципов, концептуальных положений, установленных в нем же, а также проблемы с редакционной составляющей вводимых составов¹.

Эти некорректные процессы легли в основу появления случаев, когда в уголовный закон стали включать деяния, которые не отвечают признакам преступления, не характеризуются необходимым для преступного деяния уровнем общественной опасности и, по сути, не должны признаваться общественно - опасным действием или бездействием, но законодателем определяются, как преступления. О такой форме погрешности Н.А. Лопашенко говорит: «в сущности сторона этого процесса - законная, по факту – искажающая, а то и уничтожающая закон, и часто ее последствия гораздо более вредоносны, нежели иные искривления уголовного закона, и название этой проблеме – псевдопреступления, или, их еще называют, квазипреступления»².

Первооснова указанных составов, которые, на наш взгляд, являются продуктом ошибок законодателя, состоит в том, что деяния, признаваемые законом преступлениями, на самом деле, в силу, как уже выше отмечалось, меньшей общественной опасности, а иногда и вовсе ее отсутствия, оказываются административно – правовыми правонарушениями³. При этом понятие псевдопреступления уже вошло в научный оборот. Идею псевдопреступления применяют как теоретическую основу системы обстоятельств, исключаящих преступность деяния, включают в основу

¹ Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 202.

² Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 255.

³ Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 255.

извинительных ошибок, казусов, добровольных отказов от совершения преступления, наличия невменяемости и малозначительных деяний¹.

Кроме того, суть псевдопреступлений используется авторами и для описания других понятий в уголовном праве. Н.М. Елисеева, анализируя квазисоучастие в преступлении, употребляет это понятие в виде мнимого участия лица в совершении преступления в роли исполнителя и понимает под квазисоучастием деяние, не обладающее применительно к его исполнителю признаком общественной опасности в уголовно-правовом его понимании, но объективно социально опасное².

Таким образом, приставка - псевдо или - квази, которая переводится с латинского, как «мнимый» или «ненастоящий»³, дает основное направление в уяснении того понятия, к которому эта приставка присоединяется, то есть отражает то ложное, что существует только в представлении кого-либо, но не является этим на самом деле. Наличие их (приставок) в слове или словосочетании свидетельствует об отсутствии необходимых признаков и, как следствие, юридического основания считать такое понятие истинно верным.

К сожалению, эта проблема в уголовном законодательстве становится более масштабной, и очень похожее негативное явление есть и в сфере уголовно-правового регулирования рассматриваемых нами привилегированных составов преступлений.

В Особенной части УК дифференциация уголовной ответственности в основном представлена посредством смягчающих и отягчающих обстоятельств, входящих в качестве признаков в состав преступления. Подобные признаки принято называть квалифицирующими и

¹ Веселов Е.Г. Граница преступного и непроступного // Уголовное право. 2004. № 3. С. 39.

² Елисеева Н.М. Квазисоучастие в самоубийстве: актуальные проблемы криминализации и дифференциации ответственности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 7.

³ Академик [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.academic.ru/%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%B7%D0%B8/en/ru/> (дата обращения: 06.09.2016).

привилегирующими. Для нас, безусловно, имеют значение последние. Правовые последствия закрепления в законе привилегированных составов преступлений выражаются в установлении новых, пониженных пределов санкций и менее суровых видов наказаний по сравнению с составами преступлений, не содержащими привилегирующих признаков. Так смягчающие обстоятельства вторгаются в сферу дифференциации уголовной ответственности¹.

Законодатель, увеличивая и без того уже объемный уголовный кодекс, устанавливает уголовно-правовой запрет совершения таких деяний, которые, по его мнению, отражают меньшую общественную опасность и влекут, соответственно, за собой понижение наказания. Так, федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ ввел такие составы преступлений, как «мелкий коммерческий подкуп» (ст. 204² УК), «мелкое взяточничество» (ст. 291² УК), а федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ дополнил уголовный кодекс также нормой об уголовной ответственности за совершение мелкого хищения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹ УК). Новые составы демонстрируют понижение уголовной ответственности посредством санкций, которые действительно устанавливают более мягкое наказание в сравнении с основными составами (ч. 1 ст. 204, ч. 1 ст. 291, 158 УК)², что дает некоторым ученым основания признавать данные нормы привилегированными, тем более что и в одной из пояснительных записок к проекту Федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ, положенному в основу рассматриваемых изменений и дополнений в УК, введение, как указывается, *привилегированных составов* взяточничества и коммерческого подкупа мотивировано *небольшой общественной опасностью* таких

¹ Донец С.П. Квалифицированные и привилегированные составы преступлений в системе уголовно-правового воздействия: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 81.

² Алексеева А.П., Иванов А.С. Обзор изменений в антикоррупционном законодательстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 94, Огородникова Н.В. Уголовно-правовой запрет как инструмент предупреждения преступлений: национальный и зарубежный опыт учета привилегирующих признаков убийства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 2. С. 78.

преступлений и необходимостью «реализации принципа справедливости при назначении уголовного наказания за эти деяния»¹.

Так, к примеру, А.В. Коваль считает, что в системе уголовно-правовых норм об ответственности за взяточничество состав мелкого взяточничества является составом при смягчающих обстоятельствах². С.А. Гордейчик и др. соавторы усматривают возможную привилегию упомянутых норм в виде существенного уменьшения объема уголовной ответственности и полагают, что это оправдано при отсутствии квалифицирующих признаков³. В.В. Мальцев, подтверждая вышеуказанное мнение, писал, что мерой собственности всегда выступала и продолжает выступать ее стоимость. Потому и главным критерием общественной опасности хищений, который находится в основе дифференциации преступлений по видам, является, как раз-таки, стоимостное выражение вреда, который причиняется собственности. Чем больше вред, тем опаснее хищение, и, наоборот, чем он меньше, тем преступление менее опасно⁴. Также, несмотря на негативное отношение к закреплению ответственности за мелкую взятку в отдельной статье, С.В. Анощенкова и С.С. Геворкян полагают, что единственным отличительным (привилегирующим) признаком является лишь размер взятки⁵.

Таким образом, авторы, определяя, что составы мелкого хищения, мелкого взяточничества и мелкого коммерческого подкупа можно считать привилегированными, поясняют свои позиции отсутствием в некоторых случаях, а именно, в составе мелкого повторного хищения

¹ Проект № 1079243-6 федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее проект № 1079243-6).

² Коваль А.В. Дифференциация ответственности за взяточничество в уголовном кодексе Российской Федерации: проблемы и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41). С. 48.

³ Егорова Н.А., Егоров А.Г., Гордейчик С.А. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства // Законность. 2017. № 1. С. 54.

⁴ Мальцев В.В. Преступления против собственности: дифференциация ответственности и устранение пробелов в законодательстве // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 32.

⁵ Анощенкова С.В., Геворкян С.С. Взятничество мелкое – вопросы крупные // Законность. 2017. № 3. С. 45.

квалифицирующих признаков, но заостряют свое внимание на том, что анализируемые составы, в том числе и мелкое взяточничество, и мелкий коммерческий подкуп, наделены меньшей степенью общественной опасности в связи с пониженным стоимостным диапазоном ущерба, причиняемого виновным.

Краткий анализ введенных составов в сравнении с основными составами преступлений, полагаем, даст нам наглядную картину причин расслоения уголовной ответственности и условий понижения степени общественной опасности.

Так, ч. 1 ст. 204² УК предусматривает ответственность за коммерческий подкуп на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, ч. 1 ст. 291² УК – за получение взятки, дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, ст. 158¹ УК – за кражу, стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей. Меняются и наказания за эти преступления. Следует сопоставить наказания в виде лишения свободы и ограничения свободы в новых, введенных в УК РФ составах и в их базовых составах преступлений.

Таблица 6

**Сравнение наказания в виде лишения свободы
за основные виды хищения и мелкое хищение, совершенное лицом,
подвергнутым административному наказанию**

Статьи УК РФ	Лишение свободы
Кража (ч. 1 ст. 158 УК)	до 2-х лет
Мошенничество (ч. 1 ст. 159 УК)	до 2-х лет
Присвоение или растрата (ч. 1 ст. 160 УК)	до 2-х лет
Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹ УК)	до 1 года

Таблица 7

**Сравнение наказания в виде ограничения свободы
за основной состав коммерческого подкупа и состав коммерческого
подкупа на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей**

Статьи УК РФ	Ограничение свободы
Коммерческий подкуп (ч. 1 ст. 204 УК)	до 2-х лет
Мелкий коммерческий подкуп (ч. 1 ст. 204² УК)	до 1 года

**Сравнение наказания в виде лишения свободы за получение взятки,
дачи взятки и за аналогичные деяния,
но в размере, не превышающем десяти тысяч рублей**

Статьи УК РФ	Лишение свободы
Получение взятки (ч. 1 ст. 290 УК)	до 3 лет со штрафом в размере от десятикратной до двадцатикратной суммы взятки или без такового
Дача взятки (ч. 1 ст. 291 УК)	до 2 лет со штрафом в размере от пятикратной до десятикратной суммы взятки или без такового
Посредничество во взятничестве (ч. 1 ст. 291 ¹ УК)	до 4 лет со штрафом в размере до двадцатикратной суммы взятки или без такового
Мелкое взятничество (ч. 1 ст. 291 ² УК)	до 1 года

Таким образом, во всех случаях происходит снижение срока наказания; тем самым законодатель устанавливает разницу в санкциях вновь введенных составов с основными (базовыми) составами преступлений в сторону уменьшения. Полагаем, что снижение наказания – есть логическое следствие того, что в нормах присутствует понятие «мелкое (ая)», которое демонстрирует размер подкупа, взятки или хищения и подчеркивает их небольшую общественную опасность. На это обращают внимание и другие авторы¹.

Однако для того, чтобы норма была привилегированной, в конструкцию состава должны быть включены признаки, которые делали бы ее именно такой (привилегированной), позволяющие снизить уголовную ответственность и наказание². В первом параграфе настоящего исследования мы отмечали, что фактором, отличающим и одновременно характеризующим привилегированные составы преступлений, является наличие в составах конструктивных признаков (признаков - привилегий), влияющих на построение привилегированных норм путем создания определенных льготных условий.

¹ Палий В.В. Преступление и проступок: проблемы соотношения // Lex Russica. 2017. № 7 (128). С. 115.

² См.: Штанькова А.П. Более мягкое наказание как мнимое основание для признания составов мелкого хищения, мелкого взятничества и мелкого коммерческого подкупа привилегированными // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2 (26). С. 180.

В рассматриваемых случаях законодатель, регламентируя меньший размер взятки, подкупа, хищения, показывает, так называемый, «перепад» в уровне общественной опасности по сравнению с деянием, содержащим основной состав преступления, но не включает конструктивный признак, который бы служил основанием смягчения уголовной ответственности, так как особенность (меньшая сумма) предмета посягательства не отражает указанных выше исключительных условий, обстоятельств, лично ориентированных только на субъект преступления в момент совершения общественно опасного деяния. Нам представляется, что этот признак должен быть отражен в норме дополнительно для признания состава привилегированным.

Если мы, к примеру, возьмем составы причинения средней тяжести и легкого вреда здоровью, то увидим, что, несмотря на то, что степень общественной опасности в данных составах по сравнению с тяжким вредом варьируется в зависимости от причиненного вреда здоровью, и санкции в зависимости от этого изменяются тоже, привилегированными мы можем эти составы признать только при наличии смягчающих обстоятельств, так как они влияют на поведение человека, в некоторых случаях инициируют совершение преступления и впоследствии изменяют уголовно-правовую оценку в сторону ее смягчения. В умышленном причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта таковыми служат провоцирующие действия со стороны потерпевшего лица, а также состояние аффекта, которое возникает под влиянием действий, указанных в диспозиции ст. 113 УК.

Таким образом, размер причиненного вреда может изменять степень общественной опасности, влиять на изменение (понижение) наказания, но не может считаться привилегированным признаком в силу невозможности признания его (размера вреда) обстоятельством, имевшим место при совершении преступления и приводящим к реализации преступных действий.

Исходя из сказанного, полагаем, что подобные признаки в рассматриваемых составах преступлений отсутствуют, а дифференциация уголовной ответственности проводится законодателем посредством разграничивающих преступления признаков, которые отражают определенный (меньший) размер причиненного вреда, но не являются по своей природе смягчающими обстоятельствами.

Таким образом, считаем, что данные нормы не являются привилегированными и не содержат подобных конструктивных признаков.

Помимо ст. 204², 291² и 158¹ УК, как показывает анализ юридической литературы, некоторые авторы относят к разряду привилегированных еще и дифференцированные виды мошенничества, а именно ст. 159¹-159⁶ УК¹. Изначально состав мошенничества в уголовном законодательстве был представлен единственным составом – ст. 159 УК. Позднее, а именно 29 ноября 2012 г. федеральный закон № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были включены шесть новых специальных видов мошенничества², как сказано в пояснительной записке к законопроекту, в большей степени для того, чтобы дифференцировать уголовную ответственность за различные виды мошенничества и обеспечить защиту интересов граждан на должном уровне.

Новые изменения вызвали среди ученых в области уголовного права достаточно бурные дискуссии, которые были обусловлены и сомнением в необходимости новых норм, и более мягким наказанием, установленным за отдельные мошеннические проявления. Так, Н.А. Лопашенко, проанализировав санкции рассматриваемых статей, пришла к выводу, что

¹ Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Социально-правовые основания уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 2. С. 279.

² Указываем в прошедшем времени, так как следующим федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 159⁴ УК РФ была из уголовного кодекса исключена.

привилегированный характер уголовной ответственности мошенничества хорошо прослеживается в отношении таких его видов, как мошенничество в сфере кредитования, при получении выплат, в сфере страхования и компьютерное мошенничество, так как именно в этих составах законодатель исключил лишение свободы как вид наказания¹.

При этом одна из норм – мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159⁴ УК) – вызвала самый большой интерес доктрины². Как заметили В.Ф. Щепельков, Н.И. Пряхина, норма (ч. 3 ст. 159⁴ УК) содержала санкцию с очень сильным расхождением в сроках лишения свободы по сравнению с другими видами мошенничества: пять лет лишения свободы, тогда как за остальные виды мошенничества максимальное наказание в виде лишения свободы составляло десять лет. Так, логически авторы пришли к выводу, что, по меньшей мере, формально, ст. 159⁴ УК является привилегированной, поскольку ответственность за этот вид мошенничества гораздо ниже в сравнении с другими видами. Они указывали, что официальных объяснений, почему эта норма является привилегированной, нет, и утверждали, что такое смягчение наказания явно не будет способствовать достижению целей введения данной нормы, а именно защиты интересов граждан от подобных посягательств³.

Основания считать этот состав привилегированным находили и другие ученые. Хотя А.В. Иванчин также оговаривается, что логику законодателя, выраженную в снижении ответственности, понять сложно, так как наказание смягчается, а ущерб, причиняемый за данный вид мошенничества увеличивается по сравнению с основным составом, он, как бы то ни было, объясняет свою позицию значительного снижения наказания нового

¹ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. 3. Формы хищения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С.74.

² Огородникова Н.В. К вопросу о привилегированной ответственности мошенников-предпринимателей // Общественные науки: актуальный взгляд и перспективы развития. 2017. Т. 3, № 1. С. 46.

³ Щепельков В.Ф., Пряхина Н.И. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: новый привилегированный состав?! // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Вып. 4. С. 51.

введенного состава по сравнению с основным составом мошенничества включением в структуру дополнительного объекта, в качестве которого выступает порядок осуществления предпринимательской деятельности¹. Но и это объяснение, на наш взгляд, является весьма сомнительным, так как наличие второго объекта повышает уровень общественной опасности преступления.

Таким образом, авторы, усматривая, на первый взгляд, некую привилегированность состава мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, обосновывают свои мнения разницей в пределах наказания, предусмотренного в виде лишения свободы, составляющей пять лет, тогда как за другие виды мошенничества этот срок законом установлен в десять лет. Однако, не находя достаточных объяснений подобному смягчению ответственности и более того, констатируя нарушение принципа равенства в отношении субъектов других видов мошенничества, они обращают внимание, что сама норма и, соответственно, наказание за нее оказываются несправедливыми. Отсюда можем сделать небольшой вывод: внешне кажущаяся привилегированность состава мошенничества в сфере предпринимательской деятельности таковой в действительности не является, так как, во-первых, уменьшение наказания еще не показатель к определению состава, как привилегированного, а во-вторых, ст. 159⁴ УК не содержала ни одного обстоятельства или признака, изменяющего степень общественной опасности и влияющего на дифференциацию уголовной ответственности, а сфера экономической деятельности сама по себе не может служить таким основанием.

Тенденция уголовной политики, направленная в сторону гуманизации ответственности за специальные виды мошенничества, продолжилась и после того, как федеральными законами в эти составы были внесены значительные изменения. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ ст. 159⁴ была

¹ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 281.

исключена из УК и одновременно федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ мошенничество в сфере предпринимательской деятельности было включено в содержание ст. 159 УК с дополнительными тремя новыми частями (ч.ч. 5 - 7).

Так, ч. 5 - 7 ст. 159 УК устанавливают ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Основными отличительными чертами этого вида мошенничества являются: 1) то, что действия должны быть сопряжены с умышленным неисполнением виновным лицом обязательств по договору в сфере предпринимательской деятельности, где виновным лицом может быть только индивидуальный предприниматель или представитель коммерческой организации, а также 2) то, что обязательным элементом состава выступает размер причиняемого значительного ущерба, который описан в примечании к ст. 159 УК и составляет не менее десяти тысяч рублей¹. Важно также обозначить, что в ч. ч. 6 и 7 указанной статьи крупным и особо крупным ущербом признается стоимость имущества, превышающая 3 млн руб. и 12 млн руб. соответственно. И как верно на этот счет замечает М.В. Перевалов, существует огромная разница между обычным мошенничеством, где причиненный ущерб на сумму более 1 млн руб. представляет собой тяжкое преступление с предельной санкцией в десять лет лишения свободы, и мошенничеством в сфере предпринимательской деятельности с ущербом на ту же сумму, которое является преступлением уже средней тяжести и может наказываться лишением свободы сроком до пяти лет².

Кроме того, рассматриваемый вид мошенничества может считаться уголовно наказуемым деянием только в том случае, когда ущерб индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации

¹ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. 3. Формы хищения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 145.

² Перевалов М.В. Ответственность за мошенничество в предпринимательской сфере и принцип справедливости // Символ науки. 2018. № 4. С. 66.

составляет не менее десяти тысяч рублей (в соответствии с указанным выше содержанием примечания), в то время как обычное мошенничество на сумму до десяти тысяч рублей является преступлением средней тяжести. Н.А. Лопашенко по этому поводу задается вполне логичным вопросом: «На основании чего и почему установлены такие преференции для мошенников-предпринимателей?», и далее, отвечая, говорит: «Разумных объяснений этому нет»¹.

Подводя промежуточный итог, отметим, что менее суровая ответственность за предпринимательское мошенничество и привилегии, отданные законодателем субъекту – предпринимателю, несправедливы, необоснованны, идут в разрез с положениями основного закона государства в части одинаковой защиты всех форм собственности, а также не могут характеризовать эти составы как привилегированные в связи с отсутствием основного критерия – наличия обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность.

Доктрина уголовного права приводит еще немало примеров, когда авторы, начиная считать смягчение наказания признаком, который может позиционировать привилегированность нормы, вводят этим утверждением многих в заблуждение. Еще один такой случай описывает Н.В. Огородникова - «за весь период действия закона, в УК не появилось ни одной статьи, которую бы законодатель прямо указывал как содержащую привилегированный вид преступления, но в действительности такие есть». И объясняет: это изначально «прописанные» в Кодексе составы заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией (ст. 121 – 122 УК), выступающие, по сути, привилегированными разновидностями соответственно средней тяжести (ст. 112 УК) и тяжкого (ст. 111 УК) вреда здоровью². С этим мы категорически согласиться не можем, хотя в научной литературе иногда

¹ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. 3. Формы хищения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 146.

² Огородникова Н.В. Совершенствование норм уголовного кодекса Российской Федерации как реализация уголовно-правовой политики // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3 (121). С.44.

можно увидеть доводы о том, что, к примеру, заражение венерической болезнью следует расценивать в качестве специфического вида причинения вреда здоровью¹. Однако даже это не все авторы признают верным².

При рассмотрении ложных представлений о привилегированности некоторых составов преступлений нельзя обойти стороной и такие уголовного-правовые понятия, как малозначительные деяния и уголовные проступки, так как они тоже характеризуются понижением, а в определенных случаях и исключением общественной опасности деяния.

Ст. 14 УК, предусматривая в своем содержании две части, раскрывает в ч. 1 понятие преступления, а в ч. 2 понятие малозначительного деяния, или, как указывает Д.Ю. Корсун, формально-материальное определение преступления, дополняя его негативным признаком: «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности»³. Основная суть этого предписания заключается в том, что совершаемое деяние: 1) формально становится похожим на преступление; 2) содержит все признаки состава преступления; 3) исключает наличие общественной опасности, что определяет главную особенность малозначительности деяния.

Такой законодательный подход относительно ч. 2 ст. 14 УК в науке уголовного права не всеми учеными приветствуется. Авторы высказываются как за, так и против, приводя разные аргументы⁴. Например, А.П. Козлов, рассматривая малозначительные деяния, приводит доводы о его ненужности

¹ См.: Дубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения. М., 1964. С. 74.; Штанькова А.П. Заражение венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией как разновидность псевдопривилегированных составов преступлений // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: тр. юрид. фак-та Астрах. гос. ун-та: сб. ст. заоч. науч.-практ. конф. Астрахань, 2021. С. 207.

² См., напр.: Фаргиев И.А. Уголовно-правовая оценка заражения венерической болезнью // Уголовное право. 2010. № 1. С. 43.

³ Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 21.

⁴ Мальцев В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. 1999. № 1. С. 17.

в уголовном законе, потому что есть иные привилегированные уголовно-правовые механизмы¹, которые применяются в случаях, когда индивидуальная общественная опасность фактически совершенного деяния достигает криминального уровня, но значительно ниже типовой общественной опасности преступления, отраженной в санкции соответствующей статьи УК². Д.Ю. Корсун, анализируя этот аспект, не разделяет указанного мнения, говоря, что нельзя применять уголовно-правовые репрессии (пусть и минимальные) к лицу, который фактически не совершил преступления³. С этим следует согласиться, более того, нам видится в этом та особенность, которая отличает привилегированные механизмы уголовного права вообще и привилегированные составы преступлений, в частности, от малозначительных деяний.

Несмотря на то, что преступления со смягчающими обстоятельствами наказываются гораздо мягче, они в сравнении с предписаниями о малозначительности деяния: 1) являются преступлениями; 2) сохраняют общественную опасность, пусть и меньшую в сравнении с основным составом; 3) не исключают привлечения лица к уголовной ответственности.

Еще одним вопросом, связывающим привилегированные составы преступлений с малозначительными деяниями, задается А.В. Иванчин. Можно ли установить составы со смягчающими обстоятельствами в некоторых случаях как малозначительные? Он пишет, что «если законодатель признает существование деяний, формально содержащих все признаки преступления, то логично признать и возможность совершения деяний с квалифицирующим (и даже привилегирующим) признаком, присутствующим в деле номинально, а не по существу»⁴. Похожим образом размышляет и Н.Г. Кадников, полагая, что отдельное привилегирующее

¹ Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 769-771.

² Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 25.

³ Там же. С. 25.

⁴ Иванчин А.В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex Russica. 2015. № 6. С. 25.

обстоятельство может быть малозначительным¹. Подробно анализировать этот спорный вопрос в данном случае считаем нецелесообразным, однако, если представить какой-то привилегирующий признак, к примеру состояние аффекта, малозначительным, то деяние с таким признаком необходимо будет квалифицировать не по ст. 107 УК, а уже по общей норме – ст. 105 УК, что будет являться, по меньшей мере, не справедливым, так как, по сути, деяние с таким признаком не должно было представлять общественной опасности, но по факту будет не только не исключать ответственность, но напротив ее повышать. Таким образом, основным отличием малозначительного деяния от привилегированного состава преступления является, прежде всего, наличие в последнем общественной опасности, хоть и меньшей по своему значению, что характеризует его как преступление. Тогда как малозначительное деяние не содержит в себе какой-либо общественной опасности и, тем более, смягчающего обстоятельства.

Что же касается уголовного проступка, то все чаще звучат идеи о внедрении такого правового института в уголовное законодательство. Так как уголовный проступок пока не включен в уголовный закон, нет и официального определения этого понятия. Однако в настоящее время существует законопроект, посвященный этому институту, и, как отмечает Н.А. Лопашенко, «не заморачиваясь поиском критериев для разграничения преступлений и проступков, Верховный суд дополнил положения ч. 2 ст. 15 УК, где уголовный проступок определил как преступление небольшой тяжести, за которое уголовным кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы»². Существуют также доктринальные толкования этого понятия. Так, А.Г. Кибальник считает, что в идеале, уголовным проступком должны быть признаны все преступления небольшой тяжести по

¹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 5: Понятие преступления. Состав преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 513-514 (автор главы – Н.Г. Кадников).

² Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 387.

действующему УК с назначением наказания в виде лишения свободы на срок до одного года либо наказания, не связанного с лишением свободы¹. С.А. Старостин и А.А. Фатьянов предлагают отнести к числу уголовных проступков преступления небольшой и частично средней тяжести, за которые в качестве основного вида наказания не предусмотрено лишение свободы, а также деяния, за которые в качестве основного вида наказания предусмотрен штраф в незначительных величинах². Вполне логичным решением ввести в уголовный закон уголовный проступок, наказание, за которое не будет связано с реальным лишением свободы и не будет влечь за собой судимость, но производство, по которым будет вестись, пусть и по упрощенной процедуре, в соответствии с принципами и гарантиями, предусмотренными УПК РФ, видит А. Александров³.

Основными условиями, которым должен отвечать уголовный проступок, исходя из высказанных предложений, являются: 1) категории преступлений (небольшой или средней тяжести); 2) соответственно, небольшая общественная опасность; 3) наказание (не связанное с лишением свободы; в виде лишения свободы, но до одного года; штраф). Несмотря на то, что в целом какие-то основополагающие моменты о понятии уголовного проступка уже выработаны, остается все равно много неясностей и трудностей и в понимании, и в реализации этой идеи на практике. Одной из таких проблем, полагаем, выступает уяснение признаков уголовных проступков и их отличие от привилегированных составов преступлений, которые также являются преступлениями небольшой и средней тяжести и характеризуются пониженной степенью общественной опасности. Для разграничения этих двух понятий, возьмем за основу перечень признаков, которые для уголовных проступков выработала Н.А. Лопашенко, и сравним

¹ Кибальник А.Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65.

² Старостин С.А., Фатьянов А.А. Уголовный проступок: правовая необходимость или очередная красивая теория? // Административное право и процесс. 2017. № 12. С. 24.

³ Александров А., Головкин Л., Есаков Г., Пашин С., Пастухов Н., Бахрахов А. Уголовный проступок: Новые грани уголовного закона // Закон. 2016. № 9. С. 23.

их с признаками привилегированных составов преступлений. Так, к признакам уголовных проступков следует относить: деяние (действие или бездействие) – как в преступлении, это основа проступка; это деяние совершается виновно, то есть умышленно или по неосторожности; это деяние характеризуется небольшой опасностью; это деяние противоправно; это деяние влечет наказание, предусмотренное уголовным законом для уголовного проступка (штраф, арест, обязательные работы)¹.

Если проанализировать привилегированные составы преступлений на основании этих же признаков, то мы получим: деяние (действие или бездействие) – так как это преступление; это деяние совершается виновно, но только умышленно; это деяние характеризуется меньшей опасностью в сравнении с основным составом; это деяние противоправно; это деяние влечет наказание, предусмотренное уголовным законом (исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы).

Таким образом, главное отличие между уголовным проступком и привилегированным составом преступления образуется именно в уровне общественной опасности, что приводит к изменению и в наказании. Привилегированный состав, хоть и отражает уменьшение степени общественной опасности, но не настолько низкое, как в уголовном проступке, где наказание тоже меняется, но является более строгим. Привилегированные составы преступлений совершаются только умышленно.

Покажем, как отличия могут быть выражены в диаграмме, но для начала определим цифровые показатели для каждого признака, которые будут служить критериями в демонстрации разницы значений. Для этого будем использовать 10 – бальную шкалу измерений (в нашем случае показателей в виде признаков) для их сравнения, как познавательной операции, которая используется для сходства и различия между критериями. Покажем это в таблице.

¹ Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 396.

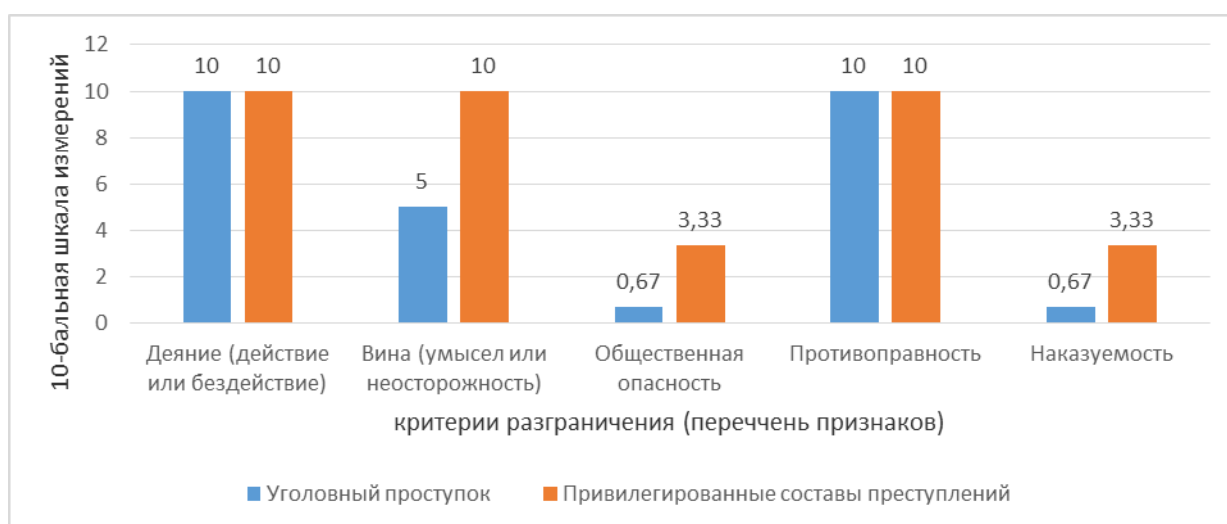
**Признаки преступлений как шкала измерений
для сравнительного анализа уголовного проступка
и привилегированных составов преступлений**

Признаки преступлений	Уголовный проступок	Привилегированные составы преступлений
Деяние (действие или бездействие)	10	10
Вина (умысел или неосторожность)	5	10
Общественная опасность	0,67	3,33
Противоправность	10	10
Наказуемость	0,67	3,33

Так как и уголовный проступок, и привилегированные составы преступлений выражаются в действительности определенным деянием в форме действия или бездействия, то их значения по шкале измерений будут одинаковыми – 10. Следующий признак вина - по субъективной стороне уголовный проступок отличается от привилегированных составов преступлений тем, что может совершаться как в форме умысла, так и по неосторожности, что в количественном показателе понижает его значение ровно в половину, то есть становится равным 5, в то время как привилегированным составам преступлений мы определяем 10 бальное значение, так как эти преступления совершаются только умышленно, а форма вины повышает в целом уровень общественной опасности. Признаки общественной опасности и наказуемости, являясь самыми яркими показателями неравенства между двумя понятиями, демонстрируют резкое изменение значений, согласуясь между собой. Для вычисления этих значений, берем максимальный срок лишения свободы среди всех привилегированных составов преступлений, который равняется 5 годам (ст. 106 УК), и у уголовного проступка – 1 год лишения свободы. А так как мы должны учитывать общественную опасность и наказуемость привилегированных составов (а от них и уголовных проступков) относительно основных составов преступлений, то для вычислений нам

будут необходимы предельно допустимые значения в виде максимальных сроков лишения свободы среди всех основных составов преступлений, а это 15 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 105 УК). Таким образом, используем формулу $X=(A \text{ max}/B \text{ max}) * C^1$, где А – это 10 бальная шкала, В – это максимальный срок лишения свободы среди всех основных составов преступлений (15 лет), С – это максимальный срок лишения свободы среди всех привилегированных составов преступлений (5 лет) и уголовного проступка (1 год). Подставляя значения, $X=(10/15)*5$ и соответственно, $X=(10/15)*1$, получается, что общественная опасность и наказуемость привилегированных составов преступлений в цифровом диапазоне = 3,33, а уголовного проступка = 0,67, что и демонстрирует их разность между собой. Противоправность же деяний числительно не изменяется и равняется 10, так как и проступок, и привилегированные составы преступлений одинаково противоправны. Исходя из этих данных построим для начала гистограмму, чтобы посмотреть наглядно разницу каждого признака.

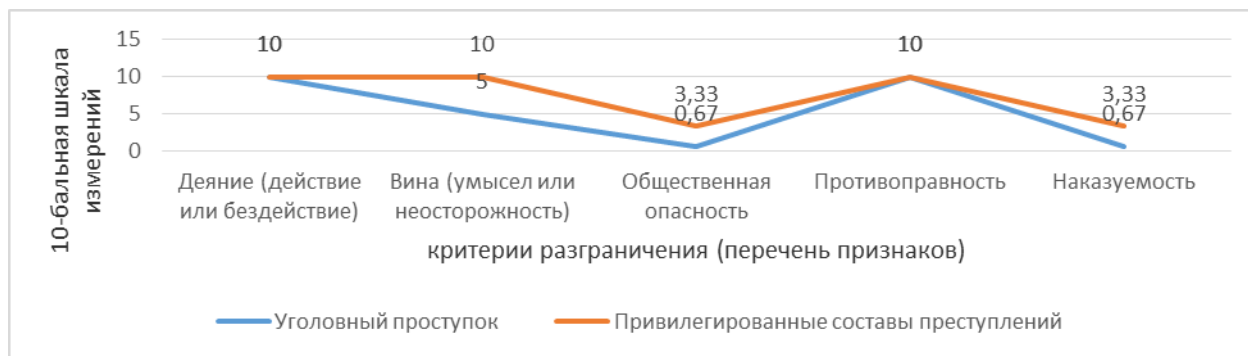
Диаграмма 3



Следующая диаграмма покажет, в каких точках значения пересекаются и имеют высшие и низшие пределы.

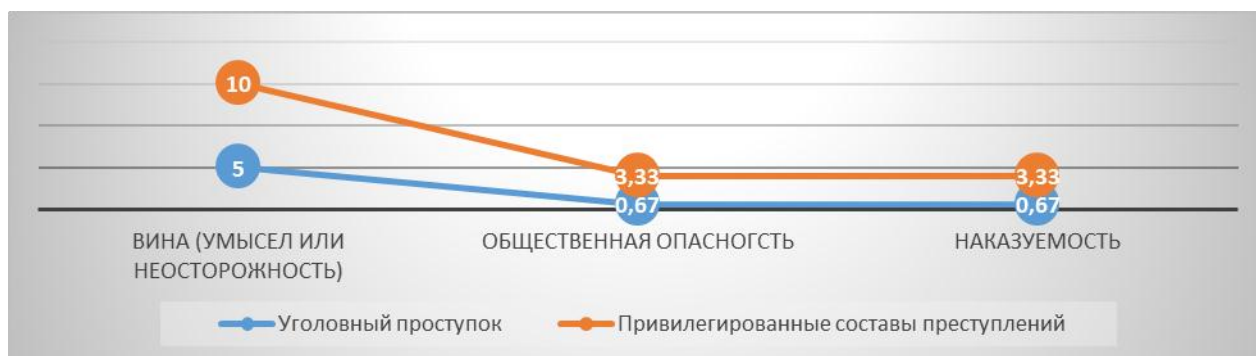
¹ См.: Математический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://mathportal.net/> (дата обращения: 15.09.2020).

Диаграмма 4



Вторую диаграмму необходимо построить уже без тех значений, которые демонстрируют равные значения между уголовным проступком и привилегированным составом преступлений.

Диаграмма 5



Таким образом, мы наглядно можем увидеть, что уголовный проступок и привилегированные составы преступлений не равны между собой, и по цифровым показателям уголовный проступок ниже привилегированных составов, но не достигает нуля. Исходя из этого, это не одинаковые понятия, они характеризуются разным уровнем общественной опасности и наказания, что наглядно демонстрируют представленные графики.

В качестве вывода по рассмотренному вопросу следует отметить, что авторы, расширяя искусственно перечень привилегированных составов преступлений, включают в него составы с меньшим уровнем общественной опасности по следующим критериям: вследствие использования законодателем в конструкции составов преступлений прилагательного «мелкий (ая)»; вследствие наличия разграничивающих преступления

признаков, которые отражают определенный размер причиненного вреда; вследствие меньших общественно опасных последствий, а также совершения преступления по неосторожности.

На наш взгляд, такое положение является в корне неверным и влечет необходимость определения таких составов, как псевдопривилегированных.

Введенные нормы, регулирующие «мелкое хищение», «мелкий коммерческий подкуп» и «мелкое взяточничество», а также составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 121 и 122 УК, не могут характеризоваться наличием в них обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, которые бы уточняли, типизировали и вычленили из общей массы преступных деяний составы с еще более выраженным комплексом особенных признаков¹. Это объясняется тем, что привилегирующие признаки должны детализировать и сужать общее до рамок единичного, а рассматриваемые нормы, по нашему мнению, не обладают и не могут обладать наличием подобных критериев, так как существенность перепада уровня общественной опасности в данных составах зависит от других направлений дифференциации уголовной ответственности, которые не имеют в своем основании наличие смягчающих признаков.

Таким образом, считаем, что данные нормы не являются привилегированными и не содержат подобных конструктивных признаков, а более того являются псевдопривилегированными. На основании изложенного, под *псевдопривилегированными составами* следует понимать составы преступлений, по мнению законодателя, имеющие пониженную общественную опасность в связи с включением в конструкцию составов признаков, влияющих на дифференциацию уголовной ответственности, но в своей сущности не содержащих смягчающие обстоятельства и не являющихся привилегирующими (ст. ст. 204², 291², 158¹, 159¹-159⁶, 121 – 122

¹ Чистяков А.А. Дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора юридических наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации Льва Леонидовича Кругликова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2015. С. 24.

УК). И, как указывает А.В. Шульга, такое утверждение имеет практическое значение для квалификации и дифференциации уголовной ответственности, а именно для построения привилегированного состава¹.

¹ Шульга А.В. Уголовная ответственность за хищение на современном этапе // Российский следователь. 2007. № 12. С. 24.

ГЛАВА 3. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПЕНАЛИЗАЦИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМИ СОСТАВАМИ

§ 1. Дифференциация уголовной ответственности в отношении преступлений с привилегированными составами

Еще одним из генеральных направлений в уголовно-правовой политике любого развитого общества в сфере борьбы с преступностью, на которое также оказывает влияние характер и типовая степень общественной опасности, выступает дифференциация ответственности лиц, нарушивших уголовный закон. Понимают под дифференциацией уголовной ответственности разграничение, разность, различие, разделение на элементы, категории, виды в зависимости от выбранного критерия с целью назначения наиболее справедливого наказания¹.

По мнению Е.А. Тимофеевой, «дифференциация уголовной ответственности – это градация (разделение) уголовной ответственности с учетом определенного рода обстоятельств и с помощью правовых средств Общей и Особенной частей уголовного кодекса самим законодателем в уголовном законе»². Из этого следует, что субъектом дифференциации в законе является законодатель³.

Присутствуют и другие точки зрения, авторы которых занимают такую же позицию относительно субъекта дифференциации, а вот на вопрос, что именно он дифференцирует, определенного ответа не дают⁴. Так,

¹ Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 64-65.

² Тимофеева Е.А. О дифференциации уголовной ответственности и ее соотношении со смежными правовыми явлениями // Вестник Института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 4. С. 22.

³ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 295.

⁴ Ширшов А.А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 26; Кротов С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 10.

Ю.Б. Мельникова характеризовала ее как различие в видах ответственности за разные правонарушения¹, Л.Л. Кругликов видит дифференциацию как разделение на виды (формы), в зависимости от типичных свойств групп правонарушений². Несмотря на наиболее емкую, по определению М.В. Бавсуна³, дефиницию понятия дифференциации уголовной ответственности, которую предложила Т.А. Лесниевски-Костарева⁴, нам близка позиция Е.В. Роговой, говорящей о «разделении мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления и мягкостью за преступления небольшой и средней тяжести»⁵.

Таким образом, указанные подходы к определению дифференциации уголовной ответственности дают нам основание полагать, что различия все-таки есть, в большей степени касаются они частных аспектов (к примеру, что конкретно вкладывает автор в сущность разделения ответственности), но по общим вопросам дифференциации среди ученых достигается единство взглядов. Так, признается, что дифференциация уголовной ответственности пронизывает весь уголовный закон. По мнению Э.С. Тенчова, например, она может быть представлена несколькими уровнями: 1) структурой Общей части уголовного права; 2) структурой Особенной части уголовного закона (расположение разделов и глав); 3) структурой глав Особенной части УК РФ (расположения в них статей); 4) структурой статей Особенной части

¹ Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989. С. 17.

² Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 62 (автор главы – Л.Л. Кругликов).

³ Бавсун М.В., Николаев К.Д., Мишкин В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 137.

⁴ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и практика. М., 1998. С. 52.

⁵ Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 161.

(градация ответственности за простые, квалифицированные и привилегированные разновидности преступлений)¹.

Нас же больше интересует вопрос особенностей дифференциации уголовной ответственности в отношении преступлений с привилегированным составом. Для этого необходимо обратиться к исходным аспектам, к основанию, средствам, а также принципам градации ответственности относительно привилегированных составов преступлений.

Проблема определения основания дифференциации уголовной ответственности является достаточно дискуссионной. Н.М. Кропачев, не конкретизируя, относит к основанию общественную опасность². А.И. Коробеев, помимо обстоятельств, отягчающих и смягчающих ответственность³, выделяет еще личность преступника и формы вины⁴. В.В. Соболев основаниями называет типовую степень общественной опасности деяния и личность преступника⁵. Много об этом писала и Т.А. Лесниевски-Костарева, сначала указывая на характер и степень общественной опасности⁶ как основания дифференциации, а потом только на степень общественной опасности⁷. Исходя из вышепредставленных позиций, достаточно сложно определиться с тем, что же действительно является основанием дифференциации уголовной ответственности.

¹ Тенчов Э.С. О дифференциации ответственности за посягательства против собственности // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1994. С. 54.

² Кропачев Н.М. Общие вопросы применения мер ответственности за преступления // Уголовное право на современном этапе. Проблемы преступления и наказания. СПб, 1992. С. 365.

³ Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 38.

⁴ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 33.

⁵ Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 17.

⁶ Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1992. С. 16.

⁷ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 56.

В науке принято выделять несколько видов дифференциации (например, посредством градации возраста виновного, выделения стадий совершения преступления, градации мер уголовно-правового характера¹ и т.д.); полагаем, что в зависимости от видов дифференциации, ее основания могут быть разными. В целом, к основанию по всем видам можно отнести характер общественной опасности, типовую степень общественной опасности, а также типовую характеристику личности виновного².

В то же время, при решении вопроса об основании дифференциации ответственности за привилегированные составы преступлений считаем необходимым ограничиться только типовой степенью общественной опасности деяния, так как функция дифференциации ответственности является главной системной функцией привилегизирующих признаков, а они, как мы знаем, имеют главную функцию – отражать значительное изменение типовой степени общественной опасности содеянного³. Личность виновного в процессе дифференциации уголовной ответственности в отношении привилегированных составов преступлений, скорее, стоит рассмотреть в качестве обстоятельства дифференциации (далее более подробно), потому как признаки личности виновного в привилегированных составах характеризуются как обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность. В подтверждение сказанного можно привести слова Е.А. Мачульской, которая считала, что «на степень общественной опасности деяния оказывает влияние эмоциональное состояние лица в момент совершения им преступления и источники его возникновения»⁴.

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 125-126.

² Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 295 (автор главы – Л.Л. Кругликов).

³ Бавсун М.В., Николаев К.Д., Мишкин В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 140.

⁴ Мачульская Е.А. Смягчающие обстоятельства – критерий индивидуализации наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 38.

Таким образом, мы выделяем вид дифференциации уголовной ответственности – дифференциация посредством конструирования **привилегированных** и квалифицированных составов, основанием которой является *типовая степень общественной опасности содеянного*.

Определив, что является основанием дифференциации уголовной ответственности в привилегированных составах преступлений, необходимо обратиться к вопросу: с помощью каких средств осуществляется подобная дифференциация и каковы ее обстоятельства?

Под *средствами дифференциации* уголовной ответственности, на наш взгляд, следует понимать то, посредством чего ответственность разделяется, а под *обстоятельствами* – то, что непосредственно влияет на изменение этой ответственности.

О.Н. Чупрова различает эти два понятия, обозначая средство как определенные положения (нормы), через которые законодатель отражает изменение типовой ответственности, к обстоятельствам же она относит те признаки, которые закреплены в диспозиции статьи и имеют влияние на изменение типовой общественной опасности¹. Похожего мнения придерживается и Н.А. Егорова, считая средством дифференциации уголовной ответственности конструкции специальных, квалифицированных и привилегированных составов преступлений². Исходя из этого, средством дифференциации уголовной ответственности можно признать сами привилегированные составы, а обстоятельствами дифференциации – привилегирующие признаки (признаки - привилегии).

Однако многие авторы не выделяют отдельно эти два понятия и чаще используют понятие признаков для определения средства дифференциации уголовной ответственности. Это подтверждают слова Т.А. Лесниевски-Костаревой, которая пишет, что дифференциация осуществляется с помощью

¹ Чупрова О.Н. Дифференциация ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы и России: компаративистский аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. С. 45.

² Егорова Н.А. О понятиях дифференциации и унификации уголовной ответственности// Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2. С. 108.

такого специфического средства, как квалифицирующие и привилегирующие признаки¹. Э.В. Кабурнеев полагает, что выделение привилегирующих признаков является средством дифференциации². М.Н. Каплин похожим образом относит в разряд средств дифференциации квалифицирующие и привилегирующие признаки³. А.А. Батманов включает в средства дифференциации уголовной ответственности привилегированные составы и привилегирующие признаки, не разделяя их⁴. Точно также к средствам дифференциации Л.Л. Кругликов равнозначно относит и квалифицированные (привилегированные) составы, и квалифицирующие (привилегирующие) признаки⁵.

В свою очередь, считаем, что средствами дифференциации уголовной ответственности необходимо признать только привилегированные *составы* преступлений, так как именно сам состав в целом может быть отражением изменения ответственности и наказания. Обстоятельства же дифференциации и есть те самые признаки - привилегии, благодаря которым, при их закреплении в норме, возникают основания дифференциации уголовной ответственности.

Привилегирующие обстоятельства (признаки - привилегии) представляют собой описываемые в законе обстоятельства, понижающие в сравнении с основным составом преступления уровень (степень) общественной опасности, влияющие на квалификацию и наказание.

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М., 1998. 124.

² Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 97.

³ Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 52.

⁴ Батманов А.А. Личность виновного вне связи с преступлением как критерий дифференциации ответственности и наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. С. 41.

⁵ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 63-64 (автор главы – Л.Л. Кругликов).

Продемонстрируем в ниже представленной таблице обстоятельства дифференциации уголовной ответственности привилегированных составов преступлений, которые более подробно мы уже ранее описывали.

Таблица 10

Обстоятельства дифференциации уголовной ответственности привилегированных составов преступлений

Привилегирующие признаки	Статьи УК
1) особое психофизиологическое состояние матери, вызванное процессом родоразрешения	ст. 106 УК
2) условие психотравмирующей ситуации	ст. 106 УК
3) состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости	ст. 106 УК
4) состояние аффекта	ст. 107, 113 УК
5) провоцирующие действия, выраженные в противоправном и аморальном поведении потерпевшего	ст. 107, 113 УК
6) противоправное посягательство со стороны потерпевшего лица, дающее право на необходимую оборону	ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК
7) совершение преступления лицом, которое уклоняется от задержания	ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 114 УК

Так, всего можно выделить семь основных обстоятельств, дифференцирующих уголовную ответственность, закрепленных в пяти составах преступлений против жизни и здоровья. По мнению С.П. Донец, посредством привилегирующих признаков закон вводит в элементы состава преступления факторы, которые обуславливают не только наличие общественной опасности, но и ее степень. Об этом мы писали чуть выше. Но в данном случае еще раз важно подчеркнуть, что указанные смягчающие обстоятельства отражают в уголовном законе степень общественной опасности определенного вида поведения – именно типовую степень убийства, причинения вреда здоровью, что определенным образом «выпячивает» существенное изменение уровня опасности по сравнению с уровнем опасности основного состава преступления. Поэтому привилегирующее значение придается этим обстоятельствам потому, что они совмещают в себе наиболее значительные и типичные признаки,

характеризуя деяние в качестве менее опасного¹. Исходя из этого, привилегирующие обстоятельства резко понижая общественную опасность состава преступления, выполняют одновременно дифференцирующую функцию, разделяя и градируя, как следствие, уголовную ответственность.

Таким образом, закрепление в уголовном законодательстве привилегирующих признаков ведет к определенным юридическим последствиям, что, в свою очередь, выражается в установлении новых границ типового наказания, новых рамок санкций, а сами признаки - привилегии являются обстоятельствами дифференциации уголовной ответственности.

Важно, чтобы дифференциация осуществлялась не хаотично, а по некоторым правилам, исходя из принципа дифференциации уголовной ответственности, выраженного в необходимости учитывать все обстоятельства общественно опасного деяния при расследовании преступления, привлечения лица к уголовной ответственности и назначении наказания. Уголовное право РФ базируется на принципах законности, справедливости, гуманизма и других принципах, что предусматривает возможность снижения ответственности, а в некоторых случаях и вовсе неприменение наказания в условиях, когда необходимость в этом отпадает. Для определения такого рода явлений в теорию уголовного права как раз и был введен такой термин, как дифференциация уголовной ответственности.

Из всех названных принципов сущность дифференциации наиболее точно отражает принцип справедливости, так как он есть основополагающая идея дифференциации уголовной ответственности, направленный на решение важной правовой проблемы – назначения справедливого наказания с учетом обстоятельств произошедшего, что характеризует его наличием необходимой социальной ценности достижения оптимального соотношения между преступлением и наказанием (иной мерой уголовно-правового характера).

¹ Донец С.П. Квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 13.

И, несмотря на то что, как пишет А.А. Жильцов, проблема назначения справедливого наказания не исчерпывается только решением вопроса дифференциации уголовной ответственности, последняя все-таки создает условия для выбора меры наказания¹. Исходя из этого, полагаем, что значение дифференциации уголовной ответственности заключается в прямом влиянии степени дифференциации норм уголовного закона на реализацию принципа справедливости. В связи с чем, уместно будет привести слова Н.Г. Андрюхина, который также указывает, что принцип дифференциации уголовной ответственности выполняет сложную роль по обеспечению реализации принципа справедливости, являясь необходимым условием установления правильного соответствия между преступлением и наказанием².

Поэтому принципами дифференциации уголовной ответственности привилегированных составов преступлений можно признать исходные начала, на основании которых наказание должно соответствовать деянию, в данном случае деянию, которое понижает уголовную ответственность и отражает изменение типовой степени общественной опасности содеянного. То есть наказание при разной степени общественной опасности должно быть разным и прежде всего справедливым. Не зря Р.Р. Галиакбаров утверждал: «принципы уголовного права предопределяются уголовной политикой»³.

Таким образом, структура дифференциации уголовной ответственности с помощью привилегирующих признаков может быть представлена следующим образом:

- субъектом дифференциации выступает законодатель, который и осуществляет разделение ответственности;
- основанием дифференциации является типовая степень общественной опасности содеянного;

¹ Жильцов А.А. Значение дифференциации уголовной ответственности при реализации принципа справедливости // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 241.

² Андрюхин Н.Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 20.

³ Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: учебник. Краснодар, 1999. С. 15.

- средством дифференциации представляются непосредственно сами привилегированные составы преступлений;
- обстоятельства дифференциации выражаются в признаках – привилегиях;
- принципом дифференциации уголовной ответственности можно признать исходные начала, на основании которых наказание должно соответствовать деянию, а в данном случае, деянию, которое понижает уголовную ответственность и отражает изменение типовой степени общественной опасности содеянного.

§ 2. Пенализация в отношении преступлений с привилегированными составами

Этимологически термин «пенализация» происходит от английского глагола «penalize» (лат. poena – наказание, кара), что означает наказывать, штрафовать, ставить в невыгодное положение¹, это процесс определения и оформления в уголовном законе системы мер уголовно-правового воздействия как реакции государства на преступления, отраженные в УК².

Анализ наказуемости деяний мы будем осуществлять на основе рассмотрения санкций следующих статей УК: 106, 107, 108, 113, 114. С учетом квалифицированных составов рассмотрению подлежат восемь составов преступлений и как следствие восемь санкций.

Виды наказаний, предусмотренных в законе за привилегированные составы преступлений, укажем для наглядности в таблицах ниже.

Таблица 11

Основные виды наказаний за преступления с привилегированными составами

Вид основного наказания	Статья УК
1. Исправительные работы	ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108, ст. 113, ч. 1 ст. 114, ч. 2

¹ Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М., 1990. С. 518.

² Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 214 (автор главы – А.П. Козлов).

	ст. 114 УК
2. Ограничение свободы	ст. 106, ч.1 ст. 107, ч. 1 ст. 108, ч. 2 ст. 108, ст. 113, ч. 1 ст. 114, ч. 2 ст. 114 УК
3. Принудительные работы	ст. 106, ч. 1 ст. 107, ч. 2 ст. 107, ч.1 ст. 108, ч. 2 ст. 108, ст. 113, ч.1 ст. 114, ч. 2 ст. 114 УК
4. Лишение свободы	ст. 106, ч. 1 ст. 107, ч. 2 ст. 107, ч. 1 ст. 108, ч. 2 ст. 108, ст. 113, ч. 1 ст. 114, ч. 2 ст. 114 УК

Так, можем заметить, что из трех основных видов наказаний во всех восьми привилегированных составах присутствует наказание в виде лишения свободы; исправительные работы фигурируют в простом убийстве в состоянии аффекта, в убийстве при превышении пределов необходимой обороны, а также в двух санкциях привилегированных преступлений против здоровья (ст. 113, 114 УК); ограничение свободы законодатель установил во всех составах со смягчающими обстоятельствами, кроме квалифицированного убийства в состоянии аффекта. Принудительные работы как альтернатива лишению свободы представлены во всех восьми анализируемых составах преступлений.

Сравнивая санкции, следует отметить, что самое строгое наказание законодателем устанавливается за квалифицированное убийство в состоянии аффекта, и как верно подчеркивает Н.А. Лопашенко, «за него единственное не могут быть назначены ни исправительные работы, ни ограничение свободы, его можно сопоставить по наказанию с убийством матерью новорожденного ребенка, однако в последнем случае может быть назначено еще и ограничение свободы»¹.

Основная трудность процесса пенализации заключается в поиске такой наказуемости, которая являлась бы одновременно и достаточной, и необходимой, потому как соразмерность наказания – главный фактор справедливого государственного воздействия. Полагаем, что здесь будет уместно привести данные, полученные в ходе проведенного нами на X Российском конгрессе уголовного права (Москва, 2016 г.), на III Саратовских уголовно-правовых чтениях «Уголовно-правовое воздействие и

¹ Лопашенко Н.А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 175.

его роль в предупреждении преступности» (Саратов, 2018 г.), а также на международной научно-практической конференции «Права и свободы человека: проблемы обеспечения и защиты на международном и национальном уровнях» (Астрахань, 2018 г.) анкетирования среди практических работников, студентов, магистров, аспирантов. Из 210 респондентов более 40 % ответили, что самое достаточное и эффективное наказание за привилегированные составы преступлений – лишение свободы. Чуть меньшее количество опрошенных полагает, что таковым наказанием является ограничение свободы, а около 14 % респондентов считают, что за подобные деяния должны быть назначены принудительные работы.

Для того чтобы система уголовных наказаний была эффективной, законодатель предпринимает попытки ее усовершенствовать, отменяя или изменяя при этом, казалось бы, привычные и устоявшиеся виды уголовных наказаний¹. Санкции статей привилегированных составов преступлений также претерпевали свои изменения. Для того чтобы показать, как изменились санкции с момента принятия УК и до сегодняшнего дня, необходимо построить диаграмму с видами наказаний, которые могли быть назначены по привилегированным составам преступлений, и их максимальными сроками до всех изменений, внесенных в соответствующие статьи УК, с видами наказаний, предусмотренных за преступления при смягчающих обстоятельствах на основании уголовного закона в ред. от 31.07.2020.

¹ Степанов В.В. Система уголовных наказаний // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2014. С. 172.

Диаграмма 6

**Максимальные сроки основных видов наказаний
до и после всех изменений, внесенных
в привилегированные составы преступлений против жизни**

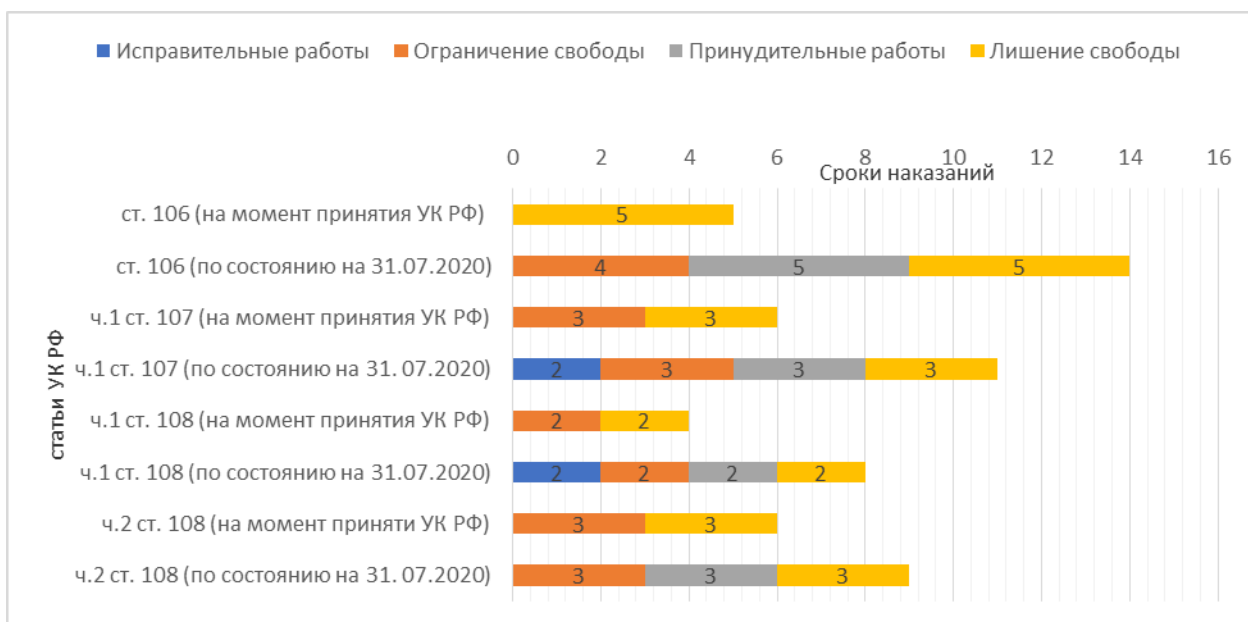
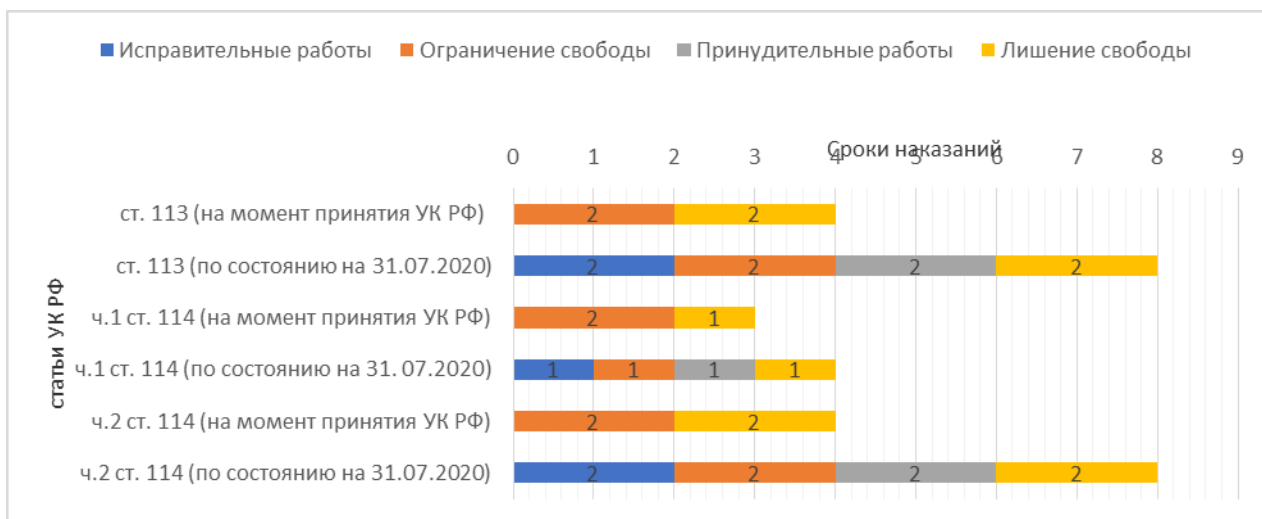


Диаграмма 7

**Максимальные сроки основных видов наказаний
до и после всех изменений, внесенных
в привилегированные составы преступлений против здоровья**



Видовая особенность санкций привилегированных составов преступлений на момент принятия УК в первую очередь выражается в том, что отсутствует их излишняя альтернативность, так как законодателем были определены лишь такие виды наказаний, как ограничение свободы и ее

лишение. После принятия уголовного закона, многие авторы стали отмечать огромное количество изменений, касающихся не только сущности самих составов, но и наказаний¹. Так, исходя из диаграммы № 6, можно заметить, что санкции привилегированных составов преступлений впоследствии были законодателем дополнены наказаниями, не связанными с лишением свободы – исправительными и принудительными работами, с изменением их сроков, тем самым правоприменителю предоставлена возможность выбора наиболее целесообразного для данной ситуации вида наказания.

Не анализируя подробно федеральные законы, которыми вносились изменения в УК, обобщим, что все поправки в уголовное законодательство в отношении привилегированных составов, касались, в основном, санкций данных норм. Были добавлены и скорректированы наказания, не связанные с лишением свободы, такие как ограничение свободы в ст. 106, 114 УК, исправительные работы в ст. 107, 108, 113, 114 УК, а также принудительные работы в ст. 106, 107, 108, 113, 114 УК.

Попробуем теперь в таблицах, приведенных ниже, предметно взглянуть на последствия реформирования санкций привилегированных составов преступлений.

Таблица 12

**Регламентация уголовной ответственности
по привилегированным составам преступлений против жизни
до и после изменений санкций статей**

Статья УК	Санкции с момента принятия УК	Санкции на основании уголовного закона в ред. от 31.07.2020
Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК)	лишение свободы – до 5 лет	ограничение свободы – от 2 до 4 лет, принудительные работы, лишение свободы – до 5 лет
Убийство в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 107 УК)	ограничение свободы, лишение свободы – до 3 лет	исправительные работы – до 2 лет, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы – до 3 лет

¹ Комиссаров В.С. Оценка состояния Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективная характеристика законодательной деятельности // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: матер. II междунар. науч.-практ. конф., сост. на юрид. фак-те МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М., 2003. С. 11.

Квалифицированное убийство в состоянии аффекта (ч.2 ст. 107 УК)	лишение свободы – до 5 лет	принудительные работы, лишение свободы – до 5 лет
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК)	ограничение свободы, лишение свободы – до 2 лет	исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы – до 2 лет
Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК)	ограничение свободы, лишение свободы – до 3 лет	ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы – до 3 лет

Таблица 13

**Регламентация уголовной ответственности
по привилегированным составам преступлений против здоровья
до и после изменений санкций статей**

Статья УК	Санкции с момента принятия УК	Санкции на основании уголовного закона в ред. от 31.07.2020
Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК)	ограничение свободы, лишение свободы – до 2 лет	исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы – до 2 лет
Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 УК)	ограничение свободы – до 2 лет, лишение свободы – до 1 года	исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы – до 1 года
Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 114 УК)	ограничение свободы, лишение свободы – до 2 лет	исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы – до 2 лет

Безусловно, федеральные законы РФ, как видно из представленных таблиц, внесли свои коррективы в конструкции санкций привилегированных составов преступлений. В первую очередь, санкции стали более альтернативными и дополнились двумя видами наказаний – исправительными и принудительными работами, что позволит

правоприменителю, выбирая необходимый вид, в большей степени индивидуализировать наказание. Как указывает О.Ю. Бунин, процесс альтернативности уголовно-правовых санкций органически сопряжен с характером и степенью общественной опасности, в связи с чем, уменьшение показателей общественной опасности деяния увеличивает показатель альтернативности санкций, включающих наказание, как правило, не связанное с лишением свободы¹. Санкции привилегированных составов преступлений стали тому примером.

Во-вторых, так как санкции привилегированных составов были дополнены исправительными и принудительными работами, можно сказать - нормы стали мягче. Так, ст. 106 УК теперь включает в себя и ограничение свободы сроком от 2 до 4 лет, и принудительные работы сроком до 5 лет; ч. 1 ст. 107 УК – исправительные работы сроком до 2 лет, принудительные работы сроком до 3 лет; в ч. 2 ст. 107 УК были добавлены принудительные работы до 5 лет; ч. 1 ст. 108 УК пополнилась также исправительными и принудительными работами до 2 лет; ч. 2 ст. 108 УК – принудительными работами сроком до 3 лет; санкция ст. 113 УК содержит в настоящий момент исправительные и принудительные работы до 2 лет; ч. 1 ст. 114 УК включает в себя исправительные и принудительные работы (срок до 1 года), также норма стала мягче еще и потому, что срок ограничения свободы понизился с 2 лет на 1 год; ч. 2 ст. 114 УК не стала исключением – исправительные и принудительные работы законодатель включил в санкцию сроком до 2 лет.

Таким образом, указанные изменения отражают тенденцию к гуманизации уголовного наказания, тем самым создавая общую стратегию уголовно-правовой политики в области назначения наказаний, не связанных с лишением свободы². Полагаем, что о положительной стороне такого направления уголовно-правовой политики относительно привилегированных

¹ Бунин О.Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 69.

² Буш В.В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 13.

составов преступлений в целом говорить справедливо, однако нельзя согласиться с установлением в альтернативных санкциях слишком широкого видового варианта наказаний (более трех), так как это может привести к сложности выбора вида наказания из числа альтернативно представленных.

Одним из важных моментов конструкции составов преступлений И.В. Поликарпова считает то, что санкция статьи определяет и указывает рамки и пределы наказуемости деяния, а также судебного усмотрения. Именно поэтому законодатель должен особенно скрупулёзно подходить к процессу описания санкций с тем, чтобы она была установлена четко и однозначно¹.

Очевидно заниженный, на наш взгляд, уровень уголовной ответственности демонстрируют вносимые изменения в уголовный закон в отношении привилегированных составов. И так как наиболее распространенным видом наказаний, назначаемых судами, является лишение свободы, то рассмотрим именно его, и в сравнении с обычными и квалифицированными составами для того, чтобы понимать, что меняется, когда состав привилегированный².

Таблица 14

Сроки лишения свободы по привилегированным составам убийства

Норма УК	Пределы наказ-ти (min - max)	Интервал между min и max пределами	Разница между осн. и квалиф. составами	Разница между max осн. привилег. состава по сравнению с max осн. состава убийства (ч. 1 ст. 105 УК)	Разница между max ч. 2 привилег. состава убийства по сравнению с max квалиф. состава убийства (ч. 2 ст. 105 УК)
Убийство матерью новорожд-го ребенка	2 месяца с учетом Общей части	4 года 10 месяцев	-	10 лет	-

¹ Поликарпова И.В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 146.

² За основу взяты таблицы, использованные в работе Н.А. Лопашенко. Лопашенко Н.А. Убийства: монография. Юрлитинформ. 2013. С. 171.

(ст. 106 УК)	– 5 лет				
Простое убийство в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 107 УК)	2 месяца с учетом Общей части – 3 года	2 года 10 месяцев	2 года	12 лет	-
Квалиф. убийство в состоянии аффекта (ч. 2 ст. 107 УК)	2 месяца с учетом Общей части – 5 лет	4 года 10 месяцев		-	15 лет
Убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК)	2 месяца с учетом Общей части – 2 года	1 год 10 месяцев	-	13 лет	-
Убийство при превыш. мер, необх. для задерж. лица, соверш-го преступление (ч. 2 ст. 108 УК)	2 месяца с учетом Общей части – 3 года	2 года 10 месяцев	-	-	17 лет

Таким образом, максимальные сроки лишения свободы по привилегированным убийствам не превышают 5 лет, минимальные же сроки в уголовном кодексе в санкциях привилегированных составов отсутствуют, поэтому исходя из правил Общей части УК, обозначаем этот срок в 2 месяца лишения свободы. Н.А. Лопашенко подчеркивает, что отсутствие нижних границ наказания в виде лишения свободы в привилегированных составах убийства поддержано быть не может, и предлагает установить минимальное значение срока лишения свободы в 2 года для двух составов – убийства матерью новорожденного ребенка и квалифицированного убийства в состоянии аффекта¹. *Соглашаясь с данной позицией, считаем необходимым установить четкие и строгие границы минимального и максимального срока лишения свободы за данные составы. Представляется справедливым*

¹ Лопашенко Н.А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 179.

зафиксировать минимальную границу наказания в 2 года лишения свободы за убийство матерью новорожденного ребенка в связи с законодательным закреплением минимального предела ограничения свободы в этом же составе на такой же срок, в 3 года лишения свободы - за убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта, хотя бы потому, что максимальный предел простого убийства в состоянии аффекта – 3 года лишения свободы и состав ч. 2 статьи является квалифицированным.

Самое мягкое наказание предусмотрено за убийство при превышении пределов необходимой обороны, где максимальный срок лишения свободы составляет 2 года. Полагаем, что это вполне оправданно и справедливо, так как наказание устанавливается за последствия противоправного посягательства на лицо, от которого оно вынуждено было защищаться. Чуть более опасными признаются составы убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, и простого убийства в состоянии аффекта (3 года лишения свободы). Самыми строгими пределами наказуемости (относительно других привилегированных норм) характеризуются составы убийства матерью новорожденного ребенка и квалифицированное убийство в состоянии аффекта (до 5 лет лишения свободы).

Следует отметить также наличие достаточно больших пробелов между максимальными сроками лишения свободы основного состава убийства и максимальными сроками лишения свободы основных привилегированных составов убийства. Между ч. 1 ст. 105 и ст. 106 УК эта разница достигает 10 лет лишения свободы, ч. 1 ст. 107 УК – 12 лет лишения свободы, ч. 1 ст. 108 УК – 13 лет лишения свободы. Еще большая разница определяется между максимумом ч. 2 ст. 107, ч. 2 ст. 108 УК по сравнению с максимумом лишения свободы квалифицированного состава убийства (ч. 2 ст. 105 УК) – 15 и 17 лет соответственно.

Считаем необходимым рассмотреть далее процесс дифференциации при отражении в законе обстоятельств, смягчающих «типовой» характер

общественной опасности преступления. Увидеть нам это позволит следующая таблица.

Таблица 15

**Дифференциация уголовной ответственности за убийство
в зависимости от степени тяжести совершенного преступления**

Норма УК РФ	Категория преступления
Простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК)	Особо тяжкое
Квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК)	Особо тяжкое
Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК)	Средней тяжести
Простое убийство в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 107 УК)	Небольшой тяжести
Квалифицированное убийство в состоянии аффекта (ч. 2 ст. 107 УК)	Средней тяжести
Убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК)	Небольшой тяжести
Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК)	Небольшой тяжести

Примечательно, отмечает О.А. Михаль, что «имеющаяся тенденция последовательного перевода частной классификации в общую во многом определяет снижение характера и степени общественной вредности (как и категории преступления) привилегированных составов преступления, соответствующих «простым»¹. Однако В.С. Комиссаров говорил о том, что изменение пределов наказуемости преступлений небольшой и средней тяжести (федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) стало следствием отнесения ч. 1 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 УК к преступлениям небольшой тяжести².

Так, состояние аффекта, к примеру, снижает категорию особо тяжкого убийства (ст. 105 УК) до преступлений небольшой (ч. 1 ст. 107 УК) и средней тяжести (ч. 2 ст. 107 УК), т.е. на две и три категории преступления соответственно. То же происходит и при совершении преступления при превышении пределов необходимой обороны и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

¹ Михаль О.А. Смягчающие обстоятельства и классификация преступлений // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 2 (15). С. 132.

² Комиссаров В.С. Законодательные перекосы в уголовно-правовой защите жизни человека // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 213.

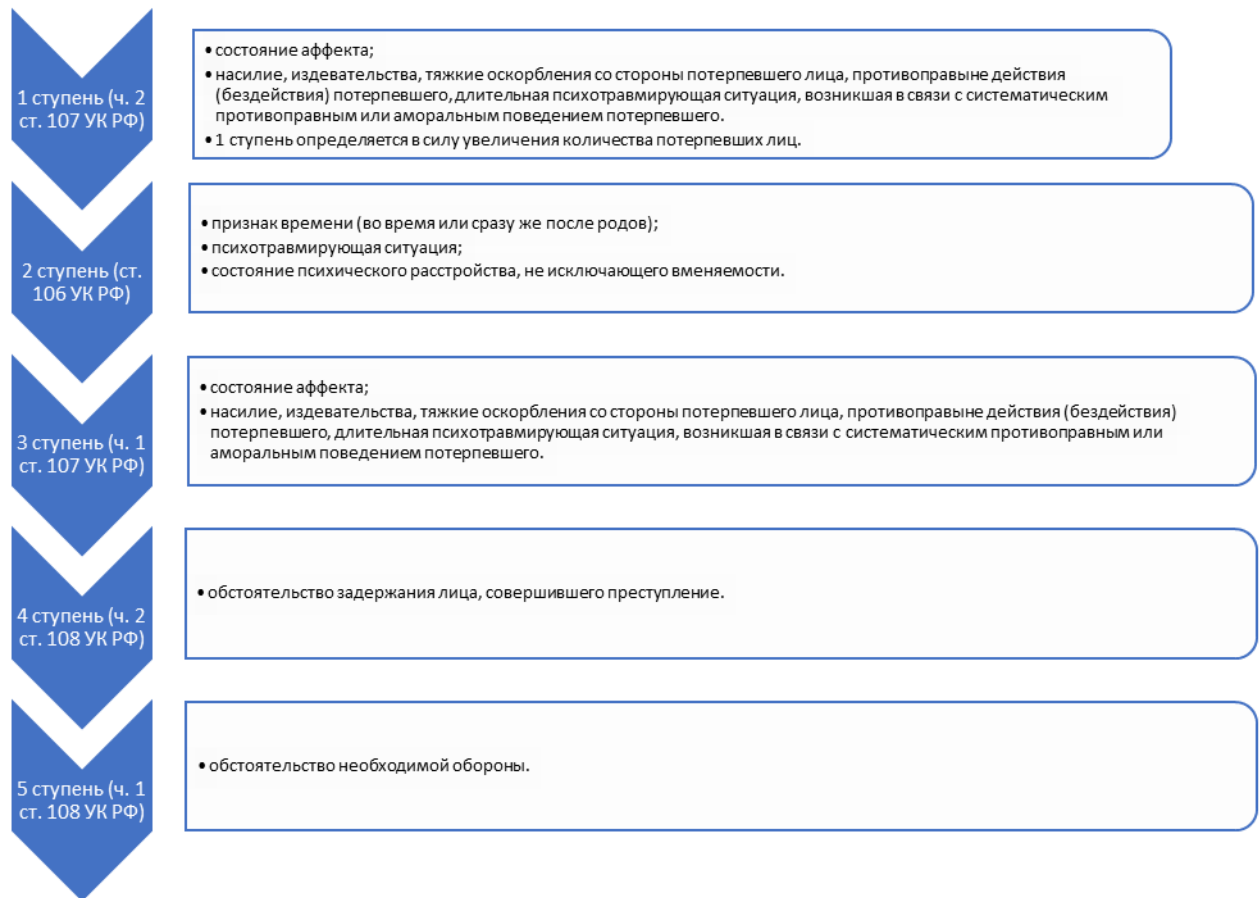
Обстоятельства, смягчающие ответственность, снижают категорию с особо тяжкого преступления простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК) до преступления небольшой тяжести (ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК).

Итак, мы видим, что законодатель градуирует преступления по степени общественной опасности, разделяя степень наказания в соответствии с тяжестью совершенного преступления. Полагаем, что справедливость ответственности должна зависеть от того, насколько полно, последовательно и дифференцировано расположены по шкале оценок законодателем обстоятельства, смягчающие ответственность за данный вид убийства по ст. 106 - 108 УК¹.

Исходя из категоризации привилегированных составов преступлений и размера наказания в виде лишения свободы, возможным представляется построить схематично лестницу признаков, смягчающих уголовную ответственность и входящих в конструкцию привилегированных составов преступлений от менее привилегирующих признаков к более привилегирующим, отмечая ступени от самого тяжкого привилегированного состава преступления к менее тяжкому.

¹ Бабичев А.Г., Сидоров Б.В. Понятие убийства и систематизация уголовного законодательства России об ответственности за убийство: инновационные проблемы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 171.

Лестница признаков, смягчающих уголовную ответственность в привилегированных составах преступлений против жизни



Так, исключая квалифицированный состав убийства в состоянии аффекта, наименее привилегирующими являются признаки, входящие в конструкцию убийства матерью новорожденного ребенка, самым же льготным выступает признак необходимой обороны. Признаки убийства в состоянии аффекта по ч. 1 ст. 107 УК по лестнице, как мы видим, стоят выше обстоятельств, которые смягчают ответственность по ч. 2 ст. 108 УК, то есть состояние аффекта и провоцирующие действия со стороны потерпевшего лица обладают меньшей способностью влиять на смягчение уголовной ответственности, чем обстоятельство, при котором происходит задержание лица, совершившего преступление, так как последний признак изначально относится к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Указанные признаки занимают подобные позиции (3 и 4 ступень соответственно) несмотря на то, что санкции этих статей включают

одинаковые максимальные сроки нескольких альтернативных видов наказаний. Таким образом, относительно степени общественной опасности, по нашему мнению, признаки выстроены в нужной последовательности, что должно отражаться прямо пропорционально и на сроках наказаний, входящих в санкции привилегированных составов преступлений, что пока, исходя из анализа сроков лишения свободы и других видов наказаний, не соответствует действительности.

Продолжая анализ санкции статей, важно обратиться и к таким привилегированным составам преступлений, как причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта, а также причинения подобного вреда при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Таблица 16

**Сроки лишения свободы
по привилегированным составам причинения вреда здоровью**

Норма УК	Пределы наказ-ти (min - max)	Интервал между min и max пределами	Разница между max осн. привилег. состава по сравнению с max осн. состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК)	Разница между max осн. привилег. состава по сравнению с max осн. состава умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 112 УК)	Катег. прест.
Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК)	2 месяца с учетом Общей части – 2 года	1 год 10 месяцев	6 лет	1 год	небол. тяжести
Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении	2 месяца с учетом Общей части – 1 год	10 месяцев	7 лет	2 года	небол. тяжести

пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 УК)					
Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 114 УК)	2 месяца с учетом Общей части – 2 года	1 год 10 месяцев		1 год	небол. тяжести

Таким образом, причинение вреда здоровью в состоянии аффекта наказывается так же, как причинение вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Самым минимальным сроком лишения свободы наказывается причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. Анализируя ст. 113 и ст. 114 УК, нелогичным представляется тот факт, что последствия в виде тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в данных составах приравниваются между собой, регулируются одной статьей и, следовательно, имеют одну санкцию. Хотя те же деяния, но без смягчающих обстоятельств (ст. 111 и ст. 112 УК), предусмотрены разными статьями, за них не установлена единая ответственность и категории преступлений различаются между собой¹.

Рассмотрим максимальные сроки всех наказаний, предусмотренных за все привилегированные составы (ст. 106 - 108, 113, 114 УК) в диаграмме, представленной ниже.

¹ См.: Штанькова А.П. Анализ санкций привилегированных составов преступлений // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. III всерос. науч.-практ. конф. (29-30 марта 2018 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; ред. А.В. Голикова. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «СГЮА», 2018. С. 440.

Максимальные сроки наказаний привилегированных составов преступлений (ст. 106 - 108, 113, 114 УК)



Отметим, что совершенно идентичны максимальные сроки всех основных наказаний по ч. 1 ст. 108, ст. 113 и ч. 2 ст. 114 УК. Полагаем, что данное положение несправедливо, так как за убийство и причинение вреда здоровью, в том числе и средней тяжести, не может быть назначено одинаковое наказание (в виде исправительных работ, ограничения свободы, принудительных работ либо лишения свободы сроком до двух лет). Несмотря на то, что во всех случаях присутствует обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность, оно во всех трех составах разное; потому следует учитывать, что все привилегизирующие признаки по-разному влияют на определение наказания.

Одинаковые сроки (3 года) таких видов наказаний, как ограничение свободы, принудительные работы, а также лишение свободы содержатся в ч.1 ст. 107 и в ч. 2 ст. 108 УК. И еще одно совпадение в максимальных сроках принудительных работ и лишения свободы прослеживается в ст. 106 УК и ч. 2 ст. 107 УК. Срок указанных видов наказаний является одинаковым и равняется 5 годам.

Таким образом, максимальные сроки основных видов наказаний, предусмотренных за привилегированные составы преступлений, совпадать могут, мы это видим исходя из санкций статей. Однако важным и определяющим для справедливого построения санкций должен являться тот факт, что преступления против жизни и преступления против здоровья характеризуются разной общественной опасностью, влекут разные по

тяжести последствия и, соответственно, не могут содержать одинаковые максимальные сроки для всех основных видов наказаний, как это имеет место в ч. 1 ст. 108, ст. 113 и ч. 2 ст. 114 УК. Законодатель должен это учитывать, в противном случае может ставиться под сомнение реализация принципа справедливости в процессе «законодательной» пенализации.

И так как процесс пенализации – это не только определение наказуемости в законе, но и процесс назначения наказания в судебной практике, необходимо проанализировать и то, какие наказания назначаются правоприменителем за все привилегированные составы преступлений фактически, так как часто пенализация на практике расходится с законодательной¹. Для этого мы провели обзор судебной практике по уголовным делам за преступления, предусмотренные ст. 106 - 108, 113, 114 УК, а именно рассматривали фабулу уголовного дела, наказание, обстоятельства, которые были учтены судом при вынесении приговора. Исходя из анализа всей информации, следует определить особенности фактической наказуемости каждого привилегированного состава в отдельности.

Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК)

Закон устанавливает за это преступление, как мы указывали ранее, три альтернативных вида наказания – это ограничение свободы сроком от 2 до 4 лет, принудительные работы и лишение свободы сроком до 5 лет. Практика же демонстрирует немного иную картину наказуемости. Обращаясь к статистическим данным, следует наглядно показать общее количество осужденных по ст. 106 УК за взятый нами для исследования период с 2015 - 2020 гг.

¹ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 138, 140.

Общее количество осужденных по ст. 106 УК за период с 2015 - 2020 гг.

Год	Всего осужденных
2015	45
2016	59
2017	42
2018	33
2019	26
2020	-

Данные свидетельствуют о сокращении числа осужденных к 2019 г.¹. Точных показателей за 2020 год официальной статистикой пока приведено не было. Для анализа мы взяли 32 опубликованных на официальном сайте судебных и нормативных актов РФ уголовных дела, которые были рассмотрены в период с 2015 по 2020 гг. Так, из общего числа проанализированных приговоров *ограничение свободы* за убийство матерью новорожденного ребенка было назначено в 5 случаях, из которых в трех лицо было приговорено к 2 годам ограничения свободы и в двух - к 3 годам соответственно. *Принудительные работы* судом были назначены только в одном случае, и то на основании ч.2 ст. 53¹ УК суд заменил назначенное наказание в виде лишения свободы принудительными работами сроком на 1 год.

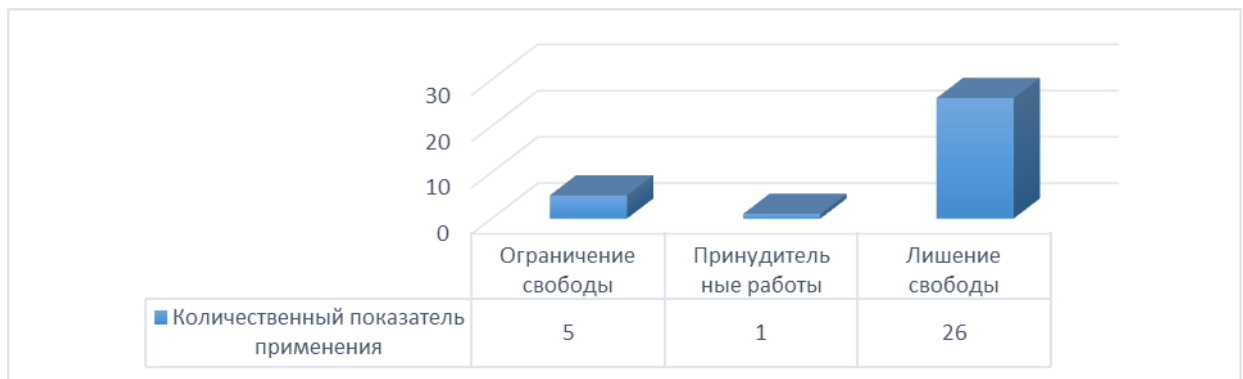
Такое наказание, как *лишение свободы*, на практике имеет преимущество над другими альтернативными видами, указанными в санкции ст. 106 УК. Из 32 случаев в 26 суд назначил лишение свободы, при этом сроки варьировались от 1 года до 4 лет. Если разбить сроки по годам, то мы получим, что от 1 года до 2 лет включительно лишение свободы было назначено 22 раза, из них 12 раз суд назначил наказание условно; от 2 до 3 лет – один раз, выше 3 лет – три раза. Таким образом, мы видим, что реже всего суд назначает наказание в виде принудительных работ, что, скорее всего, связано с тем, что до недавнего времени (2017 г.) подобное наказание

¹ Уголовное судопроизводство Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 06.11.2020).

не было введено в действие. Средние цифровые показатели мы видим при назначении наказания в виде ограничения свободы за убийство матерью новорожденного ребенка. Чаще же всего суд выбирает именно лишение свободы, что можем увидеть на следующей диаграмме, причем в большинстве случаев определяет данное наказание как условное.

Диаграмма 9

**Практическая пенализация
убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК)**



В свою очередь, лишение свободы назначается, как правило, от одного года до двух лет, подтверждая слова Н.А. Лопашенко, что «...наблюдается стремление практики к применению первой половины санкции»¹, и демонстрируя достаточно мягкий подход при назначении наказания за один из самых тяжелых привилегированных составов преступлений. Обозначенный статус согласуется с примерами таких убийств.

Вот один из них. Кузнецова В.В., находясь одна в доме, осуществила роды в одной из комнат квартиры. У женщины родился ребенок женского пола, который являлся живорожденным, доношенным, зрелым, жизнеспособным. Кузнецова В.В., находясь в тяжелом материальном положении и не желая заботиться о ребенке, положила ребенка в полиэтиленовый пакет, ручки пакета завязала узлом, понимая, что своими действиями ограничивает доступ кислорода ребенку. Смерть новорожденной наступила на месте происшествия в результате асфиксии. Суд назначил наказание в виде лишения свободы на

¹ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 225.

срок 2 года. В соответствии со ст. 73 УК суд определил назначенное осужденной наказание в виде лишения свободы считать условным¹.

Кроме того, хотелось бы отметить, что при назначении наказания суды в каждом случае, чаще всего, учитывают дополнительно такие смягчающие обстоятельства, как явка с повинной, наличие на иждивении малолетних детей, раскаяние в содеянном, активное способствование раскрытию и расследованию преступления. Из 32 проанализированных нами уголовных дел только в одном случае суд усмотрел отягчающее обстоятельство - рецидив преступлений, но даже это не позволило суду назначить максимальный срок лишения свободы (5 лет), установленный санкцией данного состава преступления.

Убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК)

Так как состав предусматривает две части, то и анализ наказания будем производить по очереди, начиная с первой.

Ч. 1 ст. 107 УК закрепляет в санкции наказания в виде исправительных работ сроком до 2 лет, ограничения свободы сроком до 3 лет, принудительные работы и лишение свободы также на срок до 3 лет. Тенденция не назначения на практике максимальных сроков наказания, предусмотренных в законе, сохраняется и по данной статье. Статистика общего числа осужденных демонстрирует следующее.

Таблица 18

Общее количество осужденных по ч. 1 ст. 107 УК за период с 2015 - 2020 гг.

Год	Всего осужденных
2015	91
2016	72
2017	84
2018	63
2019	38
2020	-

¹ Приговор Устюженского районного суда Вологодской области от 22.09.2017 по делу № 1-48/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/FSkQgwINvVJa/> (дата обращения: 05.11.2020).

Нами были проанализированы 23 уголовных дела по убийству в состоянии аффекта, из которых в 13 случаях суд назначил ограничение свободы, в 6 случаях – исправительные работы и в 3 - лишение свободы, принудительные работы не были назначены ни разу. Следует отметить, что исправительные работы за период с 2015 по 2020 гг. стали чаще применяться, начиная с 2019 г. До этого времени в большей степени суды назначали именно ограничение свободы. Лишение свободы за это преступление, как правило, назначается либо условно, либо при наличии отягчающих обстоятельств. Что же касается сроков, то для наглядности укажем их в таблице.

Таблица 19

**Сроки назначения наказаний за убийство в состоянии аффекта
(ч. 1 ст. 107 УК)**

Виды наказаний	Сроки наказаний		
	от 2 месяцев до 1 года	от 1 года до 2 лет	от 2 лет до 3 лет
исправительные работы	6	-	-
ограничение свободы	7	4	1
лишение свободы	-	3	-

В одном случае вместо исправительных работ суд назначил наказание в виде ограничения по военной службе на срок 1 год 10 месяцев. Таким образом, исходя из показателей, указанных в таблице, следует, что суды в основном принимают решение назначить срок наказания в пределах от двух месяцев до одного года, что также определяет, на наш взгляд, слишком гуманную позицию суда. Примером тому служит следующее уголовное дело.

ФИО1 на почве личных неприязненных отношении и ревности к К.Т.Я., постоянно вёл с ней себя агрессивно, часто высказывал угрозы убийством. К.Т.Я. все сказанное по отношению к ней восприняла реально и опасалась осуществления этих угроз. В то время как К.Т.Я. и ФИО1 находились дома вдвоём, последний приставил к её горлу нож, в результате чего у женщины на почве длительной психотравмирующей ситуации, развивавшейся в связи с систематическим противоправным поведением ФИО1, возникло состояние сильного душевного волнения. Кувалдой, находившейся при ней, она

нанесла ФИО1, лежавшему на диване, не менее 6 ударов в область головы, причинив телесные повреждения, от которых ФИО1 скончался на месте происшествия. По ч.1 ст. 107 УК суд назначил ей наказание в виде 8 месяцев ограничения свободы¹.

Убийство в состоянии аффекта двух или более лиц предусмотрено законом в ч. 2 ст. 107 УК. Анализируя судебную практику, в первую очередь обращает на себя внимание слишком маленькое количество преступлений, совершаемых по данному признаку. Статистика показывает следующие цифры.

Таблица 20

**Общее количество осужденных по ч. 2 ст. 107 УК
за период с 2015 - 2020 гг.**

Год	Всего осужденных
2015	3
2016	2
2017	3
2018	1
2019	0
2020	-

В период с 2015 по 2020 гг. в открытом доступе нам удалось найти только 3 случая, в которых суд квалифицировал действия по ч. 2 ст. 107 УК РФ. Из данного количества уголовных дел можно сделать вывод, что из представленных в санкции двух видов наказания (принудительные работы либо лишение свободы сроком до 5 лет), суд безоговорочно делает свой выбор в сторону лишения свободы, причем без его условного применения. Сроки лишения свободы: 1 год 6 месяцев, 2 года и 3 года лишения свободы. В первом и последнем случае суд усмотрел обстоятельства, отягчающие наказание, максимально назначив только 3 года лишения свободы. Часто встречающимися обстоятельствами в убийстве в состоянии аффекта, которые суд признавал смягчающими выступают - наличие на иждивении малолетних детей, явка с повинной, совершение преступления впервые, противоправное поведение потерпевшего, явившееся поводом для совершения преступления.

¹ Приговор Прилузского районного суда Республики Коми от 25.07.2019 по делу № 1-66/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 05.11.2020).

Так, в лесополосе на обочине автодороги Т. на почве ссоры с ФИО8 и ФИО9 в связи издевательствами и тяжким оскорблением со стороны последних, выразившихся в высказывании нецензурных слов, унижающих его честь и достоинство, находясь в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного в связи с накоплением негативных эмоциональных переживаний, эмоциональным взрывом и истощением, произвел не менее одного выстрела из имевшего при себе пистолета в ФИО8 и не менее двух выстрелов в ФИО9. В результате этого ФИО8 получил огнестрельную сквозную рану туловища, повлекшую его смерть, а ФИО9 получил огнестрельные сквозные ранения левой половины грудной клетки и правого плечевого пояса, причинившие тяжкий вред здоровью и также повлекшее его смерть. Суд, усмотрев и смягчающие, и отягчающие обстоятельства, назначил наказание в виде лишения свободы сроком один год и шесть месяцев¹.

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК)

Санкцией этой части статьи определены наказания в виде исправительных работ на срок до 2 лет, ограничения свободы на срок до 2 лет, принудительных работ либо лишения свободы также на срок до 2 лет. Приведем официальную информацию о количестве осужденных лиц.

Таблица 21

Общее количество осужденных по ч. 1 ст. 108 УК за период с 2015 - 2020 гг.

Год	Всего осужденных
2015	340
2016	286
2017	260
2018	221
2019	232
2020	-

Нами было исследовано 22 уголовных дела, по которым к исправительным работам было осуждено 5 человек, к ограничению свободы – 12 человек, к принудительным работам – 0, к лишению свободы – 5 человек. Посмотрим на сроки.

¹ Приговор Карабулакского районного суда Республики Ингушетия от 28.09.2016 по делу № 1-39/2016 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/vIFR14Umem6w/> (дата обращения: 05.11.2020).

**Сроки назначения наказаний за убийство, совершенное при
превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК)**

Виды наказаний	Сроки наказаний	
	от 2 месяцев до 1 года	от 1 года до 2 лет
исправительные работы	3	2
ограничение свободы	2	10
лишение свободы	2	3

В практической пенализации по данному виду убийства преобладает такой вид наказания как ограничение свободы, его назначают в большей степени в пределах от 1 до 2 лет; исправительные работы и лишение свободы назначаются одинаковое количество раз, но при назначении лишения свободы суд во всех 5 случаях учитывал помимо смягчающих (наличие явки с повинной, признание своей вины, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления), еще и *отягчающие обстоятельства (рецидив преступлений)*.

Так, Сычева М.С., будучи в состоянии алкогольного опьянения, находилась в квартире, где в ходе ссоры муж – ФИО1 нанес ей один удар ногой по груди, один удар ногой по правому бедру и один удар корпусом электрофена по голове, причинив телесные повреждения, которые как вред здоровью не квалифицируются, а затем накинул на шею Сычевой М.С. шнур от электрофена, и, держа его двумя руками, потянул шнур на себя. В этот момент Сычева М.С. схватила руками указанный шнур, сняла со своей шеи и одновременно накинула этот же шнур на шею ФИО1. Опасаясь, что ФИО1 может продолжить в отношении неё посягательства, Сычева М.С. скрестила сзади на шее мужа концы вышеуказанного шнура, с силой затянув их, сдавив, тем самым, органы шеи ФИО1 и перекрыв доступ воздуха в его легкие, и держала шарф в таком положении до тех пор, пока ФИО1 не прекратил подавать признаки жизни. Суд назначил наказание в виде ограничения свободы на срок 1 год 3 месяца¹.

¹ Приговор Мысковского городского суда Кемеровской области от 20.12.2019 по делу № 1-185/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SrT78r11DBJQ/> (дата обращения: 05.11.2020).

Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК)

Санкция указанного состава предусматривает три альтернативных вида наказания (ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы на срок до 3 лет).

Анализ опубликованной судебной практики по этому составу преступления показал, что преступление совершается не просто редко, а очень редко, и если лицо и привлекается к уголовной ответственности за него, то часто суд оправдывает лицо по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии подсудимого состава преступления.

Таблица 23

Общее количество осужденных по ч. 2 ст. 108 УК за период с 2015 - 2020 гг.

Год	Всего осужденных
2015	5
2016	2
2017	1
2018	0
2019	0
2020	-

Нами было найдено только два обвинительных приговора; в одном случае суд назначил ограничение свободы сроком на 2 года, в другом - лишение свободы также на 2 года. Следует отметить, что лишение свободы как самый тяжелый вид наказания из предусмотренных в законе за это деяние, назначается судом с учетом наличия в действия подсудимого отягчающих обстоятельств. Смягчающими обстоятельствами в основном суд признает явку с повинной, раскаяние в содеянном. Одним из проанализированных обвинительных приговоров является уголовное дело в отношении Маркина В.К.

Мужчина, находясь у себя в квартире, обнаружил, что неизвестным лицом совершен угон принадлежащего ему автомобиля, ранее

припаркованного возле дома. С целью пресечения преступных действий, Маркин В.К., вооружившись принадлежащим ему зарегистрированным в установленном порядке охотничьим ружьем, решил принять меры к задержанию лица, совершившего угон, и передаче его в правоохранительные органы. Обнаружив угнанный автомобиль на расстоянии около 100 метров от своего дома, и подойдя к нему, Маркин В.К. крикнул угонщику «Стой, остановись!», после чего задерживаемое лицо выпрыгнуло из автомобиля и попыталось скрыться. Тогда Маркин В.К., руководствуясь стремлением пресечь противоправные действия угонщика, произвел один прицельный выстрел из ружья в жизненно важные органы в области спины задерживаемого, чем причинил лицу телесные повреждения в виде огнестрельного дробового проникающего слепого ранения спины, от которых наступила его смерть. Отягчающим обстоятельством суд признал совершение преступления с использованием оружия и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года условно¹.

Перейдем к рассмотрению практической пенализации в привилегированных составах преступлений против здоровья.

Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК)

Санкция статьи закрепляет исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы, и все эти виды наказания законом определяются на срок до 2 лет. Статистика и практика же показывает следующее.

Таблица 24

Общее количество осужденных по ст. 113 УК за период с 2015 - 2020 гг.

Год	Всего осужденных
2015	36
2016	24
2017	21
2018	13
2019	11
2020	-

¹ Приговор Лысковского районного суда Нижегородской области от 23.06.2015 по делу № 1-17/2015 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yNmRtVs9WjHN/> (дата обращения: 05.11.2020).

Всего нами было рассмотрено 13 обвинительных приговоров. Из них, к исправительным работам суд приговорил – 2 человек, к ограничениям свободы – 8, к принудительным работам – 0, к лишению свободы – 3. В двух случаях суд определил условное наказание к лишению свободы. Сроки представлены в таблице.

Таблица 25

Сроки назначения наказаний за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК)

Виды наказаний	Сроки наказаний	
	от 2 месяцев до 1 года	от 1 года до 2 лет
исправительные работы	1	1
ограничение свободы	5	3
лишение свободы	2	1

Таким образом, суды, как правило, при назначении наказания определяют сроки до 1 года. Если срок ограничения свободы превышает 1 год или судом назначается лишение свободы, то суды в таких случаях учитывают отягчающие обстоятельства. Смягчающими обстоятельствами в этом составе в основном суд признает явку с повинной, противоправное поведение потерпевшего, способствование раскрытию и расследованию преступления.

За подобное преступление был осужден Данзанов З.Д. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, мужчина зашел в предбанник бани, где находились Л., с которой он совместно проживает, и сосед Н. Данзанов З.Д. увидел, как Л. одевала халат, а Н. одевал футболку. Мужчина, предположив, что между Л. и Н. была интимная связь, воспринял их действия как аморальные, унижающие его честь и достоинство. После чего, находясь в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), Данзанов З.Д. вывел Л. из предбанника бани в ограду дома и нанес ему березовой палкой множественные удары по голове, верхним и нижним конечностям, туловищу, причинив Л. средней тяжести вред здоровью. Суд признал смягчающими обстоятельствами явку с повинной, раскаяние в содеянном, отягчающими – совершение

преступления в состоянии алкогольного опьянения и назначил наказание в виде 1 года 9 месяцев ограничения свободы¹.

Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 УК)

Санкция этой статьи закрепляет те же исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы, только на срок до 1 года. Данный привилегированный состав на практике достаточно распространен.

Таблица 26

**Общее количество осужденных по ч. 1 ст. 114 УК
за период с 2015 - 2020 гг.**

Год	Всего осужденных
2015	700
2016	568
2017	589
2018	499
2019	462
2020	-

Для анализа нами были взяты 23 опубликованных приговора. Итак, исправительные работы суд назначил в 7 случаях, ограничение свободы – в 12, принудительные работы не назначал, лишение свободы – в 4 случаях из 23. Несмотря на то, что ограничение свободы назначается чаще других видов, к исправительным работам правоприменитель тоже прибегает не единожды. Сроки всех видов наказания анализировать отдельно не имеет смысла, так как они все назначаются в пределах до 1 года. Правоприменитель в 4 случаях назначил наказание условно (один раз к лишению свободы и 3 раза - к исправительным работам). Чаще других составов суды усматривают в данных действиях наличие отягчающих обстоятельств, в частности, рецидив преступлений и совершение преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя (в 5 случаях). Показательным примером

¹ Приговор Иволгинского районного суда Республики Бурятия от 08.11.2017 по делу № 1-297/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/7s7JsF6HMMmw/> (дата обращения: 05.11.2020).

совершения данного преступления в состоянии алкогольного опьянения служит следующее уголовное дело.

В помещении кухни, после совместного распития спиртных напитков между Б. и Л. произошла ссора на почве личных неприязненных отношений, инициатором которой являлся Л. В ходе ссоры последний напал на Б., вел себя агрессивно, нанес ей удар кулаком в левое плечо, после чего схватил ее рукой сзади за волосы и пытался головой ударить об чугунный котел парового отопления. Б., защищаясь от общественно опасного посягательства, превышая пределы необходимой обороны, нанесла один удар ножом, взятым на месте происшествия, в переднюю брюшную стенку Л., чем причинила проникающую колото-резаную рану, повлекшую тяжкий вред здоровью, по признаку опасного для жизни человека¹.

Смягчающими обстоятельствами выступают: признание вины, явка с повинной, активное содействие расследованию преступления, противоправное поведение потерпевшего, явившееся поводом к совершению преступления.

Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 114 УК)

За это преступление закон устанавливает все те же виды наказания, что и в ч.1 ст. 114 УК, но на срок до двух лет.

В отличие от убийства при схожих обстоятельствах, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью совершается ненамного, но чаще.

Таблица 27

**Общее количество осужденных по ч. 2 ст. 114 УК
за период с 2015 - 2020 гг.**

Год	Всего осужденных
2015	8
2016	10
2017	1
2018	6
2019	0
2020	-

¹ Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 18.12.2019 по делу № 1-367/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6X0zF7yNfOxR/> (дата обращения: 05.11.2020).

5 опубликованных уголовных дел мы смогли взять для анализа применения наказаний на практике. Исправительные работы и ограничение свободы назначались в одинаковом количестве (по два раза), еще в одном случае суд прекратил уголовное дело в связи с примирением с потерпевшим и заглаживанием причинённого вреда, что происходит на практике достаточно часто относительно рассматриваемого состава преступления. Исправительные работы назначались в пределах до 1 года (6 месяцев и 1 год), ограничение свободы от 1 года до 2 лет (1 год 3 месяца, 2 года). Отягчающих обстоятельств суды не усматривали. Смягчающими обстоятельствами в основном признают раскаяние в содеянном, противоправное поведение потерпевшего, явившееся поводом для преступления. Такие обстоятельства, к примеру, суд усмотрел в ходе рассмотрения следующего уголовного дела.

К., находясь в домовладении В., достоверно зная о том, что в указанном доме находится постороннее лицо, считая, что данное лицо совершает преступление – кражу чужого имущества, и имея намерение задержать это лицо, взял хранящееся дома огнестрельное оружие, стал ожидать ФИО2, проникшего в указанное домовладение В. Как только К. увидел преступника, он произвел в него один выстрел из указанного огнестрельного оружия, после чего, пресекая преступные действия ФИО2, задержал последнего, причинив тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека¹.

Таким образом, обобщая анализ практической пенализации по привилегированным составам преступлений, следует отметить:

1) из всех альтернативных видов наказаний суды чаще всего назначают ограничение свободы, которое не является самым строгим из указанных в санкциях. Исключения составляют убийство матерью новорожденного ребенка и убийство в состоянии аффекта двух или более лиц, где суд преимущественно выбирает именно лишение свободы. В данных случаях это оправданное применение самого строгого вида наказания, однако

¹ Приговор Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан от 13.03.2015 по делу № 1-26/2015 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/sBys290extNP/> (дата обращения: 05.11.2020).

и здесь суд, склоняясь в сторону гуманности, зачастую постановляет считать назначенное наказание условным, хотя законодатель уже смягчил уголовную ответственность по данным категориям дел;

2) сроки всех видов назначенных судами наказаний во многом не превышают двух лет, что говорит о тенденции «использования первой половины наказания»¹;

3) в каждом рассмотренном уголовном деле суд, при наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств, учитывает их при назначении наказания. Смягчающими обстоятельствами неоднократно суд признавал: наличие на иждивении малолетних детей, явка с повинной, раскаяние в содеянном, противоправное поведение потерпевшего, явившееся поводом для совершения преступления, активное содействие раскрытию и расследованию преступления. Отягчающими, как правило, выступают: рецидив преступлений, совершение преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, совершение преступления с использованием оружия.

Несмотря на то, что анализированные составы преступлений являются привилегированными, полагаем, что позиция судов является чересчур гуманной. Как пишет А.И. Коробеев, если усилению наказания в законе соответствует снижение наказания на практике, значит, это уже сигнал законодателю об «излишествах» пенализации², с чем мы в данном случае не можем согласиться, так как наказание в законе уже является пониженным, что на практике не должно понижаться еще сильнее, если только в исключительных случаях.

Определение правильного и справедливого наказания в законе и назначение его на практике, безусловно, сложная задача. Наказание должно быть четким отражением характера и степени общественной опасности

¹ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 232.

² Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 141.

самого преступления, а «пределы санкции должны быть прямо пропорциональны конкретности признаков состава, описанных в законе»¹, что для анализируемых составов еще более актуально, так как они содержат смягчающие обстоятельства, влияющие на уровень степени общественной опасности и наказание. Так можно ли определенным образом произвести расчет влияния этих признаков-привилегий на наказание?

С использованием в этих целях математических методов исследования – возможно. Об это много пишет С.Г. Ольков, указывая, что юридическая практика остро нуждается в переводе «на рельсы» нормальных точных наук и, что в той отрасли знания (юриспруденции), где измерения должны составлять ее самую суть, эти измерения остаются «за кадром», а важные решения принимаются «на глазок»². Конечно, мы не являемся яркими сторонниками компьютеризации процесса назначения наказания. Однако представляется, что использование неюридических, в частности, математических средств познания является оправданным при анализе закономерностей влияния на наказание наличия, в том числе, привилегирующих обстоятельств в составе.

Вопросом вычисления формулы уголовного наказания с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, занимался С.Г. Ольков. Для того чтобы вычислить наказание с учетом вышеуказанных обстоятельств, автор разработал сбалансированные коэффициенты отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств, которые определил в таблице, указанной нами ниже.

Таблица 28

Сбалансированные коэффициенты отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств (таблица проф. С.Г. Олькова)

k1	k2	k
1	0	1
1,1	0,1	1
1,2	0,2	1

¹ Там же. С. 154.

² Ольков С.Г. Математические модели системы права, правоотношений и юридической ответственности // Публичное и частное право. 2015. № 2 (26). С. 101-111.

1,3	0,3	1
1,4	0,4	1
1,5	0,5	1
1,6	0,6	1
1,7	0,7	1
1,8	0,8	1
1,9	0,9	1
2	1	1

Из представленной таблицы следует:

k – поправочный коэффициент, учитывающий смягчающие и отягчающие наказание подсудимого обстоятельства;

$k=k_1 - k_2$, где k_1 – коэффициент, учитывающий отягчающие наказание обстоятельства, k_2 – коэффициент, учитывающий смягчающие наказание обстоятельства;

$k_1 \geq 1$ (повышающий наказание коэффициент);

$0 \leq k_2 \leq 1$ (понижающий наказание коэффициент).

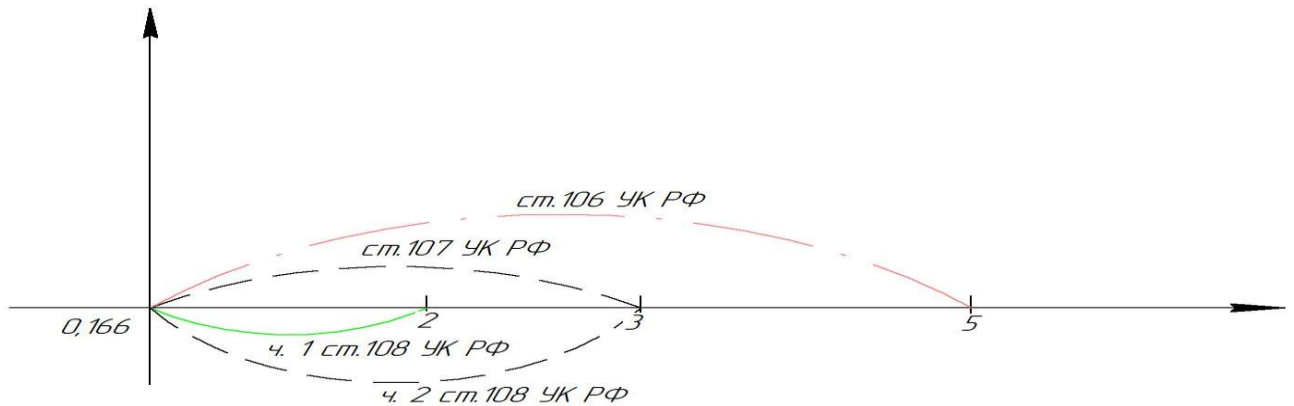
Очевидно, что итоговое $k > 0$. Например, если в уголовном деле нет ни смягчающих, ни отягчающих наказание подсудимого обстоятельств, то $k_1 = 1$ (минимальное значение отягчающих обстоятельств), $k_2 = 0$ (минимальное значение смягчающих обстоятельств), $k = 1$ ¹.

Мы взяли за основу идею С.Г. Олькова по определению коэффициента того или иного признака, увеличивающего или понижающего наказание, и применили ее к санкциям привилегированных составов преступлений для установления коэффициентов, названных нами *коэффициентами смягчающих обстоятельств в привилегированных составах преступлений*. Вычислять коэффициенты мы будем на примере привилегированных составов преступлений против жизни.

Для этого первоначально построим график, показывающий наглядно разность наказаний за преступления, закрепленные в ст. 106 - 108 УК.

¹ Ольков С.Г. Формулы уголовного наказания с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 3. С. 160.

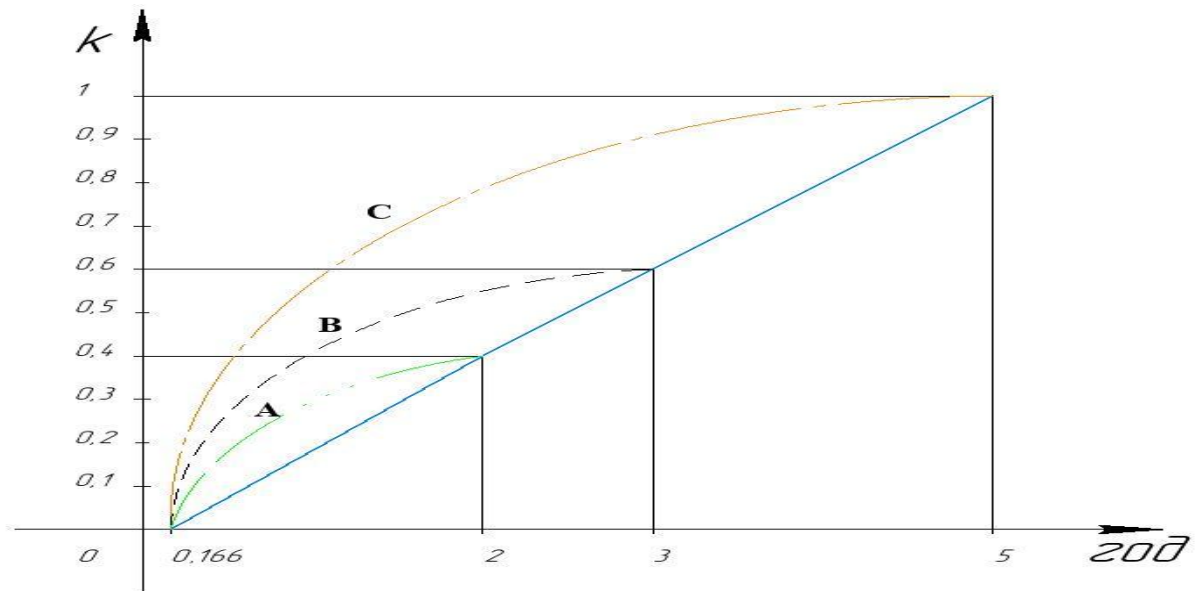
**Разность лишения свободы
в привилегированных составах преступлений против жизни**



За основу мы взяли наказание в виде лишения свободы и его минимальные и максимальные значения. Исходную точку в 0,166 мы указали, исходя из минимальных сроков, которые законом обозначены в 2 месяца. 12 месяцев = 1, под формулу $x = a/b * c$ подставляем цифры, где $a - 1$, $b - 12$ месяцев, $c - 2$ месяца и получаем $1/12 * 2 = 0,166$. Цифрами 2, 3, 5 мы обозначили максимальные сроки лишения свободы в ст. 106 – 108 УК. Таким образом, мы пришли к выводу, описанному ранее: самый минимальный срок лишения свободы законом определяется по ч.1 ст. 108 УК, совпадают сроки лишения свободы по ч.1 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 УК, самая строгая ответственность наступает по ст. 106 УК.

Для вычисления коэффициента каждого привилегиирующего признака мы построим еще один график, с помощью которого и определим коэффициенты.

**Коэффициенты смягчающих обстоятельств
в привилегированных составах преступлений против жизни**



Условные обозначения:

- A – срок лишения свободы по ч.1 ст. 108 УК;
- B – срок лишения свободы по ч.1 ст. 107 УК и ч.2 ст. 108 УК;
- C – срок лишения свободы по ст. 106 УК.

В представленном графике шкалу коэффициентов (k) мы построили от 0 до 1 или по-другому $0 < k < 1$. Так, на графике мы можем сразу увидеть, что для смягчающих обстоятельств, закрепленных в ст. 106 УК, $k = 1$; для ч. 1 ст. 107 УК (на графике указали просто ст. 107 УК, так как на увеличение ответственности по ч. 2 ст. 107 УК не влияет привилегиирующий признак) $k = 0,6$; для ч. 1 ст. 108 УК $k = 0,4$; для ч. 2 ст. 108 УК $k = 0,6$.

Для того чтобы рассчитать наказание за привилегированный состав преступления при помощи данных коэффициентов, используем формулу, выведенную С.Г. Ольковым: $Y = y * k$, где Y – величина окончательного наказания, y – величина наказания без учета смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств в месяцах лишения свободы, k – поправочный коэффициент, учитывающий смягчающие и отягчающие наказание

подсудимого обстоятельства¹. Таблица коэффициентов была представлена выше. Но так как мы будем рассчитывать наказание по одной шкале, которую мы указали в диаграмме, от 0 до 1, то и значения этой формулы у нас немного поменяются. Так, $Y=y*k$, где Y – величина окончательного наказания, y – максимальный срок лишения свободы за тот или иной привилегированный состав преступления, k – итоговый коэффициент с учетом наличия дополнительных смягчающих и (или) отягчающих обстоятельств.

Обратим внимание на то, что разработанные коэффициенты имеют значение именно для фактического назначения наказания, так как они (k) нами были получены в результате подсчетов исходя из законодательной пенализации.

Например, мать совершила убийство новорожденного ребенка сразу же после родов. Суд признал наличие дополнительных смягчающих обстоятельств в виде явки с повинной, активного содействия раскрытию и расследованию преступления; полного признания вины, раскаяния в содеянном. Итого получается 4 смягчающих обстоятельства. Отягчающим обстоятельством суд признал рецидив преступлений, то есть 1 отягчающее. Исходя из этих данных, получается $Y= y*k = 5 * 0,7 = 3,5$ года лишения свободы, где 5 – максимальный срок лишения свободы за убийство матерью новорожденного ребенка, 0,7 – итоговый коэффициент, который получился в результате снижения по шкале от 1 до 0,6, так как 4 смягчающих обстоятельства и повышения до 0,7, так как одно отягчающее обстоятельство было признано судом в результате рассмотрения уголовного дела.

Таким образом, при помощи коэффициентов, участвующих в математических вычислениях посредством разработанной формулы, суды смогут назначать наказание исключительно с учетом наличия или отсутствия *каждого* смягчающего и (или) отягчающего обстоятельства, что будет

¹ Ольков С.Г. Формулы уголовного наказания с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 3. С. 161.

свидетельствовать об обоснованности и *справедливости* самого наказания, что особенно важно, так как одной из целей наказания является восстановление социальной *справедливости*.

В случае, если суды не усмотрят никаких дополнительных обстоятельств (ни смягчающих, ни отягчающих), что на практике бывает крайне редко (так называемый, частный случай), то в результате необходимо будет принять за справедливое решение среднее арифметическое значение срока назначаемого судом наказания. Такой расчет будет производиться потому, что коэффициент (k) учитываться при вычислении наказания в этом случае не будет, так как будут отсутствовать какие – либо обстоятельства, необходимые для реализации в расчетах формулы с применением коэффициента (k).

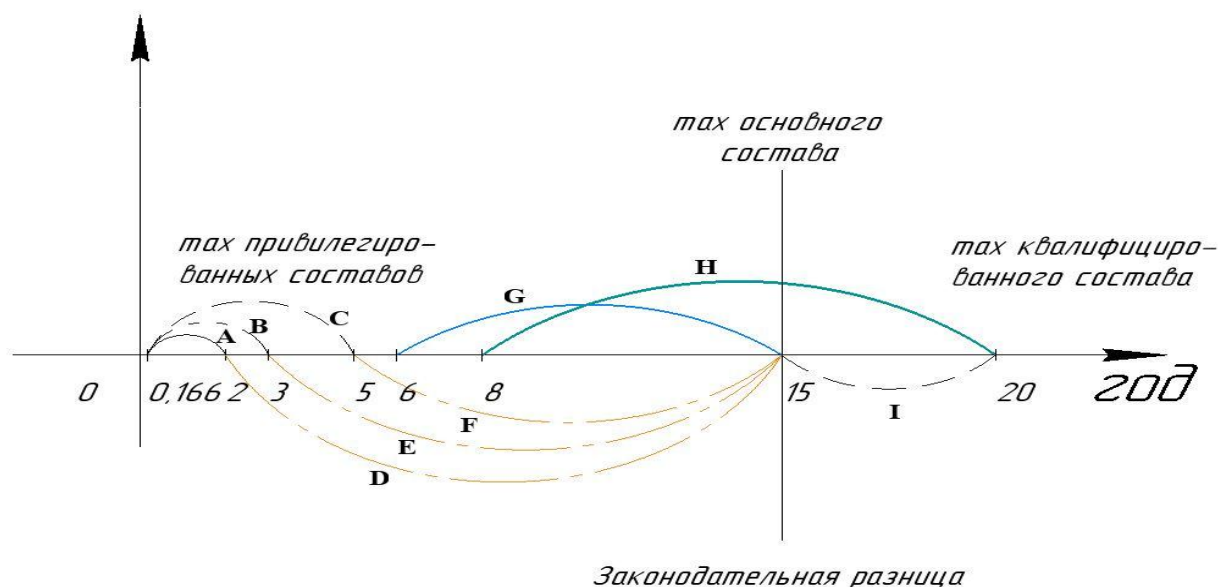
Такие способы рассчитывания наказания не исключают правил назначения наказания, предусмотренных Общей частью УК. Полагаем, что представленная математическая модель вычисления наказания за привилегированный состав преступления отвечает, прежде всего, принципу справедливости и является, на наш взгляд, наиболее эффективной.

При этом очень важным является условие, чтобы влияние коэффициентов на наказание ложилось в основу законодательной разницы между простыми и квалифицированными составами, с одной стороны, и привилегированными – с другой. Ранее мы приводили данные относительно разницы между основным и квалифицированным составом (без учета ст. 105 УК), между максимумом основного привилегированного состава по сравнению с максимумом основного состава убийства (ч.1 ст. 105 УК) и между максимумом ч. 2 привилегированного состава убийства по сравнению с максимумом квалифицированного состава убийства (ч. 2 ст. 105 УК). Для наглядности и правильного понимания влияния коэффициентов на назначение наказания, построим график с учетом законодательной разницы между простым (ч.1 ст. 105 УК) и квалифицированным (ч.2 ст. 105 УК)

составом, а также простым (ч.1 ст. 105 УК) и привилегированными составами (ст. 106 – 108 УК).

График 5

Законодательная разница между основным (ч. 1 ст. 105 УК) и квалифицированным (ч. 2 ст. 105 УК) составами, а также основным (ч. 1 ст. 105 УК) и привилегированными (ст. 106 - 108 УК) составами



Условные обозначения:

- А – срок лишения свободы по ч.1 ст. 108 УК;
- В – срок лишения свободы по ч.1 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 УК;
- С – срок лишения свободы по ст. 106 УК;
- Д – законодательная разница между ч.1 ст. 105 и ч.1 ст. 108 УК;
- Е - законодательная разница между ч.1 ст. 105 и ч.1 ст. 107, ч.2 ст. 108 УК;
- Ф - законодательная разница между ч.1 ст. 105 и ст. 106 УК;
- Г - срок лишения свободы по ч.1 ст. 105 УК (основной состав убийства);
- Н - срок лишения свободы по ч.2 ст. 105 УК (квалифицированный состав убийства);
- І - законодательная разница между ч.1 ст. 105 и ч.2 ст. 105 УК.

График показывает:

1. Срок лишения свободы простого состава пересекается со сроком лишения свободы квалифицированного состава преступления в пределах от 8 до 15 лет, что полагаем, является не совсем верным.

2. Максимальный срок лишения свободы самого строгого привилегированного состава преступления (ст. 106 УК) составляет 5 лет, что не позволяет пересечь нижнюю границу основного состава преступления в 6 лет лишения свободы, что в данном случае справедливо.

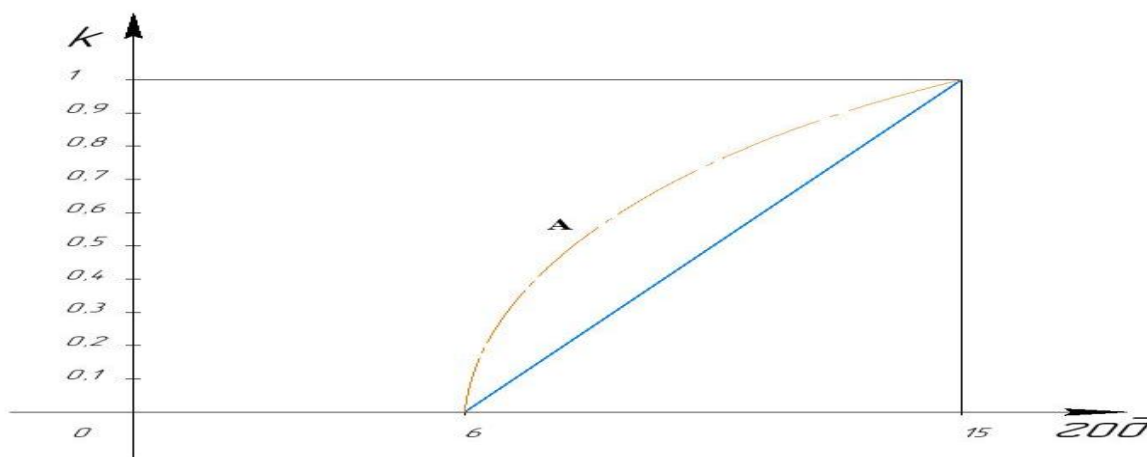
3. Законодательная разница между простым и квалифицированным составом преступления составляет 5 лет.

4. Законодательная разница между простым и привилегированными составами преступлений составляет: для ст. 106 УК – 10 лет, для ч. 1 ст. 107 УК – 12 лет, для ч. 1 ст. 108 УК – 13 лет соответственно.

Но, чтобы увидеть влияние коэффициентов на наказание, которое ложилось бы в основу вышеприведенной законодательной разницы, следует построить еще два графика относительно простого и квалифицированного состава преступления.

График 6

**Коэффициенты влияния на наказание
в простом составе убийства (ч. 1 ст. 105 УК)**

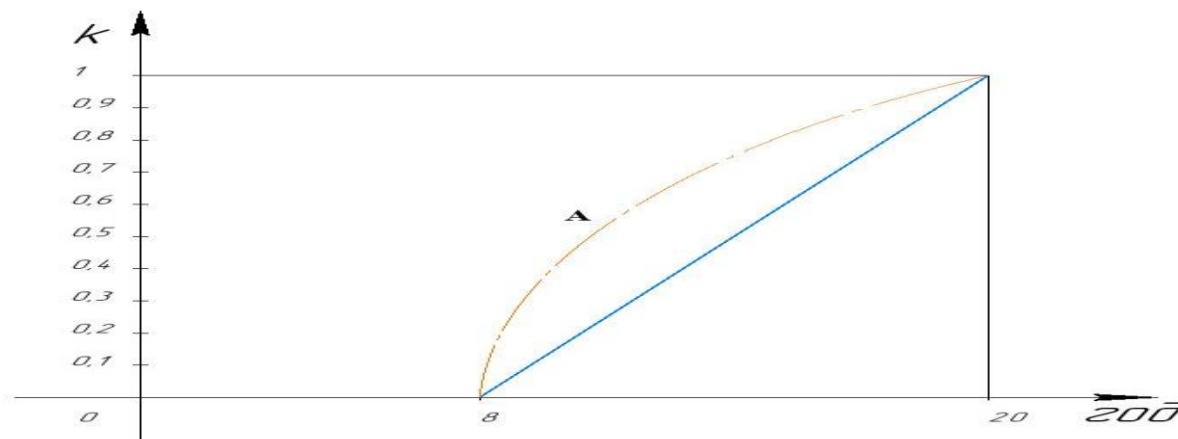


Условные обозначения:

А – срок лишения свободы в простом составе убийства (ч.1 ст. 105 УК)

График 7

**Коэффициенты влияния на наказание
в квалифицированном составе убийства (ч. 2 ст. 105 УК)**



Условные обозначения:

A – срок лишения свободы в квалифицированном составе убийства (ч.2 ст. 105 УК)

Таким образом, наказание по простому и квалифицированному составу возможно рассчитать аналогично вычислениям, приводимыми нами по привилегированным составам преступлений. Так, если суд будет учитывать только смягчающие обстоятельства при совершении преступления, то коэффициент будет понижаться, следовательно, будет понижаться срок наказания, при отягчающих обстоятельствах происходит обратный процесс – коэффициент повышается, а с ним и срок наказания. Если имеются и смягчающие, и отягчающие обстоятельства, то необходимо каждый из них учитывать при вычислении коэффициента.

Исходя из этого, коэффициент (k) оказывает влияние на квалифицированный состав преступления относительно основного состава *прямо пропорционально*. То есть при снижении коэффициента (k), снижается срок наказания и, соответственно, происходит *снижение разницы сроков лишения свободы между основным и квалифицированным составом преступления*.

В то же время коэффициент (k) оказывает влияние на привилегированный состав относительно основного состава преступления *обратно пропорционально*. То есть при снижении коэффициента (k), снижается срок наказания, но при этом происходит *увеличение разницы сроков лишения свободы между основным и привилегированным составом преступления*.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Санкции привилегированных составов преступлений являются альтернативными. Однако нельзя согласиться с установлением в альтернативных санкциях слишком широкого видового варианта наказаний (более трех), так как это может привести к сложности выбора справедливого вида наказания из числа альтернативно представленных.

2. Представляется справедливым зафиксировать минимальную границу наказания в 2 года лишения свободы за убийство матерью новорожденного ребенка в связи с законодательным закреплением минимального предела ограничения свободы в этом же составе на такой же срок, в 3 года лишения свободы – за убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта, хотя бы потому, что максимальный предел простого убийства в состоянии аффекта – 3 года лишения свободы и состав является квалифицированным.

3. Анализируя ст. 113 и ст. 114 УК, нелогичным представляется тот факт, что последствия в виде тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в данных составах приравниваются между собой, регулируются одной статьей и, следовательно, имеют одну санкцию. Хотя те же деяния, но без смягчающих обстоятельств (ст. 111 и ст. 112 УК), предусмотрены разными статьями, за них не установлена единая ответственность и категории преступлений различаются между собой. Решение проблемы видится в разделении тяжкого и средней тяжести вреда здоровью с назначением соответствующего наказания.

4. Важным и определяющим для справедливого построения санкций должен являться тот факт, что преступления против жизни и преступления против здоровья характеризуются разной общественной опасностью, влекут разные по тяжести последствия и соответственно не могут содержать одинаковые максимальные сроки всех основных видов наказаний, как это имеет место в ч. 1 ст. 108, ст. 113 и ч. 2 ст. 114 УК.

5. Что же касается практической пенализации, то несмотря на то, что анализируемые составы преступлений являются привилегированными, полагаем, что суды на практике к лицам, совершившим такие преступления, проявляют излишнюю гуманность. Усилению наказания в законе

соответствует снижению наказания на практике¹, что демонстрирует несоответствие законодательной и практической пенализации.

б. Математические методы исследования, применяемые для анализа пенализации, помогли вычислить коэффициенты (k) смягчающих обстоятельств в привилегированных составах преступлений против жизни и применить их для расчета наказания, используя формулу: $Y=y*k$, при помощи которой суды могут назначать наказание, не просто усматривая и учитывая смягчающие и (или) отягчающие обстоятельства в совокупности, как это имеет место в настоящий момент, а принимать во внимание каждое обстоятельство в отдельности, что позволит в определенных ситуациях (к примеру, при отсутствии смягчающих и наличии отягчающих обстоятельств) назначить максимально предусмотренный санкцией статьи срок основного, наиболее необходимого вида наказания и свести к минимуму несогласованность теоретической (законодательной) и практической пенализации, что в результате минимизирует назначение несправедливого и не отвечающего основным целям наказания.

¹ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 141.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Важным фактором, отличающим и одновременно характеризующим привилегированные составы преступлений, является наличие в них конструктивных признаков (признаков - привилегий), влияющих на построение привилегированных норм путем создания определенных льготных условий, исключительных обстоятельств, преференций, ориентированных исключительно на субъекта преступления в момент совершения общественно опасного деяния, раскрывающих сущность этих деяний, приводящих к дифференциации уголовной ответственности и определяющих в итоге их значение и роль в системе уголовно-правового воздействия.

2. Каждый привилегированный состав в своей конструкции имеет условия (например, время родов или обстановка сразу после них, или убийство двух или более лиц в состоянии аффекта), которые изменяют типовую степень общественной опасности. Типовую, но пониженную степень демонстрируют ст. 106, ч. 1 ст. 107, ст. 108, ст. 113-114 УК, исходя из того, что эти составы включают в себя обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность. Напротив, типовую, но повышенную общественную опасность, можно наблюдать в ч. 2 ст. 107 УК, где имеется квалифицирующий признак (убийство двух или более лиц), повышающий типовую степень в рамках одного привилегированного состава.

3. Основной состав преступления – это базовый состав, отличие которого от привилегированного состава состоит в невозможности дифференциации уголовной ответственности. В этом составе содержатся объективные и субъективные признаки, минимально необходимые для признания общественно опасного деяния преступным. Квалифицированный состав преступления – это состав, имеющий общую функциональную направленность с привилегированным составом – дифференцировать

уголовную ответственность посредством изменения типовой степени общественной опасности преступления, но обладающий, безусловно, важным отличием: квалифицированный состав законодательно повышает уровень уголовной ответственности в отличие от привилегированного состава, где этот уровень понижается.

4. Предлагается авторская редакция ст. 106 УК.

Статья 106. Убийство матерью новорожденного ребенка

Непредумышленное убийство матерью новорожденного ребенка во время или в период после родов, а равно убийство новорожденного ребенка, вызванное особым психофизиологическим состоянием роженицы, или убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с наступившей беременностью и родами, –

наказывается ...

Примечания. 1. Периодом после родов является ранний (в течение пяти-семи дней) период после физиологических родов и (или) после абдоминального процесса родоразрешения.

2. Под психофизиологическим состоянием понимается системный ответ организма на воздействие совокупности психических и физических (физиологических) условий и факторов, в целом характеризующий угнетенное состояние женщины, вызванное процессом родоразрешения и (или) ранним послеродовым периодом.

5. Предлагается внести изменения в диспозицию ст. 107 УК и сформулировать ее в следующей редакции:

Статья 107. Убийство, совершенное в состоянии аффекта

Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием и (или) угрозой его применения, противоправными и (или) аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей

ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным и (или) аморальным поведением потерпевшего, –

наказывается.

6. Конструирование привилегированного состава убийства при превышении пределов необходимой обороны, выраженного в установлении резко пониженного порога тяжести уголовной ответственности и наказания по сравнению с другими видами убийств, обосновывается тремя главными причинами (наличием факта посягательства как отрицательного, провоцирующего и иницирующего условия возникновения права на необходимую оборону и причинения вреда нападающему; правом, дарованным каждому на защиту своих интересов и интересов других лиц в рамках необходимой обороны; вынужденностью мер при защите обороняющегося лица от противоправного посягательства).

7. Привилегированный состав убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, с теоретической точки зрения имеет основания смягчения уголовной ответственности, которые, на наш взгляд, выражаются в таких причинах, как факт совершения преступления лицом, уклоняющимся от задержания; цели задержания, которые направлены на доставление органам власти и пресечение возможности совершения новых преступлений; вынужденность действий, которые выражаются в одном случае – обязанностью соответствующих категорий должностных лиц осуществлять задержание, в другом – правом (долгом) любого лица, независимо от должностного положения. Однако анализ судебной практики, отражая единичные случаи совершения такого рода преступления, не дает должного основания для дифференциации уголовной ответственности посредством закрепления указанного обстоятельства в качестве признака привилегированного состава преступления.

8. Новый привилегированный состав преступления против собственности должен выглядеть следующим образом: хищение чужого

имущества в состоянии крайней личной и (или) семейной нужды с целью удовлетворения необходимых жизненно важных потребностей, не связанное с применением насилия либо угрозой его применения.

9. Убийство при волеизъявлении лица о причинении ему смерти должно квалифицироваться по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК как одна из разновидностей простого или квалифицированного вида убийства.

10. Авторы, расширяя искусственно перечень привилегированных составов преступлений, включают в него составы с меньшим уровнем общественной опасности по следующим критериям: вследствие использования законодателем в конструкции составов преступлений прилагательного «мелкий (ая)»; вследствие наличия разграничивающих преступления признаков, которые отражают определенный размер причиненного вреда; вследствие меньших общественно опасных последствий, а также совершения преступления по неосторожности. Такое положение является в корне не верным и влечет необходимость определения таких составов как псевдопривилегированных.

11. Структура дифференциации уголовной ответственности с помощью привилегирующих признаков выглядит следующим образом: субъектом дифференциации выступает законодатель, который и осуществляет разделение ответственности; основанием дифференциации является типовая степень общественной опасности содеянного; средством дифференциации представляются непосредственно сами привилегированные составы преступлений; обстоятельства дифференциации выражаются в признаках - привилегиях; принципами дифференциации уголовной ответственности можно признать исходные начала, на основании которых наказание должно соответствовать деянию, в данном случае деянию, которое понижает уголовную ответственность и отражает изменение типовой степени общественной опасности содеянного.

12. Использование неюридических, в частности математических, средств познания является оправданным при анализе закономерностей

влияния на наказание наличия, в том числе, привилегирующих обстоятельств. При помощи коэффициентов, участвующих в математических вычислениях посредством разработанной формулы $Y=y*k$, суды смогут назначать наказание исключительно с учетом наличия или отсутствия *каждого* смягчающего и (или) отягчающего обстоятельства, что будет свидетельствовать об обоснованности и *справедливости* самого наказания, что особенно важно, так как одной из целей наказания является восстановление социальной *справедливости*.

Перспективными направлениями разработки темы исследования видятся дальнейшее осмысление правовой природы привилегирующих признаков (признаков - привилегий), позволяющих чётко разграничивать привилегированные составы преступлений со смежными уголовно-правовыми категориями (основными и квалифицированными составами преступлений, обстоятельствами, смягчающими наказание и др.), а равно выявление особенностей техники конструирования привилегированных составов преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные акты и иные официальные документы

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г., № 1-ФКЗ) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; 2020. – 4 июля.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 28.01.2022, № 3-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 1996. – № 25, ст. 2954; Рос. газета. – 2022. – 31 янв.
3. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (с изм. и доп. от 03.07.2016, № 329-ФЗ) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2011. – № 50, ст. 7362; 2016. – № 27 (ч. II), ст. 4262.
4. Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2011. – № 11, ст. 1495.
5. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» [Текст] // СЗ РФ. – 2009. – № 52 (ч. I), ст. 6453.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию «России надо быть сильной и конкурентоспособной» [Текст] // Рос. газета. – 2002. – 19 апр.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Текст] // Рос. газета. – 2012. – 3 окт.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (с изм. и доп. от 18.12.2018, № 43) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2; 2019. – № 2.

Научная и учебная литература

9. Айламазян, Э.К. Акушерство: учебник [Текст] / Э. К. Айламазян. – 7-е изд. – СПб.: СпецЛит, 2010. – 526 с.
10. Александров, А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности [Текст] / А.И. Александров. – М., 2003. – 559 с.
11. Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления [Текст] / А.Н. Трайнин. – М.: Госюриздат, 1957. – 363 с.
12. Астемиров, З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних [Текст] / З.А. Астемиров / под ред. Н.А. Стручкова. – М., 1970. – 125 с.
13. Бабаев, М.М. Проблемы российской уголовной политики [Текст] / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Проспект, 2014. – 291 с.
14. Бабий, Н.А. Учение о составе преступления: монография [Текст] / Н.А. Бабий. В 2 кн. Кн. 1: Понятие структуры и состава преступления. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 421 с.
15. Бабий, Н.А. Учение о составе преступления: монография [Текст] / Н.А. Бабий. В 2 кн. Кн. 2: Элементы, признаки и виды составов преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 441 с.
16. Бавсун, М.В. Смягчение наказания в уголовном праве: монография [Текст] / М.В. Бавсун, К.Д. Николаев, В.Б. Мишкин. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 191 с.
17. Базаров, Р.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против жизни [Текст] / Р.А. Базаров. – Челябинск, 1998. – 76 с.
18. Барановская, Е.И. Акушерство: учебник [Текст] / Е.И. Барановская. – Мн.: Высшая школа, 2014. – 287 с.
19. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния [Текст] / Ю.В. Баулин. – Харьков: Основа, 1991. – 359 с.
20. Баулин, Ю.В. Причинение вреда с согласия «потерпевшего» как обстоятельство, исключаящее преступность деяния [Текст] / Ю.В. Баулин. – Харьков: Кроссруд, 2007. – 93 с.

21. Бекария, Ч. О преступлениях и наказаниях [Текст] / Ч. Бекария. – М.: Стелс, 1995. – 182 с.
22. Блейер, Э. Руководство по психиатрии [Текст] / Э. Блейер. – Москва, 1993. – 542 с.
23. Бодяжина, В.И. Акушерство [Текст] / В.И. Бодяжина, К.Н. Жмакина, А.П. Кирющенко. – М., 1986. – 495 с.
24. Борзенков, Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика [Текст] / Г.Н. Борзенков. – М.: Зерцало - М., 2008. – 255 с.
25. Бородин, С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому уголовному праву [Текст] / С.В. Бородин. – М.: Юрист, 1994. – 204 с.
26. Бородин, С.В. Преступления против жизни [Текст] / С.В. Бородин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 465 с.
27. Бушуев, Г.В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании [Текст] / Г.В. Бушуев. – Горький, 1976. – 87 с.
28. Бытко, Ю.И. Справедливость и уголовная политика: монография [Текст] / Ю.И. Бытко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 211 с.
29. Векленко, С.В. Предумышленное убийство в уголовном праве России [Текст] / С.В. Векленко, А.Б. Фалько. – Омск, 2007. – 157 с.
30. Вилюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений [Текст] / В.К. Вилюнас. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 142 с.
31. Волков, Б.С. Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование [Текст] / Б.С. Волков. – Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1982. – 152 с.
32. Волков, Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность [Текст] / Б.С. Волков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. – 136 с.
33. Гайдуков, С.Н. Физиологическое акушерство: учебное пособие [Текст] / С.Н. Гайдуков. – СПб.: СпецЛит, 2010. – 222 с.
34. Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право. Общая часть: учебник [Текст] / Р.Р. Галиакбаров. – Краснодар, 1999. – 444 с.

35. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика [Текст] / Л.Д. Гаухман. – 3-е изд. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. – 557 с.
36. Гернет, М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование: с приложением 12 диаграмм [Текст] / М.Н. Гернет – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. – 318 с.
37. Гишинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль [Текст] / Я.И. Гишинский. – 4-е изд. – СПб.: Алеф-Пресс, 2018. – 573 с.
38. Горностаев, С.В. Диагностика мотивации профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: практ. рек. [Текст] / С.В. Горностаев. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – 57 с.
39. Грубова, Е.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы ответственности в российском и зарубежном уголовном законодательстве [Текст] / Е.И. Грубова. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. прав. академии, 2009. – 131 с.
40. Дагель, П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве: учебное пособие [Текст] / П.С. Дагель. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1970. – 132 с.
41. Денисов, Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. Социологический и юридический аспекты [Текст] / Ю.А. Денисов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 142 с.
42. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография [Текст] / В.Н. Додонов, О.С. Капинус, С.П. Щерба / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 543 с.
43. Донец, С.П. Квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения: монография [Текст] / С.П. Донец. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 157 с.
44. Друянов, Л.А. Место закона в системе категорий материалистической диалектики [Текст] / Л.А. Друянов. – М., 1981. – 144 с.

45. Дубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения [Текст] / П.А. Дубовец. – М.: Юрид. лит., 1964. – 159 с.
46. Дурманов, Н.Д. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния [Текст] / Н.Д. Дурманов. – М., 1961. – 311 с.
47. Елеонский, В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел [Текст] / В.А. Елеонский – Хабаровск, 1984. –108 с.
48. Звечаровский, И.Э. Современное уголовное право России [Текст] / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 94 с.
49. Злобин, Г.А. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация [Текст] / Г.А. Злобин. – М., 1982. – 303 с.
50. Зубкова, В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика [Текст] / В.И. Зубкова. – М., 2002. –296 с.
51. Забрянский, Г.И. Социология преступности несовершеннолетних [Текст] / Г.И. Забрянский. – Мн., 1997. – 351 с.
52. Иванчин, А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография [Текст] / А.В. Иванчин. Отв. ред. Л. Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2014. –352 с.
53. Иванчин, А.В. Состав преступления: учебное пособие [Текст] / А.В. Иванчин – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 125 с.
54. Кадников, Н.Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния [Текст] / Н.Г. Кадников. – М., 1998. – 47 с.
55. Капинус, О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь [Текст] / О.С. Капинус. – М.: Камерон, 2006. – 479 с.
56. Карпец, И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы [Текст] / И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1973. –287 с.
57. Кибальник, А.Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния [Текст] / А.Г. Кибальник. – М., 2009. – 74 с.

58. Ключев, А.А. Практика применения судами Российской Федерации положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: науч.-практ. пособие [Текст] / А.А. Ключев – М.: Юрлитинформ, 2016. – 198 с.
59. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном праве [Текст] / Е.В. Кобзева. – Саратов: Изд-во СГАП, 2004. – 226 с.
60. Козак, В.Н. Право на необходимую оборону [Текст] / В.Н. Козак. – Саратов, 1972. – 162 с.
61. Козаченко, И.Я. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка [Текст] / И.Я. Козаченко, Т.А. Лесниевски-Костарева, Л.Л. Кругликов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. академии, 1994. – 59 с.
62. Козаченко, И.Я. Проблема уменьшенной вменяемости. Текст лекций [Текст] / И.Я. Козаченко, Е.А. Сухарев, Е.А. Гусев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад. 1993. – 35 с.
63. Козлов, А.П. Понятие преступления [Текст] / А.П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 56 с.
64. Колоколов, Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность: монография [Текст] / Н.А. Колоколов. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 206 с.
65. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / Под ред. В.И. Радченко – М., 1996. – 699 с.
66. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (Особенная часть) [Текст] / под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1996. – 584 с.
67. Кони, А.Ф. О праве необходимой обороны: монография [Текст] / А.Ф. Кони. – М.: Остожье, 1996. – 112 с.
68. Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика [Текст] / А.И. Коробеев – Владивосток, 1987. – 267 с.
69. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография [Текст] / А.И. Коробеев – М.: Юрлитинформ, 2019. – 352 с.
70. Костарева, Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве [Текст] / Т.А. Костарева. – Ярославль, 1993. – 234 с.

71. Красиков, А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве [Текст] / А.Н. Красиков – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 121 с.
72. Красиков, А.Н. Преступления против права человека на жизнь [Текст] / А.Н. Красиков. – Саратов, 1999. – 219 с.
73. Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России [Текст] / А.Н. Красиков. – Саратов, 1996. – 99 с.
74. Кругликов, Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве [Текст] / Л.Л. Кругликов, А.В. Васильевский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 298 с.
75. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 287 с.
76. Кудрявцев, В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении: монография [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2019. – 126 с.
77. Кузнецова, Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности [Текст] / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1958. – 219 с.
78. Кузнецова, Н.Ф. Преступление и преступность [Текст] / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.
79. Курбатов, В.И. Юридическая психология: Учебное пособие [Текст] / В.И. Курбатов. – М.: Дашков и Ко»; Ростов-н/Д: Наука-Пресс, 2007. – 460 с.
80. Кургузкина, Р.Б. Причины убийства матерью новорождённого: природа, причины, предупреждение [Текст] / Р.Б. Кургузкина / под ред. Ю.М. Антоняна. – Воронеж: ВИ МВД России, 1999. – 151 с.
81. Курс российского уголовного права. Общая часть [Текст] / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.
82. Курс уголовного права: учебник для вузов. Особенная часть. Т. 3 [Текст] / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М., 2002. – 468 с.

83. Курс уголовного права: учебник для вузов. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении [Текст] / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М., 2002. – 611 с.
84. Леонтьев, А.Н. Потребности, мотивы, эмоции [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М., 1971. – 38 с.
85. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика [Текст] / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М.: Норма, 1998. – 287 с.
86. Лопашенко, Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 654 с.
87. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика [Текст] / Н.А. Лопашенко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 337 с.
88. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. 1. Общетеоретическое исследование посягательств на собственность: монография [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 190 с.
89. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. 2. Общая теория хищений. Виды хищения: монография [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 178 с.
90. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. 3. Формы хищения: монография [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 262 с.
91. Лопашенко, Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс: монография [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 440 с.
92. Лопашенко, Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс: монография. [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 396 с.

93. Лопашенко, Н.А. Убийства: монография [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 540 с.
94. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.
95. Ляпунов, Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права [Текст] / Ю.И. Ляпунов. – М.: ВЮЗШ., 1989. – 117 с.
96. Маклаков, А.Г. Общая психология [Текст] / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2012. – 582 с.
97. Маковеев, Д.В. Жизнь человека. Насилие и смерть: аспекты социально-философского анализа [Текст] / Д.В. Маковеев. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2004. – 185 с.
98. Теория государства и права [Текст] / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 1997. – 540 с.
99. Мельникова, Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания [Текст] / Ю.Б. Мельникова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 115 с.
100. Михаль, О.А. Уголовно-правовая классификация преступлений: монография [Текст] / О.А. Михаль. – Омск: Омская акад. МВД России, 2009. – 279 с.
101. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь [Текст] / В.К. Мюллер. – М., 1990. – 1192 с.
102. Наумов, А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т. 2: Особенная часть (главы I–X) [Текст] / А.В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 537 с.
103. Неклюдов, Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. I [Текст] / Н.А. Неклюдов. – СПб., 1876. – 543 с.
104. Никифоров, А.С. Неврология. Терапия, психиатрия и психология, офтальмология, педиатрия, ортопедия и травматология, дерматология, нейрохирургия, инфекционные болезни [Текст] / А.С. Никифоров. – М.: Эксмо, 2010. – 460 с.

105. Никифоров, А.С. Охрана здоровья граждан от тяжких насильственных посягательств [Текст] / А.С. Никифоров. – Саратов, 1974. – 183 с.

106. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация [Текст] / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – 303 с.

107. Побегайло, Э.Ф. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел [Текст] / Э.Ф. Побегайло, В.П. Ревин. – М., 1987. – 53 с.

108. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. II: Преступления против личности [Текст] / под ред. А.И. Коробеева. – СПб., 2008. – 680 с.

109. Попов, А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах [Текст] / А.Н. Попов. – СПб., 2001. – 463 с.

110. Пронская, Ю.Г. Физиологическое акушерство: современные аспекты: учебное пособие [Текст] / Ю.Г. Пронская. – 2-е изд., стер. – СПб.: Лань, 2019. – 48 с.

111. Психология экстремальных ситуаций: хрестоматия [Текст] / сост. А.Е. Тарас, К.В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 1999. – 480 с.

112. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 247 с.

113. Рождественский А. Основы теории права [Текст] / А. Рождественский. – М., 1910. – 157 с.

114. Российское уголовное право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть: [Текст] / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2006. – 600 с.

115. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. В 3 т. Т. 2: Особенная часть [Текст]. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 663 с.

116. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 328 с.

117. Сидоров, Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение [Текст] / Б.В. Сидоров. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 160 с.
118. Ситковская, О.Д. Криминально-психологическое исследование [Текст] / О.Д. Ситковская. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 231 с.
119. Ситковская, О.Д. Психологический комментарий к УК РФ [Текст] / О.Д. Ситковская. – М.: Зерцало, 1999. – 180 с.
120. Словарь по уголовному праву [Текст] / отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1997. – 682 с.
121. Сорокина, Т.Т. Роды и психика [Текст] / Т.Т. Сорокина. – Мн.: ООО «Новое знание», 2003. – 352 с.
122. Спасенников, Б.А. Преступное поведение и психические расстройства: монография [Текст] / Б.А. Спасенников, А.М. Смирнов, А.Н. Тихомиров. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 198 с.
123. Теория государства и права [Текст] / под ред. Н.Г. Александрова. – М., 1974. – 484 с.
124. Тихонова, С.С. Юридическая техника в уголовном праве: курс лекций [Текст] / С.С. Тихонова. – Н. Новгород, 2008. – 243 с.
125. Ткаченко, В.И. Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта: учебное пособие [Текст] / В.И. Ткаченко / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: РИО ВЮЗИ, 1979. – 52 с.
126. Туляков, В.А. Общая характеристика виктимологической политики в современных условиях [Текст] / В.А. Туляков. – Одесса. 2000. – 43 с.
127. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2012. – 941 с.
128. Уголовное право России. В 2 т. Т. 1: Общая часть [Текст] / под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М.: Норма, 2005. – 589 с.
129. Уголовное право России. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова. – 2-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2010. – 334 с.

130. Уголовное право России: курс лекций. В 6 т. Т. 2 [Текст] / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2008. – 646 с.

131. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2005. – 600 с.

132. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность [Текст] / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 751 с.

133. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 5: Понятие преступления. Состав преступления [Текст] / под ред. Н.А. Лопашенко. – М., 2016. – 595 с.

134. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 7: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. 2. Субъективная сторона преступления [Текст] / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 396 с.

135. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов [Текст] / отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 503 с.

136. Уголовное право. Особенная часть: учебник [Текст] / отв. ред. Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов. – М.: Юриспруденция, 2007. – 766 с.

137. Уголовное право: учебник для бакалавров. Т. 1: Общая часть [Текст] / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 590 с.

138. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н.А. Лопашенко, Р.О. Долотов, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов [Текст] / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 316 с.

139. Уголовный кодекс Швейцарии [Текст] / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 384 с.

140. Уледов, А.К. Теоретическая и прикладная социальная психология [Текст] / А.К. Уледов. – М.: Мысль, 1988. – 333 с.

141. Фейербах, А. Уголовное право. Кн. [Текст] / А. Фейербах. – СПб.: Мед. типогр., 1811. – 329 с.
142. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права: Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 6-е изд. [Текст] / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1912. – 439 с.
143. Царегородцев, Г.И. Здоровье – общественное богатство [Текст] / Г.И. Царегородцев. – М.: Знание, 1967. – 32 с.
144. Чернуха, Е.А. Нормальный и патологический послеродовой период [Текст] / Е.А. Чернуха. – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2006. – 271 с.
145. Чечель, Г.И. Убийство в состоянии аффекта. Особенности квалификации [Текст] / Г.И. Чечель. – Ставрополь, 2011. – 69 с.
146. Чичерина, Н.А. Воспитание до рождения [Текст] / Н.А. Чичерина. – М., 2002. – 110 с.
147. Шарапов, Р.Д. Понятие, квалификация и уголовно-правовое предупреждение преступного насилия [Текст] / Р.Д. Шарапов. – Тюмень, 2006. – 186 с.
148. Шаргородский, М.Д. Преступления против жизни и здоровья [Текст] / М.Д. Шаргородский. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 512 с.
149. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 556 с.
150. Шиян, В.И. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие. [Текст] / В.И. Шиян, В.С. Гриб, И.С. Ильин. – М., 2008. – 230 с.
151. Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве [Текст] / В.А. Якушин. – Тольятти, 1998. – 290 с.

Статьи в научных журналах и сборниках

152. Александров, А. Уголовный проступок: новые грани уголовного закона [Текст] / А. Александров, Л. Головкин, Г. Есаков, С. Паршин, Н. Пастухов, А. Бахраков // Закон. – 2016. – № 9. – С. 18-23.
153. Алексеева, А.П. Обзор изменений в антикоррупционном законодательстве [Текст] / А.П. Алексеева, А.С. Иванов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 91-96.

154. Алиев, Т.Т. Эвтаназия в России: право человека на ее существование [Текст] / Т.Т. Алиев // Современное право. – 2008. – № 4. – С. 46-52.

155. Анощенкова, С.В. Взятничество мелкое – вопросы крупные [Текст] / С.В. Анощенкова, С.С. Геворкян // Законность. – 2017. – № 3. – С. 43-45.

156. Артюшина, О.В. Новые преступления против жизни: проблемы криминализации и декриминализации [Текст] / О.В. Артюшина // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2019. – № 2, Т. 1. – С. 129-137.

157. Бабичев, А.Г. Понятие убийства и систематизация уголовного законодательства России об ответственности за убийство: инновационные проблемы совершенствования уголовного законодательства [Текст] / А.Г. Бабичев, Б.В. Сидоров // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 3. – С. 167-174.

158. Багмет, А.М. К вопросу об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ [Текст] / А.М. Багмет, А.В. Трощанович // Российский следователь. – 2014. – № 11. – С. 18-20.

159. Белюшина, Е.Ю. Проблема бедности в России и пути ее преодоления [Текст] / Е.Ю. Белюшина // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. – Пермь, 2016. – С. 79-81.

160. Брехман, Г.И. Перинатальная психология [Текст] / Г.И. Брехман // Вестник Российской ассоциации акушеров и гинекологов. – 1998. – № 4. – С. 49-52.

161. Васин, Д.М. Необходимая оборона имущества как обстоятельство, исключающее преступность деяния, по уголовному праву США [Текст] / Д.М. Васин // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 92-102.

162. Веселов, Е.Г. Граница преступного и не преступного [Текст] / Е.Г. Веселов // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С.12-14.

163. Веселов, Е.Г. Идея псевдопреступления как теоретическая основа системы обстоятельств, исключающих преступность деяния [Текст] / Е.Г. Веселов // Юрист - Правоведь. – 2009. – № 5. – С. 38-41.

164. Гишинский, Я.И. Преступления против собственности: криминологический анализ [Текст] / Я.И. Гишинский // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2006. – С. 518-526.

165. Гишинский, Я.И. Социальные процессы и тенденции преступности в современной России [Текст] / Я.И. Гишинский // Криминология в условиях трансформационных процессов: национальный и международный аспекты: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоцкого государственного университета (12–13 октября 2018 г.); редкол.: И.В. Вегера [и др.]. – Новополоцк: Изд-во Полоц. гос. ун-та, 2018. – С. 6-28.

166. Громов, В.Г. Ограничение свободы: от одной конкуренции к другой? [Текст] / В.Г. Громов // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях. – СПб., 2011. – С. 40-46.

167. Гурницкий, А.В. Бедность с позиций криминологии [Текст] / А.В. Гурницкий // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 174-181.

168. Донец, С.П. Квалификация преступлений и назначение наказания при наличии квалифицирующих (привилегирующих) признаков с умышленной и неосторожной формой вины: теоретико-прикладные вопросы [Текст] / С.П. Донец // Российский следователь. – 2019. – № 1. – С. 51-57.

169. Егорова, Н.А. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства [Текст] / Н.А. Егорова, А.Г. Егоров, С.А. Гордейчик // Законность. – 2017. – № 1. – С.51-56.

170. Егорова, Н.А. О понятиях дифференциации и унификации уголовной ответственности [Текст] / Н.А. Егорова // Российский ежегодник уголовного права. –2008. – № 2. – С. 94-110.

171. Ениколопов, Р. Введение. Борьба с коронавирусом – медицинская и экономическая проблема. Неравномерное распределение издержек [Текст] /

Р. Ениколопов // Экономическая политика во времена COVID-19. Российская экономическая школа. – 2020. – Апрель. – С. 3-11.

172. Еремеева, П.А. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы применения [Текст] / П.А. Еремеева // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: матер. XII всерос. молодежн. науч.-практ. конф. / под ред. И.А. Шаралдаевой. – Улан-Удэ, 2018. – С. 158-161.

173. Жильцов, А.А. Значение дифференциации уголовной ответственности при реализации принципа справедливости [Текст] / А.А. Жильцов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3. – С. 238-244.

174. Загородников, Н.И. Направления изучения советского уголовного права [Текст] / Н.И. Загородников, Н.А. Стручков // Советское государство и право. – 1981. – № 7. – С. 48-55.

175. Залетов, А.Б. О понятии «здоровье» и количественных отношениях в психологии и охране здоровья [Текст] / А.Б. Залетов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2016. – № 4-1 – С. 42-54.

176. Иванов, Н.Г. Уголовная ответственность лиц с аномалиями психики [Текст] / Н.Г. Иванов // Государство и право. – 1997. – № 3. – С. 72 – 79.

177. Иванчин, А.В. Еще раз об основании уголовной ответственности в свете современной уголовной политики [Текст] / А.В. Иванчин // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 15, № 3 (57). – С. 370-377.

178. Иванчин, А.В. О взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права (на примере конструирования состава преступления) [Текст] / А.В. Иванчин // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2019. – № 18 (18). – С. 36-43.

179. Иванчин, А.В. Основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений: понятие, значение, проблемы построения [Текст] / А.В. Иванчин // Актуальные проблемы уголовного права

и криминологии на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): сб. науч. ст. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – Вып. 1. – С. 39-48.

180. Иванчин, А.В. Сложные составы преступлений и проблемы их построения [Текст] / А.В. Иванчин // Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 75-80.

181. Иванчин, А.В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности [Текст] / А.В. Иванчин // Lex Russica. – 2015. – № 6. – С. 16-29.

182. Кабурнеев, Э.В. Понятие квалифицирующих признаков и их роль в дифференциации уголовной ответственности за убийство [Текст] / Э.В. Кабурнеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 4. – С. 70–73.

183. Карпов, Е.А. Проблема соблюдения прав человека в условиях мультикультурного общества в концепции «вовлечения другого» Юргена Хабермаса, или предстоящий закат Европы? [Текст] / Е.А. Карпов // Международное публичное и частное право. – 2019. – № 4. – С. 5-8.

184. Касторнова, В.Ю. О некоторых вопросах квалификации убийства матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов [Текст] / В.Ю. Касторнова // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2011. – № 2. – С. 210-211.

185. Квасникова Т.В. Аффект с точки зрения уголовного права, психологии, психиатрии, физиологии [Текст] / Т.В. Квасникова, А.С. Лазарева, А.А. Гончаров // Бюллетень науки и практики. – 2020. – № 5(6). – С. 374-381.

186. Кибальник, А.Г. О минимизации возможности политически мотивированного применения уголовного кодекса [Текст] / А.Г. Кибальник// Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября - 1 октября 2019 г.) / под ред.

Н.А. Лопашенко. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. академии, 2019. – С. 165-168.

187. Кибальник, А.Г. Уголовный проступок и его правовые последствия [Текст] / А.Г. Кибальник // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 65-68.

188. Кириченко, В.Ф. Необходимая оборона и задержание преступника [Текст] / В.Ф. Кириченко // Советская милиция. – 1966. – № 11. – С. 17-21.

189. Князев, Д.С. Эвтаназия и ее уголовно-правовая оценка [Текст] / Д.С. Князев // Российский следователь. – 2009. – № 16. – С. 9-10.

190. Князькова, М.Г. Влияние квалифицирующих признаков на дифференциацию уголовной ответственности на примере ст. 106 УК РФ [Текст] / М.Г. Князькова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. IV науч.-практ. конф. – М.: ТК «Велби»; Проспект, 2007. – С. 320-324.

191. Ковалев, М.И. К вопросу о теории уголовного кодекса [Текст] / М.И. Ковалев // Советское государство и право. – 1988. – № 5. – С. 74-82.

192. Коваль, А.В. Дифференциация ответственности за взяточничество в уголовном кодексе Российской Федерации: проблемы и перспективы [Текст] / А.В. Коваль // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 3 (41). – С. 43-49.

193. Козюк, М.Н. Правовое равенство и привилегия депутатской неприкосновенности [Текст] / М.Н. Козюк // Личность и власть: межвуз. сб. науч. работ. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ВШ МВД РФ, 1995. – С. 162-172.

194. Комиссаров, В.С. Законодательные перекосы в уголовно-правовой защите жизни человека [Текст] / В.С. Комиссаров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 212-213.

195. Комиссаров, В.С. Оценка состояния Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективная характеристика законодательной деятельности [Текст] / В.С. Комиссаров // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: матер. II междунар. науч.-практ. конф., сост. на юрид. фак-те МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. – М., 2003. – С. 11-17.

196. Коробеев, А.И. Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка [Текст] / А.И. Коробеев // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2005. – С. 414-419.

197. Коробеев, А.И. Простое убийство и сложности его квалификации [Текст] / А.И. Коробеев // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 16-19.

198. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации [Текст] / А.И. Коробеев // Закон. – 2015. – № 8. – С. 32-41.

199. Коротких, Н.Н. Индивидуализация наказания как внутриотраслевой принцип назначения наказания [Текст] / Н.Н. Коротких, В.В. Костюнина // Modern science. – 2021. – № 6-2. – С. 178-183.

200. Кропачев, Н.М. Общие вопросы применения мер ответственности за преступления [Текст] / Н.М. Кропачев // Уголовное право на современном этапе. Проблемы преступления и наказания. – СПб., 1992. – С. 356-413.

201. Кручинецкая, М.А. Уголовно-правовые аспекты эвтаназии [Текст] / М.А. Кручинецкая // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. IV междунар. науч.-практ. конф. – М.: ТК «Велби»; Проспект, 2007. – С. 314-316.

202. Кудаева, Л.А. «Во время или сразу же после родов» как криминообразующий признак в случае убийства матерью новорожденного ребенка [Текст] / Л.А. Кудаева // Научные Известия. – 2016. – № 4. – С. 106-111.

203. Кузнецов, А.П. Обстоятельства, смягчающие наказание [Текст] / А.П. Кузнецов // Ius publicum et privatum. – 2019. – № 1(3). – С. 46-50.

204. Кузнецова, И.А. Дискуссионные вопросы установления возраста субъекта в некоторых сложных составах преступлений и преступлениях с отягчающими обстоятельствами [Текст] / И.А. Кузнецова // Российский следователь. – 2016. – № 20. – С. 23-25.

205. Кузнецова, Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации деяний [Текст] / Н.Ф. Кузнецова // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 67-75.

206. Лопашенко, Н.А. Уголовный закон и статистика преступности: параллельное существование [Текст] / Н.А. Лопашенко // Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития (21-22 сентября 2012 г.): сб. ст. по матер. I междунар. науч.-практ. конф. Т. I / под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. – М.: Юриспруденция, 2013. – С. 50-56.

207. Лунц, Д.Р. Оценка судом психических аномалий обвиняемого, не исключающих вменяемость [Текст] / Д.Р. Лунц // Правоведение. – 1968. – № 2. – С. 86-94.

208. Мальцев, В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве [Текст] / В.В. Мальцев // Законность. – 1999. – № 1. – С. 17-21.

209. Мальцев, В.В. Преступления против собственности: дифференциация ответственности и устранение пробелов в законодательстве [Текст] / В.В. Мальцев // Российская юстиция. – 2008. – № 10. – С. 3--34.

210. Михайлов, В.И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния [Текст] / В.И. Михайлов // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 59-69.

211. Михаль, О.А. Смягчающие обстоятельства и классификация преступлений [Текст] / О.А. Михаль // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2008. – № 2 (15) – С. 130-132.

212. Михаль, О.А. Характер и степень общественной опасности преступления [Текст] / О.А. Михаль // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – № 4(35). – С. 20-24.

213. Момотов, В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (эвтаназия) [Текст] / В.В. Момотов // Lex Russica. – 2019. – № 10. – С. 9-15.

214. Мурадов, Э.С. Вина, виновность, общественная опасность [Текст] / Э.С. Мурадов, П.С. Яни // Вестник Академии Генеральной прокуратуры

Российской Федерации. Научно-практический журнал. – 2007.– № 1 (1). – С. 13-18.

215. Мустафаев Оглы, С.Э. Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность [Текст] / С.Э. Мустафаев Оглы // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3. – С. 130-135.

216. Мухачева, И.М. Понятие и виды психофизиологического состояния лица, совершившего преступление [Текст] / И.М. Мухачева // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 7 (80). – С. 115-123.

217. Непомнящая, Т.В. Альтернативные виды наказаний: проблемы развития и совершенствования [Текст] / Т.В. Непомнящая // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. – № 3 (32). – С. 217-220.

218. Непомнящая, Т.В. Учет судами характера и степени общественной опасности преступления при назначении наказания [Текст] / Т.В. Непомнящая // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – №1 (54). – С. 178-181.

219. Новоселов, Г.П. Преступления против жизни: система и алгоритм квалификации [Текст] / Г.П. Новоселов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 4(42). – С. 66-74.

220. Огородникова, Н.В. К вопросу о привилегированной ответственности мошенников-предпринимателей [Текст] / Н.В. Огородникова // Общественные науки: актуальный взгляд и перспективы развития. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 46-49.

221. Огородникова, Н.В. Привилегированные составы в системе преступлений против жизни и здоровья [Текст] / Н.В. Огородникова // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: матер. II междунар. науч.-практ. конф., сост. на юрид. фак-те МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. – М.: ЛексЭст, 2003. – С. 324-328.

222. Огородникова, Н.В. Совершенствование норм уголовного кодекса Российской Федерации как реализация уголовно-правовой политики [Текст] / Н.В. Огородникова // Теория и практика общественного развития. – 2018. – №3 (121). – С.42-45.

223. Огородникова, Н.В. Уголовно-правовой запрет как инструмент предупреждения преступлений: национальный и зарубежный опыт учета привилегирующих признаков убийства [Текст] / Н.В. Огородникова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 77-81.

224. Огородникова, Н.В. Федеральный закон РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ»: системный анализ бессистемных новелл [Текст] / Н.В. Огородникова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – № 5. – С. 201-206.

225. Ольков, С.Г. Математические модели системы права, правоотношений и юридической ответственности [Текст] / С.Г. Ольков // Публичное и частное право. – 2015. – № 2 (26). – С. 101-111.

226. Ольков, С.Г. Формулы уголовного наказания с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание [Текст] / С.Г. Ольков // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 154-164.

227. Ораздурдыев, А.М. Определение понятия простого преступления [Текст] / А.М. Ораздурдыев // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – Т. 1. – № 2. – С. 32-41.

228. Ошкина, Н.П. Особенности изучения проблем виктимологии личности преступника и потерпевшего в условиях реиндустриализации и изменений правовой политики России при совершении преступлений против собственности [Текст] / Н.П. Ошкина, В.А. Энтю // Россия: от стагнации к развитию (региональные, федеральные, международные проблемы): сб. матер. XII междунар. науч.-практ. конф. – 2017. – С. 522-526.

229. Палий, В.В. Преступление и проступок: проблемы соотношения [Текст] / В.В. Палий // Lex Russica. – 2017. – № 7 (128). – С. 112-124.

230. Панченко, В.Ю. Запрет эвтаназии: имманентный предел или ограничение права на жизнь? [Текст] / В.Ю. Панченко, К.С. Шушпанов // Российский юридический журнал. – № 1. – 2013. – С. 66-74.

231. Перевалов, М.В. Ответственность за мошенничество в предпринимательской сфере и принцип справедливости [Текст] / М.В. Перевалов // Символ науки. – 2018. – № 4. – С.64-67.

232. Петелин, Б.Я. Психологическая структура мотивов преступления [Текст] / Б.Я. Петелин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1978. – № 1. – С.94-100.

233. Петрашев, В.И. Перечень видов наказания: проблемы построения и перспективы развития в российском уголовном законодательстве [Текст] / В.И. Петрашев, С.И. Коновалова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 1999. – № 2. – С. 46-63.

234. Побегайло, Э.Ф. О юридической сущности действий, направленных к задержанию преступника [Текст] / Э.Ф. Побегайло// Вопросы укрепления социалистической законности и правопорядка. – Воронеж, 1970. – С. 57-64.

235. Побегайло, Э.Ф. Уголовная политика современной России: концептуальный подход [Текст] / Э.Ф. Побегайло // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: матер. III Российского Конгресса уголовного права. – М., 2008. – С. 464-465.

236. Предеин, П.Ю. Законодательные конструкции единичных сложных преступлений [Текст] / П.Ю. Предеин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 4. – С. 169-179.

237. Пряхина, Н.И. Социально-правовые основания уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности [Текст] / Н.И. Пряхина, В.Ф. Щепельков// Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 2. – С. 277-289.

238. Расторопов, С.В. Привилегированные виды составов преступлений против здоровья [Текст] / С.В. Расторопов // Закон и право. – 2004. – № 1. – С. 26-27.

239. Ряплова, Е.А. Исследование потребности женщин в психологическом сопровождении [Текст] / Е.А. Ряплова, Н.И. Лыскина // Практическая психология. – 2000. – Т. 2. – С. 34-36.

240. Сафуанов, Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка [Текст] / Ф. Сафуанов // Российская юстиция. – 1998. – № 3. – С. 29-30.

241. Свинкин, А.И. Оптимальное конструирование квалифицированных составов по признакам повторности и рецидива [Текст] / А.И. Свинкин // Проблемы эффективности уголовного закона. – Свердловск, 1975. – С. 35 – 37.

242. Серебренникова, А.В. Преступные деяния против жизни по уголовному кодексу ФРГ [Текст] / А.В. Серебренникова // Иностранное право: сб. науч. ст. и сообщ. Вып. первый. – М.: Диалог –МГУ, 2000. – С. 64-72.

243. Сидоров, Б.В. Убийство в системе посягательств на жизнь человека и вопросы совершенствования уголовного законодательства [Текст] / Б.В. Сидоров, А.Г. Бабичев // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 2. – С. 149-156.

244. Старостин, С.А. Уголовный проступок: правовая необходимость или очередная красивая теория? [Текст] / С.А. Старостин, А.А. Фатьянов // Административное право и процесс. – 2017. – № 12. – С. 24-26.

245. Степанов, В.В. Система уголовных наказаний [Текст] / В.В. Степанов // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. – С. 174-176.

246. Стус, Н.В. Юридическая природа нормы о необходимой обороне [Текст] / Н.В. Стус // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 176-179.

247. Тенчов, Э.С. О дифференциации ответственности за посягательства против собственности [Текст] / Э.С. Тенчов // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. – Ярославль, 1994. – С. 52-60.

248. Тимофеева, Е.А. О дифференциации уголовной ответственности и ее соотношении со смежными правовыми явлениями [Текст] / Е.А. Тимофеева // Вестник Института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 4. – С. 22-23.

249. Ткаченко, В. Необходимая оборона [Текст] / В. Ткаченко // Законность. – 1997. – № 3. – С. 26-31.

250. Фаргиев, И.А. Уголовно-правовая оценка заражения венерической болезнью [Текст] / И.А. Фаргиев // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 42-44.

251. Федоров, Д.А. Учет размера хищения в «специальных» составах мошенничества (ст. ст. 159.1 - 159.6 УК РФ) [Текст] / Д.А. Федоров // Российский следователь. – 2014. – № 4. – С. 29-32.

252. Федорович, С. Уйти по собственному желанию [Текст] / С. Федорович // ЭЖ – Юрист. – 2012. – № 40. – С. 3-8.

253. Филимонов, В.Д. Роль генезиса преступления в формировании его общественной опасности [Текст] / В.Д. Филимонов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 30. – С. 137-146.

254. Челябинова, З.М. Уголовно-правовое понятие насилия [Текст] / З.М. Челябинова // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. матер. III всерос. науч.-практ. конф. (26 ноября 2015 г.) / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Бриллиантова. – М.: РГУП, 2016. – С. 278-283.

255. Чернуха, Е.А. Основные лабораторные показатели в пуэрперии в зависимости от метода родоразрешения [Текст] / Е.А. Чернуха, Н.Д. Фанченко, Т.В. Бабичева, Т.Ю. Иванец // ЖРОАГ. – 2006 – № 4. – С. 20-23.

256. Чернышева, Ю.А. Легализация эвтаназии в России [Текст] / Ю.А. Чернышева // Общество и право. – 2008. – № 2. – С. 160-162.

257. Чистяков, А.А. Дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания [Текст] / А.А. Чистяков // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора юридических наук, профессора заслуженного деятеля науки

Российской Федерации Льва Леонидовича Кругликова / под ред. В.Ф. Лапшина. – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2015. – С. 22-28.

258. Шикула, И.Р. Проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка [Текст] / И.Р. Шикула // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 1-10. – С. 131-134.

259. Штанькова, А.П. Анализ санкций привилегированных составов преступлений [Текст] / А.П. Штанькова // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. III всерос. науч.-практ. конф. (29-30 марта 2018 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; ред. А.В. Голикова. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «СГЮА», 2018. – С. 434–443.

260. Штанькова, А.П. Более мягкое наказание как мнимое основание для признания составов мелкого хищения, мелкого взяточничества и мелкого коммерческого подкупа привилегированными [Текст] / А.П. Штанькова // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2018. – № 2 (26). – С. 178-182.

261. Штанькова, А.П. Волеизъявление лица о причинении ему смерти – обязательный элемент для квалификации деяния в качестве привилегированного убийства (по УК зарубежных стран) [Текст] / А.П. Штанькова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 6. – С. 23-26.

262. Штанькова, А.П. Заражение венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией как разновидность псевдопривилегированных составов преступлений [Текст] / А.П. Штанькова // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: тр. юрид. фак-та Астрах. гос. ун-та: сб. ст. заоч. науч.-практ. конф. – Астрахань, 2021. – С. 205-208.

263. Штанькова, А.П. Особенности характера и степени общественной опасности преступлений со смягчающими обстоятельствами [Текст] / А.П. Штанькова // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября -

1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; ред. А.В. Голикова. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «СГЮА», 2019. – С. 402–404.

264. Штанькова, А.П. Понятие аффекта в привилегированном составе убийства [Текст] / А.П. Штанькова // Московский юридический форум онлайн – 2020: сб. тез. докл. – В 4 ч. Ч. 3. – М.: РГ-Пресс, 2020. – С. 121-124.

265. Штанькова, А.П. Условия нецелесообразности введения привилегированного состава убийства, совершенного по мотиву сострадания, по просьбе потерпевшего [Текст] / А.П. Штанькова // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 12 (163). – С. 366-370.

266. Шульга, А.В. Уголовная ответственность за хищение на современном этапе [Текст] / А. В. Шульга // Российский следователь. – 2007. – № 12. – С. 24-27.

267. Щепельков, В.Ф. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: новый привилегированный состав?! [Текст] / В.Ф. Щепельков, Н.И. Пряхина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – Вып. 4. – С. 49-54.

Литература на иностранных языках

268. Tardien, A. Etude medico – legale sur linfantieide [Text] / A. Tardien. 1860. – 372 p.

269. Fatoye, F.O. Post – partum mental disorders: pattern and problems of management in Wesley Guild hospital [Text] / F.O. Fatoye, O.B. Fasubaa // Journal of Obstetrics and gynecology. – 2002. – Vol. 22, № 5. – P. 508.

270. Rubertsson, Ch. Depressive mood in early pregnancy: prevalence and women at risk in a national Swedish sample [Text]/ C. Rubertsson, U. Waldenstrom , B. Wickberg // Journal of Reproductive and Infant Psychology. – 2003. – Vol. 21, № 2. – P. 113-123.

271. Stuart, J.J. Obstetric risk [Text]factors for postnatal depression in urban and rural community samples [Text] / J.J. Stuart, M. B. Philip, G. H. Meredith // Australian and New Zealand Journal. – 2001. – Vol. 35, № 1. – P. 69–74.

Диссертации и авторефераты диссертаций

272. Адоевская, О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О.А. Адоевская. – Самара, 2007. – 253 с.

273. Аленкин, Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.Е. Аленкин. – М., 2017. – 217 с.

274. Аль-Одайни Магда Мохаммед Муршед. Клинико-психологические аспекты переживания насилия женщиной в традиционной арабской семье: дис. ... канд. псих. наук [Текст] / М.М. Магда Аль-Одайни. – СПб., 2009. – 124 с.

275. Андронникова, О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: дис. ... канд. псих. наук [Текст] / О.О. Андронникова. – Новосибирск, 2005. – 213 с.

276. Андрюхин, Н.Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.Г. Андрюхин. – М., 2002. – 216 с.

277. Антоненко, М.М. Эвтаназия как разновидность убийства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.М. Антоненко. – Калининград, 2018. – 253 с.

278. Афанасьева, В.И. Привилегия как источник исключительного права в процессе становления и развития патентного права России X-XIX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / В.И. Афанасьева. – М., 2007. – 350 с.

279. Байков, В.А. Квалифицированные виды убийств (Уголовно-правовые и криминологические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.А. Байков. – М., 2003. – 163 с.

280. Бакулин, Н.Н. Нормативное регулирование эвтаназии: философско-правовой и юридический аспекты: философско-правовой и юридический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.Н. Бакулин. – Ростов н/Д, 2005. – 144 с.

281. Балашова, С.В. Зависимость психопатологических и патопсихологических проявлений соматоформных расстройств от типа

психотравмирующих переживаний личности: дис. ... канд. мед. наук [Текст] / С.В. Балашова. – Оренбург, 2007. – 185 с.

282. Батманов, А.А. Личность виновного вне связи с преступлением как критерий дифференциации ответственности и наказания: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Батманов. – Ярославль, 2008. – 198 с.

283. Безручко, Е.В. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.В. Безручко. – Ростов н/Д, 2001. – 203 с.

284. Блинников, В.А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / В.А. Блинников. – Н. Новгород, 2002. – 403 с.

285. Буз, С.И. Кража: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.И. Буз. – Краснодар, 2002. – 202 с.

286. Бунева, И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Ю. Бунева. – Красноярск, 2000. – 181 с.

287. Бунин, О.Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: дис. канд. юрид. наук [Текст] / О.Ю. Бунин – М., 2006. – 200 с.

288. Буш, В.В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Буш. – Ставрополь, 2015. – 200 с.

289. Быкова, С.Ю. Этико-философские аспекты: проблемы эвтаназии: дис. ... канд. философ. наук [Текст] / С.Ю. Быкова. – М., 1993. – 118 с.

290. Вакарина, Е.А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.А. Вакарина. – Краснодар, 2001. – 215 с.

291. Верина, Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Г.В. Верина. – Саратов, 2003. – 510 с.

292. Голбан, Н.В. Проблема бытия в древнегреческой философии: Парменид - софисты - Сократ - Платон: дис. ... канд. философ. наук [Текст] / Н.В. Голбан. – СПб., 2008. – 175 с.

293. Гостькова, Д.Ж. Квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне составов преступлений против жизни и здоровья: вопросы теории и практики (по материалам Уральского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.Ж. Гостькова. – Челябинск, 2018. – 210 с.

294. Дибиров, М.Г. Привилегии в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.Г. Дибиров. – Саратов, 2016. – 228 с.

295. Димитрова, С.В. Цель и результат в социальной деятельности: дисс. ... канд. филос. наук [Текст] / С.В. Димитрова. – Волгоград, 1999. – 135 с.

296. Донец, С.П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве (Правовая природа, классификация, проблемы учета): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.П. Донец. – Казань, 2003. – 223 с.

297. Дубовиченко, С.В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.В. Дубовиченко. – Тольятти, 2007. – 232 с.

298. Елисеева, Н.М. Квazисоучастие в самоубийстве: актуальные проблемы криминализации и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.М. Елисеева. – Краснодар, 2020. – 198 с.

299. Емельянов, А.С. Становление и развитие института привилегий в российском законодательстве в XVI-XVIII вв.: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.С. Емельянов. – М., 2015. – 160 с.

300. Иванов, П.А. Стратегии совладания со стрессом у лиц, совершивших агрессивные преступления в условиях длительной психотравмирующей ситуации: дис. ... канд. псих. наук [Текст] / П.А. Иванов. – М., 2010. – 197 с.

301. Иванчин, А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / А.В. Иванчин. – Екатеринбург, 2015. – 462 с.

302. Ивченко, И.А. Эвтаназия как общественный феномен: социально-философский анализ: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.А. Ивченко. – М., 2009. – 149 с.

303. Кабурнеев, Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Э.В. Кабурнеева. – М., 2008. – 341 с.

304. Капинус, О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: уголовно-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / О.С. Капинус. – М., 2006. – 500 с.

305. Каплин, М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.Н. Каплин. – Ярославль, 2003. – 187 с.

306. Карасова, А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (Теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Л. Карасова. – Ростов н/Д, 2003. – 225 с.

307. Козина, Е.Л. Преступления против собственности, совершаемые несовершеннолетними, их причины и предупреждение: региональный аспект: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.Л. Козина. – Н. Новгород, 2008. – 201 с.

308. Коломина, А.В. Аффект в праве: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Коломина. – Владимир, 2006. – 166 с.

309. Королева, И.А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.А. Королева. – М., 2007. – 253 с.

310. Короткова, Н.А. Влияние беременности и родов на возникновение послеродового стресса и психовегетативных нарушений у родильниц: дис. ... д-ра мед. наук [Текст] / Н.А. Короткова. – М., 2011. – 298 с.

311. Корсун, Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.Ю. Корсун. – М., 2019. – 231 с.

312. Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Т.А. Костарева. – М., 1999. – 493 с.

313. Кротов, С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.Е. Кротов. – М., 2005. – 176 с.

314. Крылова, Н.Е. Уголовное право и биоэтика (уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий): дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Н.Е. Крылова. – М., 2006. – 410 с.

315. Кургузкина, Е.Б. Предупреждение убийства матерью новорожденного ребенка: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.Б. Кургузкина. – М., 1999. – 25 с.

316. Лукичев, О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О.В. Лукичев. – СПб., 1997. – 179 с.

317. Лукомская, А.С. Процессуальный порядок досудебного производства по уголовным делам об убийстве матерью новорожденного ребенка: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.С. Лукомская. – Ижевск, 2011. – 221 с.

318. Лунева, А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Лунева. – М., 2014. – 196 с.

319. Малькова, И.Ю. Грабеж: вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Ю. Малькова. – Саратов, 2009. – 186 с.

320. Марков, В.П. Механизм реализации основных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества в Российской Федерации: уголовно-правовой анализ: дис. д-ра юрид. наук [Текст] / В.П. Марков. – СПб., 2006. – 444 с.

321. Махмудова, М.А. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: по материалам Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.А. Махмудова. – Махачкала, 2006. – 218 с.

322. Мачульская, Е.А. Смягчающие обстоятельства - критерий индивидуализации наказания: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.А. Мачульская. – М., 2010. – 170 с.

323. Мингалимова, М.Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.Ф. Мингалимова. – М., 2019. – 254 с.

324. Мкртчян, С.М. Мошенничество в сфере кредитования: вопросы обоснованности состава преступления и уголовно-правового поощрения за позитивное посткриминальное поведение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.М. Мкртчян. – Волгоград, 2017. – 23 с.

325. Мордовина, А.А. Осуществление законного права как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Мордовина. – Ставрополь, 2005. – 162 с.

326. Мурзина, Л.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л.И. Мурзина. – Саратов, 2009. – 207 с.

327. Мустафазаде, А.Г. Квалификация убийства по мотиву и цели: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Г. Мустафазаде. – М., 2004. – 30 с.

328. Мясников, О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О.А. Мясников. – М., 2001. – 179 с.

329. Омельченко С.С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.С. Омельченко. – М., 2008. – 209 с.

330. Пархоменко, С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: дис. ... док. юрид. наук [Текст] / С.В. Пархоменко. – Иркутск, 2004 – 339 с.

331. Перекрестов, В.Н. Борьба с социально-негативным поведением как способ предупреждения преступности: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Н. Перекрестов. – Ростов н/Д, 1999. – 208 с.

332. Петрова, И.С. Ответственность по уголовному законодательству России и зарубежных стран за убийство при отягчающих обстоятельствах, относящихся к личности потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.С. Петрова. – Самара, 2007. – 200 с.

333. Плаксина, Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Т.А. Плаксина. – Томск, 2006. – 481 с.

334. Плэмэдялэ, И.Г. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Г. Плэмэдялэ. – М., 2007. – 190 с.

335. Поликарпова, И.В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Поликарпова. – Саратов, 2008. – 258 с.

336. Пономарь В.Е. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Е. Пономарь. – М., 1999. – 164 с.

337. Прусаков, А.Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Д. Прусаков. – Саратов, 2008. – 238 с.

338. Пуляева, Е.В. Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.В. Пуляева. – Тамбов, 2007. – 235 с.

339. Рагимов, Р.А. Проблемы назначения наказания (по материалам Республики Дагестан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р.А. Рагимов. – Махачкала, 2002. – 26 с.

340. Решетникова, Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.В. Решетникова. – Самара, 2012. – 232 с.

341. Риккас, Е.В. Убийство при отягчающих обстоятельствах по уголовному законодательству Эстонской Республики (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.В. Риккас. – М., 2004. – 236 с.

342. Рогова, Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Е.В. Рогова. – М., 2015. – 596 с.

343. Романенко, И.Б. Образовательные парадигмы в истории философии: дис. ... док. философ. наук [Текст] / И.Б. Романенко. – СПб., 2003. – 400 с.

344. Савинов, А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Савинов – М., 2002. – 186 с.

345. Самедова, Н.С. Репродуктивная функция женщин после операции кесарево сечение: дис. ... канд. мед. наук [Текст] / Н.С. Самедова. – Смоленск, 2006. – 134 с.

346. Семенова, Н.Д. Диспозиции и санкции за преступления, связанные с насилием над личностью: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.Д. Семенова. – Краснодар, 2000. – 207 с.

347. Сидоренко, Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Э.Л. Сидоренко. – М., 2013. – 418 с.

348. Сидорова, И.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления: дисс. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Сидорова. – Омск, 2010. – 216 с.

349. Сичинава, И.Р. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Р. Сичинава. – Ростов н/Д, 2004. – 191 с.

350. Смирнова, Л.Н. Теория и практика задержания лица, совершившего преступление, с причинением ему вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л.Н. Смирнова. – Томск, 2003. – 30 с.

351. Соболев, В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Соболев. – Краснодар, 2000. – 206 с.

352. Солодков, И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.А. Солодков. – Саратов, 2013. – 223 с.

353. Сотсков, Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ф.Н. Сотсков. – М., 2009. – 178 с.

354. Станкевич, К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дисс ... канд. юрид. наук [Текст] / К.К. Станкевич. – Екатеринбург, 2019. – 199 с.

355. Старых, С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.М. Старых. – М., 2003. – 163 с.

356. Страмилова, Т. П. Уголовная ответственность за простое убийство: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Т.П. Страмилова. – М., 2002. – 139 с.

357. Суменков, С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.Ю. Суменков. – Саратов, 2002. – 187 с.

358. Сысоева, Т.В. Убийство, совершенное в состоянии аффекта (уголовно-правовые и виктимологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Т.В. Сысоева. – Екатеринбург, 2000. – 147 с.

359. Тасаков, В.С. Основания смягчения уголовного наказания: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.С. Тасаков. – Чебоксары, 2018. – 190 с.

360. Тихонов Е.Н. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.Н. Тихонов. – М., 2004. – 187 с.

361. Трясоумов, М.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.А. Трясоумов. – Екатеринбург, 2000. – 218 с.

362. Тухбатуллин, Р.Р. Умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р.Р. Тухбатуллин. – М., 2005. – 217 с.

363. Ушакова, М. Г. Смягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.Г. Ушакова. – М., 2002. – 254 с.

364. Фалько, А.Б. Уголовная ответственность за преднамеренное убийство: дис. ... канд. юрид. наук. [Текст] / А.Б. Фалько. – Омск, 2006. – 199 с.

365. Фомичев, Е.К. Эвтаназия как форма реализации права на смерть: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.К. Фомичев. – Тамбов, 2006. – 225 с.

366. Хатуев, В.Б. Уголовно-правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Б. Хатуев. – М., 2004. – 189 с.

367. Хлебушкин, А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / А.Г. Хлебушкин. – СПб., 2017. – 480 с.

368. Челябова, З.М. Насилие в посягательствах на собственность: понятие, виды, проблемы законодательной регламентации, квалификации и наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / З.М. Челябова. – Саратов, 2019. – 33 с.

369. Черепенников, Р.В. Цели преступного деяния и их уголовно-правовое значение: дисс. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р.В. Черепенников. – М., 2011. – 225 с.

370. Чернокозинская, С.В. Приготовление к преступлению (Понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание): дис. ... канд. юрид. наук. [Текст] / С.В. Чернокозинская. – Саратов, 2005. – 205 с.

371. Чернышева, Ю.А. Уголовно-правовые вопросы причинения смерти потерпевшему по его просьбе (эвтаназия): автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ю.А. Чернышева. – М., 2008. – 224 с.

372. Чугунов, А.А. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Чугунов. – М., 2008. – 193 с.

373. Чупрова, О.Н. Дифференциация ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы и России: компаративистский аспект: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О.Н. Чупрова. – Ярославль, 2008. – 238 с.

374. Шабан Мажид Жома Саид. Убийство по уголовному праву Палестины и России: Сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ж.С. Шабан Мажид. – Краснодар, 2006. – 158 с.

375. Ширшов А.А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Ширшов. – Владивосток, 2004. – 202 с.

376. Ющенко, Н.В. Эвтаназия: аксиологический и антропологический аспекты: дис. ... канд. философ. наук [Текст] / Н.В. Ющенко. – Ростов-н/Д, 2011. – 166 с.

377. Якунина С.А. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.А. Якунина. – Ростов н/Д, 2005. – 214 с.

Материалы правоприменительной практики

378. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Калмыкия от 02.09.2015 по делу № 22-385/2015 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Crcqq3APAi1T/> (дата обращения: 13.08.2019).

379. Приговор Волжского районного суда Самарской области от 27.05.2019 по делу № 1-44/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/O8mCg8Z4HKVC/> (дата обращения: 14.05.2020).

380. Приговор Воротынского районного суда Нижегородской области от 13.07.2018 по делу № 1-34/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YhJ5yCU1dNNg/> (дата обращения: 17.06.2020).

381. Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 12.04.2016 по делу № 1-1061/2015 [Электронный

ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/34f0tJqqobmx/> (дата обращения: 17.07.2019).

382. Приговор Заволжского районного суда Ульяновской области от 18.09.2018 по делу № 1-289/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tUz1K7iDMdml/> (дата обращения: 15.07.2019).

383. Приговор Иволгинского районного суда Республики Бурятия от 08.11.2017 по делу № 1-297/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/7s7JsF6HMMmw/> (дата обращения: 05.11.2020).

384. Приговор Избербашского городского суда Республики Дагестан от 28.03.2016 г. по делу № 1-27/2016 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>(дата обращения: 30.01.2020).

385. Приговор Калининского районного суда Саратовской области от 24.10.2018 по делу № 1-1-83/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kbhNW6rFtSYP/> (дата обращения: 10.07.2019).

386. Приговор Карабулакского районного суда Республики Ингушетия от 28.09.2016 по делу № 1-39/2016 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/vIFR14Umem6w/> (дата обращения: 05.11.2020).

387. Приговор Кировского районного суда г. Новосибирска от 25.05.2018 по делу № 1-158/ 2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zHTMDB43aFH8/> (дата обращения: 18.10.2019).

388. Приговор Ленинского районного суда г. Грозного Чеченской Республики от 03.02.2017 по делу № 1-24/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/H9vFmph3OX6K/> (дата обращения: 24.06.2020).

389. Приговор Ленинского районного суда г. Мурманска от 04.09.2019 по делу № 1-166/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=3_(дата обращения: 22.01.2020).

390. Приговор Лысковского районного суда Нижегородской области от 23.06.2015 по делу № 1-17/2015 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yNmRtVs9WjHN/> (дата обращения: 05.11.2020).

391. Приговор Мамонтовского районного суда Алтайского края от 29.05.2018 по делу № 1-41/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Jh489JQez3N9/> / (дата обращения: 17.07.2019).

392. Приговор Мысковского городского суда Кемеровской области от 20.12.2019 по делу № 1-185/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SrT78r1lDBJQ/> (дата обращения: 05.11.2020).

393. Приговор Новооскольского районного суда Белгородской области от 29.06.2017 по делу № 1-44/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2eY7LzgzB7dP/> (дата обращения: 17.06.2020).

394. Приговор Орджоникидзевского районного суда Республики Хакасия от 09.11.2017 по делу № 1-27/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id> (дата обращения: 22.01.2020).

395. Приговор Островского районного суда Костромской области от 04.09.2018 по делу № 1-59/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3aJr1ov13NUv/> (дата обращения: 17.06.2020).

396. Приговор Первомайского районного суда г. Владивостока от 07.09.2017 по делу № 1-24/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZEXL9yTjUArC/> (дата обращения: 24.06.2020).

397. Приговор Прилузского районного суда Республики Коми от 25.07.2019 по делу № 1-66/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 05.11.2020).

398. Приговор Советского районного суда г. Орска от 15.10.2018 по делу № 1-285/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cAaW1tsdJUZV//> (дата обращения: 10.07.2019).

399. Приговор Тагилстроевского районного суда г. Нижний Тагил от 18.10.2018 по делу № 1-525/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nAuDkQRKDr1d/> (дата обращения: 15.07.2019).

400. Приговор Тихвинского городского суда Ленинградской области от 27.09.2018 по делу № 1-1/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PZsqpvvjDDmT/> (дата обращения: 15.07.2019).

401. Приговор Устюженского районного суда Вологодской области от 22.09.2017 по делу № 1-48/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/FSkQgwINvVJa/> (дата обращения: 05.11.2020).

402. Приговор Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан от 13.03.2015 по делу № 1-26/2015 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/sBuc290extNP/> (дата обращения: 05.11.2020).

403. Приговор Чердынского районного суда Пермского края от 19.06.2014 по делу 1-38/2014 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/WjcrUO8AW96P/> (дата обращения: 24.06.2020).

404. Приговор Чертовского районного суда Ростовской области от 20.09.2019 по делу № 1-72/2019 [Электронный ресурс] // – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/n1HL4Umb3X61/> (дата обращения: 14.05.2020).

405. Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 18.12.2019 по делу № 1-367/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6X0zF7yNfOxR/> (дата обращения: 05.11.2020).

Электронные ресурсы

406. California DA's new policy to consider looters' 'needs' before charging them [Электронный ресурс]. – URL: <https://nypost.com/2020/09/02/das-policy-to-consider-looters-needs-before-charging-them/> (дата обращения: 21.09.2020).

407. Академик [Электронный ресурс]. – URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 06.09.2016).

408. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // GUFO.ME. – URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%92%D0%98%D0%9B%D0%95%D0%93%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 01.10.2015).

409. В России на 28 % упал ВВП за период нерабочих дней апреля [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/3876484/> (дата обращения: 20.05.2020).

410. Величина прожиточного минимума [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30957> (дата обращения: 08.05.2020).

411. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 16.06.2020).

412. Главный хирургический портал [Электронный ресурс]. – URL: operabelno.ru/ (дата обращения: 16.06.2020).

413. Жизненно важные потребности [Электронный ресурс] // ПСИХОЛОГОС. Энциклопедия практической психологии. – URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/zhiznenno-vazhnye-potrebnosti> (дата обращения: 22.05.2020).

414. Клинические рекомендации (протокол лечения) «Кесарево сечение» [Электронный ресурс]. – URL: http://zdrav.spb.ru/media/komzdrav/documents/document/file/kesarevo_sechenie.pdf (дата обращения: 16.06.2020).

415. Математический портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://mathportal.net/> (дата обращения: 15.09.2020).

416. Население с доходами ниже прожиточного минимума в России по годам (Таблица) [Электронный ресурс] // infotables.ru. Справочные таблицы. – URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1191-uroven-bednosti-v-rossii> (дата обращения: 08.05.2020).

417. О религиозном составе населения России [Электронный ресурс]. – URL: <https://aftershock.news/?q=node/475657&full> (дата обращения: 14.03.2020).

418. Официальный сайт Министерства здравоохранения Астраханской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://minzdravao.ru/site-page/gbuz-ao-centr-planirovaniya-semi-i-reprodukcii-0> (дата обращения: 12.06.2020).

419. Предложения Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: последние новости России и мира. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4606248> (дата обращения: 15.01.2021).

420. Прожиточный минимум по данным Росстат [Электронный ресурс] // Статистика и показатели. – URL: <https://rosinfostat.ru/prozhitochnyj-minimum/> (дата обращения: 13.05.2020).

421. Грамота.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 01.10.2015).

422. Толковый словарь психиатрических терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.syntone-spb.ru/library/books/content/3484.html> (дата обращения: 16.06.2020).

423. Уголовное судопроизводство Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ. – URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 06.11.2020).

424. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ. – URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 06.11.2020).

425. Уголовный кодекс Республики Колумбия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wipo.int/wipolex/text> (дата обращения: 02.10.2015).

426. Уровень бедности по данным Росстат [Электронный ресурс] // Статистика и показатели. – URL: <https://rosinfostat.ru/uroven-bednosti/> (дата обращения: 13.05.2020).

427. Часто задаваемые вопросы [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – URL: <http://www.who.int/suggestions/faq/ru/> (дата обращения: 24.07.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ. РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ

Респонденты: 135 (64,3 %) ученых - специалистов в области уголовного права; 75 (35,7 %) практических работников.

Цель анкетирования – выявить отношение ученых-специалистов и практических работников к сформулированным выводам, рекомендациям и предложениям в контексте диссертационного исследования.

Анкетирование проводилось анонимно.

Вопросы, варианты ответов	Результат
1. Приемлемо ли, на Ваш взгляд, понятие «привилегированные» составы для описания ст. 106, 107, 108, 113, 114 УК РФ?	
<input type="radio"/> да, данное понятие является наиболее точным;	32 (15 %)
<input type="radio"/> нет, данное понятие нельзя применять к составам преступлений против жизни и здоровья;	53 (25 %)
<input type="radio"/> правильное будет именовать, как составы со смягчающими обстоятельствами;	105 (50 %)
<input type="radio"/> другой вариант _____	20 (10 %)
2. Усматриваете ли Вы в составе убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК), совершенного во время или сразу же после родов, привилегирующий признак?	
<input type="radio"/> да;	20 (10 %)
<input type="radio"/> нет;	32 (15 %)
<input type="radio"/> только в случае указания на особое психофизиологическое состояние женщины;	130 (62 %)
<input type="radio"/> другой вариант _____	28 (13%)
3. Необходимо ли, по Вашему мнению, дополнить ст. 106 УК РФ квалифицированным составом (убийство двух или более детей)?	
<input type="radio"/> да;	99 (47 %)
<input type="radio"/> нет;	103 (49 %)
<input type="radio"/> другой вариант _____	8 (4 %)
4. Советскому уголовному законодательству уже был известен привилегированный состав кражи, однако в ныне действующем законодательстве подобный состав отсутствует. Как Вы считаете, необходимо ли дифференцировать уголовную ответственность за кражу посредством использования привилегирующего признака – крайней личной либо семейной нужды с включением в УК РФ привилегированного состава кражи?	
<input type="radio"/> да;	82 (39 %)
<input type="radio"/> нет;	118 (56 %)
<input type="radio"/> другой вариант _____	10 (5 %)
5. Какие виды уголовного наказания являются, с Вашей точки зрения, наиболее достаточными и эффективными, в случаях привлечения лица к ответственности за менее опасные убийства (ст. 106, 107, 108 УК РФ)?	
<input type="radio"/> смертная казнь;	0 (0%)
<input type="radio"/> пожизненное лишение свободы	0 (0%)
<input type="radio"/> срочное лишение свободы	90 (43 %)
<input type="radio"/> принудительные работы	29 (14 %)
<input type="radio"/> ограничение свободы	65 (31%)
<input type="radio"/> исправительные работы	19 (9 %)
<input type="radio"/> иное	7 (3 %)

6. Одним из видов привилегированных составов умышленного причинения смерти в некоторых зарубежных государствах признается убийство по мотиву сострадания или убийство, совершенное по просьбе потерпевшего лица. Как Вы считаете, нуждается ли уголовное законодательство РФ в дополнении подобной привилегированной нормой?	
<input type="radio"/> да;	33 (15,5 %)
<input type="radio"/> нет;	154 (73,5 %)
<input type="radio"/> другой вариант _____	23 (11 %)
7. Справедливо ли, по Вашему мнению, что исходя из сроков лишения свободы, законодатель считает равным по степени общественной опасности убийство матерью новорожденного ребенка и квалифицированное убийство в состоянии аффекта?	
<input type="radio"/> да;	93 (44 %)
<input type="radio"/> нет;	108 (52 %)
<input type="radio"/> другой вариант _____	9 (4%)
8. Считаете ли Вы необходимым зафиксировать минимальное значение срока лишения свободы в 3 года для двух составов – убийства матерью новорожденного ребенка и квалифицированного убийства в состоянии аффекта?	
<input type="radio"/> да;	33 (15,5 %)
<input type="radio"/> нет;	156 (74,5 %)
<input type="radio"/> другой вариант _____	21 (10%)
9. Как Вы считаете, необходимо ли, корректируя внешнюю техническую сторону процесса конструирования привилегированных составов преступлений против здоровья, изменить ст. 113 УК, разделив по степени общественной опасности причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта и закрепить их в отдельных статьях?	
<input type="radio"/> да;	25 (12 %)
<input type="radio"/> нет;	170 (81 %)
<input type="radio"/> другой вариант _____	15 (15 %)
10. Считаете ли Вы справедливым, что разница между максимумом лишения свободы основного привилегированного состава по сравнению с максимумом лишения свободы основного состава убийства составляет – в убийстве матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК) – 10 лет лишения свободы, в простом убийстве в состоянии аффекта (ст. 107 УК) – 12 лет лишения свободы, в убийстве при превышении пределов необходимой обороны (ч.1 ст. 108 УК) – 13 лет лишения свободы?	
<input type="radio"/> да;	185 (88 %)
<input type="radio"/> нет;	15 (7 %)
<input type="radio"/> другой вариант _____	10 (5 %)